

18+

НОЧНОЙ ОГОНЬ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс
Ночной Огонь

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Ночной Огонь / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514709-7

Джаро не помнит своего прошлого — умирающего от побоев ребенка, его нашла и усыновила бездетная супружеская пара исследователей из института на Танете, но Джаро не может чувствовать себя человеком в обществе, где все подчинено стремлению к приобретению высокого статуса. Его приемные родители погибают от взрыва, устроенного террористом, и Джаро Фат отправляется на поиски своего истинного происхождения — его ждет много опасностей в мире, затерянном на краю Галактики.

ISBN 978-5-00-514709-7

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	15
4	16
5	18
Глава 2	20
1	20
2	21
Глава 3	28
1	28
Глава 4	42
1	42
2	43
3	44
4	47
5	49
6	52
7	54
8	57
Глава 5	60
1	60
2	68
3	71
Глава 6	72
1	72
2	75
3	81
4	86
Глава 7	88
1	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ночной Огонь

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2020

© Александр Фет, перевод, 2020

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4709-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

На окраине сектора Корню в созвездии Змееносца пылает звезда Роберта Палмера – ослепительно-белая, с протуберанцами короны, блещущими синими, красными и зелеными отливками. Подобно детям, бегающим наперегонки у майского шеста, вокруг нее танцует дюжина планет, но только один мир, Камбервелл, оказался в узкой полосе, где условия допускают существование человека. В этом труднодоступном районе Галактики первопроходцами были пираты, беглецы и запредельники;¹ за ними последовали всевозможные поселенцы – история колонизации Камбервелла насчитывает много тысяч лет.

«Бессмысленные сплетни! Тем, кто их распространяет, следовало бы знать, что контора Лоркина – единственный коммерческий посредник, получивший концессию на любые импортные и экспортные перевозки, связанные с Отмиром. Настоятельно рекомендую вам не пытаться нарушать давно установленный порядок торговли с этой планетой».

«Если вы не можете предложить больше трех тысяч сольдо, мы не будем больше отнимать ваше время».

Мэйхак и Нейтцбек покинули экспедиторскую контору Лоркина и прошли дальше по главной улице к синдикату Примроза. Распахнув дверь из пористого дерева, они вступили в длинное узкое помещение, полутемное и отдающее кисло-сладким духом неизвестных пряностей, ароматических пород дерева и выделанной кожи, а также, несомненно, копившихся десятилетиями пыли и плесени. Слева, за стойкой, приземистая пухлая молодая особа сортировала сушеные бобы, заполняя ими соответствующие емкости. Ее светлые волосы были связаны в узел на затылке; у нее были широкие скулы и подбородок, комковатый нос и маленький ярко-розовый рот.

Камбервелл – мир несопоставимых ландшафтов. Его топография определяется четырьмя континентами, разделенными океанами. Эволюция флоры и фауны, как всегда, привела к образованию форм с уникальными свойствами, причем фауна здесь отличалась настолько прихотливым разнообразием и такими неожиданными, даже опасными повадками, что два континента отвели под заповедники, где существа большие и малые, двуногие и прочие, могли прыгать, бросаться друг на друга, тяжело переваливаться по пастбищам, совершать молниеносные перебежки, рычать и бурчать, похищать друг у друга добычу и рвать друг друга в клочки, в зависимости от способностей и потребностей. На двух других континентах фауна жестко контролировалась.

Человеческое население Камбервелла происходило от дюжины рас, каковые вместо того, чтобы смешиваться, разделились на множество упрямо обособленных групп. Со временем результатом такого разобщения стала красочная неразбериха разнородных обществ, превратившая Камбервелл в излюбленное место проведения исследований инопланетными социологами и антропологами.

Важнейшим населенным пунктом на Камбервелле стал городок Танциг, построенный в строгом соответствии с тщательно разработанным планом. Концентрические кольца зданий окружали центральную площадь, где, отвернувшись одна от другой, стояли три бронзовые ста-

---

¹ Запредельники: люди, неспособные вписаться в общепринятые рамки поведения. В качестве социальной категории «запредельники» не поддаются точному определению; предлагался термин «бродяги-мизантропы», но он не вполне отражает разнообразие характеров и судеб этих нелюдимых странников.

туи тридцатиметровой высоты с руками, воздетыми к небу и словно застывшими в момент исступленной жестикуляции – хотя смысл этой жестикуляции обитатели Танцига уже давно забыли.²

---

² В ранних хрониках утверждалось, что все три статуи изображали одного и того же человека, легендарного юстициария и законодателя Давида Александра, в трех типичных позах: вызова в суд с целью вынесения приговора, усмирения толпы и принуждения к справедливости. В последней позе судья Александр держал в занесенной руке топор с короткой рукояткой и широким лезвием в форме полумесяца – возможно, не более чем объект церемониального назначения.

2

Хильер Фат и его супруга Альтея занимали должности адъюнкт-профессоров в Танетском институте на планете Галлингейл. Оба они преподавали в Колледже эстетической философии. Специальностью Хильера была теория конвергенции символов, тогда как Альтея изучала музыку первобытных и полудиких народов, как правило исполнявшуюся на уникальных инструментах с использованием необычных ладов и причудливых гармоний. Иногда такая музыка была простой, иногда сложной, но, как правило, оставалась непостижимой для инопланетных ушей, хотя во многих случаях исключительно любопытной. Нередко из старого фермерского дома, где жили Фаты, доносились необычайные звуки, а также возбужденные голоса, спорившие о том, допустимо ли применение термина «музыка» в отношении столь экстраординарных шумовых эффектов.

Ни Хильер, ни Альтея не могли назвать себя молодыми людьми, хотя признавать себя стариками еще решительно отказывались. Их естественные предпочтения носили консервативный, хотя и не обязательно традиционный характер – супруги были одинаково преданы идеалам пацифизма и одинаково безразличны к социальному статусу. Хильер, худощавый и жилистый, с землистым оттенком кожи и рано поседевшими волосами, начинавшими лысеть над высоким лбом, производил впечатление человека хорошо воспитанного, но отстраненного. Длинный нос, тонкие брови и слегка опущенные уголки поджатых губ придавали его лицу слегка презрительное выражение, словно его раздражал какой-то неприятный запах. На самом деле Хильер был податлив, исключительно вежлив и не расположен к вульгарности.

Альтея, такая же стройная, как ее муж, отличалась несколько более жизнерадостным и бодрым темпераментом. Сама того не подозревая, она была почти привлекательна – благодаря ярким золотисто-карим глазам, приветливому выражению лица и каштановым кудрям, причесанным без претензии на стильность. Лучезарный оптимизм позволял ей без труда справляться с изредка обострявшейся раздражительностью Хильера. Ни Хильер, ни Альтея не участвовали в ревностной борьбе за признание престижа, преобладавшей в жизни большинства сограждан; они не состояли членами каких-либо клубов – у них не было никакой «весомости».³ Сферы их профессиональной специализации настолько гармонировали, что им удавалось заручаться финансированием совместных экспедиций на другие планеты.

Одна из таких экспедиций привела их на полуцивилизованную планету Камбервелл в системе звезды Роберта Палмера. Прибыв в обветшалый космопорт Танцига, они арендовали аэромобиль и сразу отправились в поселок Сронк у подножия Ворожских холмов на краю Дикоягодной степи, где намеревались изучать образ жизни и записывать музыку цыган племени вонго, кочевавших по степи восемнадцатью таборами.

Вонго – народ, любопытный во многих отношениях. Долговязые сильные мужчины, длинноногие и длиннорукие, вели исключительно подвижный, даже атлетический образ жизни и гордились способностью перепрыгивать через кусты колючего терновника. Ни мужчины, ни женщины не могли похвастаться приятной внешностью. У них были грубые черты лица, матовая кожа розовато-сливового оттенка и продолговатые мясистые головы с копнами лакированных черных волос; мужчины лакировали также подстриженные «лопатой» короткие бороды. Мужчины обводили глазницы белыми кольцами, чтобы подчеркнуть свирепость черных глаз. Высокие полногрудые женщины с пухлыми щеками и крупными горбатыми носами подстригали волосы «под горшок» на уровне ушей. Представители обоих полов носили красочные одежды, расшитые зубами мертвых врагов из чужих таборов, добытыми в процессе нескончаемой кровной мести. Цыгане вонго считали воду растлевающей, лишающей воли, презренной

³ См. ниже примечание, посвященное социальному статусу на Галлингейле.

жидкостью – ее избегали любой ценой. Ни один вонго не позволял себе мыться с младенчества до смерти, опасаясь лишиться магической, свойственной только ему одному вязкой субстанции, сочившейся из кожи и являвшейся источником маны. Жажду вонго предпочитали утолять зловонным пивом.

Таборы враждовали согласно изошренным правилам, предписывавшим различные способы убийства. Кроме того, вонго калечили и злорадно уродовали пленных детей, тем самым превращая их в неприкасаемых парий в глазах родителей. Нередко родители, исполненные отвращения, изгоняли таких детей в степи, где они бродили в одиночку, становясь наемными убийцами и игроками на двойной флейте – инструменте, запретном для всех остальных музыкантов. Каста музыкантов-убийц включала и мужчин, и женщин; все они должны были носить желтые шаровары. Если женщина из этой касты беременела и рожала, она тайком оставляла младенца в яслях родного табора, где к такому ребенку относились с терпимостью, воспитывая его в традициях племени.

Четыре раза в год таборы вонго собирались на традиционных стоянках. Музыканты из племени, пригласившего других, хвастливо демонстрировали навыки, пытаясь заслужить почтение музыкантов-соперников из враждебных кланов. Соперники, разумеется, безжалостно высмеивали музыку хозяев стоянки, после чего им позволялось самим показать, на что они способны; убийцам-одиночкам разрешалось играть на двойных флейтах. Представители племени хозяев исполняли самую сокровенную колдовскую музыку предков, а музыканты из других таборов пытались ее имитировать, чтобы приобрести власть над душами цыган из клана, чью музыку они похитили. Таким образом, музыкой определялось преобладание одного табора над другим, и любого, кто пытался ее записывать, немедленно душили. Для того, чтобы безопасно запечатлеть музыку вонго, супруги Фаты пользовались потайными миниатюрными устройствами, не поддававшимися обнаружению без специальной аппаратуры. «Отважный музыковед-первопроходец вынужден прибегать к отчаянным средствам!» – подшучивали над собой Хильер и Альтея.

Для инопланетянина посещение стоянки вонго было рискованным предприятием в любое время, а в периоды ежеквартальных межплеменных сборищ опасность резко возрастала. Любимое времяпровождение еще не остепенившихся сорвиголов заключалось в том, чтобы похищать и насиловать девушек из другого табора, что вызывало суматоху и галдеж, но редко приводило к кровопролитию, так как подобные вылазки считались неизбежными проказами молодежи – причем, скорее всего, дело обходилось не без содействия девушек. Гораздо более серьезным инцидентом становилось похищение вождя или шамана, сопровождавшееся вымачиванием похищенного и его одежды в теплой мыльной воде, лишавшей жертву многолетних наслоений священного выпота. После купания пленнику сбрасывали бороду, а к его мошонке привязывали букет белых цветов, после чего опозоренному позволяли украдкой вернуться в родной табор – голому, безбородому, мытому и потерявшему ману. Оставшаяся после купания вода тщательно выпаривалась; в результате похитители становились обладателями кварты желтого, вязкого, вонючего дистиллята, применявшегося при отправлении магических обрядов.

Так как супруги Фаты привезли в дар рулоны ценного черного бархата, им позволили присутствовать на собрании таборов, и они сумели избежать конфликтов, хотя временами казалось, что сам воздух вокруг них сгустился угрозой неминуемой расправы. Они наблюдали за тем, как перед заходом солнца разожгли огромный костер. Цыгане пировали мясом, отваренным в пиве и приправленным остряком и квашеной живицей. Вскоре после ужина музыканты собрались у одного из фургонов и начали производить странные скрипучие звуки – по видимому, настраивали инструменты и разыгрывались. Хильер и Альтея присели в тени фургона и включили записывающие устройства. Музыканты принялись исполнять напряженные, настойчивые фразы, постепенно сменившиеся агрессивно звучащими вариациями, сопровож-

давшимися, явно не попадая, визгливыми восклицаниями двойной флейты убийцы в желтых шароварах. Прозвенели несколько гулких ударов гонга, и весь процесс повторился. Тем временем женщины принялись танцевать – то есть неуклюже, словно неохотно, ковылять вокруг костра против часовой стрелки. Длинные черные юбки волочились по земле, черные глаза блестели над странными черными полумасками, закрывавшими рот и подбородок. На масках были намалеваны белой краской огромные ухмыляющиеся рты, а из каждого нарисованного рта свисал фальшивый язык – ярко-красная тряпка длиной с локоть. Женщины дергали головами из стороны в сторону; языки болтались и подпрыгивали в такт.

«Меня это будет преследовать в кошмарах», – хрипло прошептал Хильер.

«Держи себя в руках – во имя науки!» – приказала ему Альтя.

Танцовщицы продвигались бочком вокруг костра, сначала выставляя вперед согнутую правую ногу, одновременно выпятив обширную правую ягодицу и опустив правое плечо, после чего та же последовательность движений начиналась с левой ноги.

Танец закончился – женщины пошли пить пиво. Музыка становилась громче и выразительнее. Один за другим к костру подходили танцоры-мужчины, сперва пинком выбрасывая ногу вперед, потом назад, а затем, подбоченившись и потряхивая плечами, совершая несколько странных извивающихся движений торсом; сделав длинный прыжок, танцор повторял эти па, начиная с другой ноги. Наконец мужчины тоже пошли пить пиво и похваляться прыжками. Снова заиграла музыка – атлеты племени вонго стали исполнять новый танец, выделявая всевозможные курбеты каждый по-своему, придумывая впечатляющие сочетания пинков, прыжков и акробатических трюков и торжественно вскрикивая по завершении особо затруднительных упражнений. Утомившись всласть, тяжело дыша и опустив плечи, они отправились продолжать попойку. Но этим дело не кончилось. Уже через несколько минут мужчины вернулись на озаренную костром площадку и занялись исполнением любопытного ритуала – так называемого «хамствования».⁴ Поначалу они стояли, пьяные, пошатываясь и хватаясь друг за друга, чтобы удержаться на ногах, глядя в небо и тыкая пальцами в созвездия, заслуживавшие особых унижений. Затем, один за другим, они стали грозить небу кулаками, выкрикивая издевательские оскорбления в адрес далеких обидчиков: «Давайте, прилетайте, чисто вымытые крысы – слюнтяи, потребители мыла! Мы здесь, мы плевать на вас хотели! Мы сожрем вас с потрохами! Прилетайте, привозите толстобрюхих офицеров в униформах, мы их выкупаем на славу! Мы им устроим такую головомойку, какой они не видели в своих мерзких банях! Кто вас боится? Ха-ха! Да никто вас не боится! Мы бросаем вызов всей вашей паршивой Галактике!»

Словно в ответ на похвальбы цыган, в небе сверкнула молния – разразился внезапный ливень. Каркая от досады и бешено ругаясь, вонго бросились под прикрытие фургонов. На площадке у шипящего под дождем костра остались только супруги Фаты, тут же воспользовавшиеся возможностью добежать до аэромобиля. Они вернулись в Сронк, довольные проделанной за ночь работой.

С утра супруги прогулялись по местному базару, где Альтя купила пару необычных канделябров, чтобы пополнить свою коллекцию. Они не нашли никаких любопытных музыкальных инструментов, но им сообщили, что в ярмарочном поселке Латуз, в ста шестидесяти километрах к югу от Сронка, под рыночными прилавками часто можно было найти всевозможные цыганские инструменты – и новые, и старинные. Никто не интересовался этим барахлом; как правило, его можно было купить за бесценок, но в Фатах сразу распознали бы инопланетян, в связи с чем цены могли мгновенно вырасти.

---

⁴ Наименование этого обряда можно точнее перевести с местного наречия как «вызов завоевателям звезд»; таким образом вонго выражали пренебрежение к Межпланетной службе безопасности и расследований (МСБР).

На следующий день Фаты вылетели на юг, скользя над дорогой, тянувшейся вдоль Ворожских холмов – к востоку простиралась степь.

Пролетев примерно треть пути на юг от Сронка, супруги заметили пренеприятнейшую сцену. У обочины четверо крепких деревенских парней, вооруженных дубинками, методично забивали насмерть какое-то существо, корчившееся в пыли у них под ногами. Несмотря на кровоточащие ушибы и переломы, существо отчаянно пыталось защищаться с отвагой, по мнению Фатов, выходявшей за рамки повседневности и свидетельствующей о благородстве духа.

Как бы то ни было, Хильер и Альтея приземлились на дороге, выскочили из машины и отогнали юных садистов от обессилевшей жертвы, на поверку оказавшейся темноволосым мальчуганом пяти или шести лет от роду, исхудавшим до костей и одетым в рваные лохмотья.

Деревенские парни стояли поодаль, презрительно поглядывая на чужаков. Старший пояснил, что их одичавшая жертва была не лучше степного зверя – если оставить его в живых, он вырастет разбойником или огородным воров. Здравый смысл диктовал необходимость уничтожения таких паразитов при первой возможности, каковая представилась в данном случае – в связи с чем, если бы господа приезжие соизволили наконец отойти, начинающие блюстители порядка могли бы продолжить свой общественно полезный труд.

Супруги Фаты устроили искренне удивленным подросткам разнос, после чего с величайшей осторожностью погрузили избитого ребенка в машину, что вызвало у деревенщины недоумение, смешанное с озлоблением. Впоследствии они рассказывали родителям о необъяснимом поведении идиотов в смешной одежде – судя по выговору, конечно же, инопланетян.

Фаты отвезли почти потерявшую сознание жертву в клинику Сронка, где доктора Солек и Фексель, местные врачи-резиденты, поддерживали в мальчике грозившую погаснуть искру жизни, пока его состояние не стабилизировалось; смертельного исхода опасаться больше не приходилось.

Врачи отошли от операционного стола с осунувшимися лицами, устало опутив плечи – удовлетворенные, однако, своим успехом.

«Тяжелый случай! – сказал Солек. – Сначала я думал, что мы его потеряем».

«Следует отдать ему должное, – отозвался Фексель. – Он явно не хотел умирать».

Врачи смотрели на неподвижного пациента. «Если не обращать внимание на кровоподтеки и повязки, у него довольно приятная внешность, – заметил Солек. – Почему бы кто-то бросил такого ребенка на произвол судьбы?»

Фексель внимательно изучил руки и зубы мальчика, прощупал ему горло: «Я сказал бы, что ему лет шесть. Скорее всего, он родился не на этой планете, причем его родители, вероятно, относятся к высшему сословию».

Мальчик спал. Солек и Фексель удалились, чтобы отдохнуть, оставив в палате дежурную медсестру.

Мальчик спал долго, понемногу набирая силы. В его уме мало-помалу соединялись разрозненные обрывки памяти. Он начал метаться; заглянув ему в лицо, медсестра испугалась и немедленно вызвала врачей. Поспешно прибывшие Солек и Фексель увидели, что пациент пытается избавиться от сдерживающих его устройств. Лежа с закрытыми глазами, он шипел и тяжело дышал – его умственные процессы быстро восстанавливались. Обрывки воспоминаний нанизывались в цепочки. Синаптические узлы перестраивались, цепочки становились блоками. Память воспроизвела взрыв образов, невыносимо ужасных. Мальчик стал биться в истерике, его изломанное тело трещало и пищало в судорогах. Солек и Фексель ошеломленно отшатнулись, но их замешательство было недолгим. Сбросив оцепенение, врачи ввели успокоительное средство.

Мальчик почти мгновенно расслабился и тихо лежал с закрытыми глазами. Солек и Фексель наблюдали за ним с сомнением. Уснул ли он? Прошло шесть часов, врачи успели отдохнуть. Вернувшись в клинику, они осторожно сделали пациенту инъекцию, прекращавшую

действие седативного препарата. Несколько секунд все было хорошо, после чего у мальчика снова начался яростный приступ. Жилы у него на шее натянулись, как веревки, глаза выпучились от напряжения. Постепенно, однако, конвульсии ослабевали – подобно движению стрелки останавливающихся часов. Из его груди вырвался стон, полный такой дикой скорби, что Солек и Фексель поспешно ввели новую дозу седатива, чтобы предотвратить опасные для жизни судороги.

Как раз в это время в клинике находился исследователь из центрального госпиталя Танцига, проводивший ряд семинаров и практических занятий. Его звали Миррел Уэйниш; он специализировался в области лечения расстройств центральной нервной системы и гипертрофических аномалий мозга в целом. Пользуясь редкой возможностью, Солек и Фексель привлекли внимание Уэйниша к травмированному мальчику.

Просмотрев перечень переломов, вывихов, растяжений, ушибов и прочих травм, нанесенных малолетнему пациенту, доктор Уэйниш покачал головой: «Почему он еще жив?»

«Мы задавали себе этот вопрос десятки раз», – отозвался Солек.

«Пока что он просто отказывается умирать, – прибавил Фексель. – Но это не может продолжаться долго, он не выдержит».

«Ему пришлось пережить что-то ужасное, – сказал Солек. – По меньшей мере, таково мое предположение».

«Избиение?»

«Разумеется, но интуиция подсказывает, что избиением дело не ограничивается. Когда к нему начинает возвращаться память, шок возобновляется, вызывая непереносимую мышечную активность. Что мы сделали не так?»

«По всей вероятности, вы все сделали правильно, – сказал Уэйниш. – Подозреваю, что события привели к образованию замкнутого контура, и обратная связь приводит к нарастанию преобладающего сигнала. Таким образом, со временем ему становится хуже, а не лучше».

«Как с этим справиться?»

«Необходимо разъединить замкнутый контур, конечно, – ответил Уэйниш, внимательно разглядывая мальчика. – Насколько я понимаю, о его прошлом ничего не известно?»

«Ничего».

Уэйниш кивнул: «Давайте посмотрим, что у него в голове. Продолжайте вводить седатив, пока я устанавливаю аппаратуру».

Уэйниш работал целый час, подсоединяя к ребенку приборы. Наконец он закончил. Пара металлических полушарий охватывала голову мальчика – открытыми остались только хрупкий нос, рот и подбородок. Запястья и щиколотки пациента закрепили металлическими рукавами, а на уровне груди и бедер его сдерживали металлические ленты.

«Начнем!» – объявил Уэйниш и нажал кнопку. На экране высветилась сеть ярких желтых линий – по словам Уэйниша, схема структуры мозга пациента. «Неизбежно имеют место топологические искажения. Тем не менее...» – специалист прервался и наклонился, изучая экран. Несколько минут он прослеживал переплетения сетей и фосфоресцирующие бесформенные узлы, сопровождая процесс тихими восклицаниями, а пару раз и присвистами изумления. Наконец он повернулся к Солеку и Фекселю: «Видите эти желтые кривые?» Он постучал по экрану карандашом: «Ими отображаются гиперактивные связи. Когда такие связи сплетаются в крупные узлы, это приводит к возникновению серьезных проблем, каковые и наблюдаются в данном случае. Само собой, я предельно упрощаю картину».

Солек и Фексель внимательно рассмотрели экран. Некоторые связи были тонкими, как паутина, другие медленно, но энергично пульсировали – эти последние Уэйниш идентифицировал как сегменты контура обратной связи, действующего подобно замкнутому на себя усилителю. На некоторых участках нити спирально закручивались, сплетались и сжимались

в волокнистые подушечки-узлы, настолько плотные, что в них уже невозможно было проследить индивидуальные нервные окончания.

Уэйниш указывал кончиком карандаша: «Проблема в этих сплетениях. Они подобны черным дырам в мозгу – все, что туда поступает, уже не выходит наружу. Тем не менее, эти узлы можно уничтожить, и я это сделаю».

«К чему это приведет?» – спросил Солек.

«Попросту говоря, мальчик выживет, но потеряет значительную часть памяти», – ответил Уэйниш.

Ни доктор Солек, ни доктор Фексель не нашли, что сказать. Уэйниш откалибровал прибор. На экране появилась голубая искра. Уэйниш сосредоточенно приступил к работе. Искра перемещалась, погружаясь в пульсирующие желтые сплетения и выныривая из них. Светящиеся узлы расплетались и разделялись на обрывки, блекнувшие и растворявшиеся; в конечном счете от них не осталось ничего, кроме призрачных следов.

Уэйниш выключил аппарат: «Вот и все. Рефлексы пациента, его языковые и двигательные навыки не повреждены, но основной объем памяти исчез. Сохранились следовые связи, способные генерировать случайные образы – не более чем мимолетные сполохи; они могут его беспокоить, но опасных мощных стимулов больше не будет».

Три врача освободили мальчика от металлических рукавов, лент и полушарий.

Они смотрели на пациента – мальчик открыл глаза, серьезно разглядывая стоящие перед ним три фигуры.

«Как ты себя чувствуешь?» – спросил Уэйниш.

«Мне больно, когда я двигаюсь», – у мальчика был тонкий, ясный голос, он отчетливо произносил слова.

«Этого следовало ожидать – по сути дела, это даже хорошо. Скоро все пройдет. Как тебя зовут?»

Взгляд мальчика потух: «Меня зовут...» Поколебавшись, он сказал: «Не знаю».

Он закрыл глаза. Из глубины его груди донесся низкий клокочущий звук – тихий, но резкий, словно порожденный чрезвычайным усилием. Звук превратился в слова: «Его зовут Джаро».

Уэйниш изумленно наклонился к пациенту: «Кто это говорит?»

Мальчик глубоко, печально вздохнул и тут же уснул.

Три терапевта продолжали стоять рядом, пока дыхание пациента не стало ровным. Солек спросил Уэйниша: «Насколько подробно вы намерены известить Фатов о случившемся?»

Уэйниш поморщился: «Сомнительный случай – даже если не называть его сверхъестественным. Тем не менее...» Он задумался: «Вероятно, все это не имеет значения. В той мере, в какой это касается меня, мальчик сказал, что его зовут Джаро – больше тут не о чем говорить».

Солек и Фексель кивнули. «Мы придерживаемся того же мнения», – сказал Фексель.

Доктор Уэйниш вышел в приемную клиники, где его ожидали Хильер и Альтея.

«Оснований для тревоги нет, – заверил их Уэйниш. – Худшее позади, он должен скоро поправиться без особых осложнений – за исключением провалов в памяти».

Некоторое время супруги переваривали новости.

Альтея спросила: «Насколько серьезна потеря памяти?»

«Трудно сказать заранее. Его психическое напряжение вызвано каким-то чудовищным потрясением. Мы были вынуждены удалить несколько ассоциативных узлов, со всеми побочными связями. Он никогда не вспомнит, что с ним случилось и кто он такой – он помнит только, что его зовут Джаро».

Хильер Фат огорчился: «Следует ли вас понимать таким образом, что он полностью потерял память?»

Уэйниш вспомнил о странном голосе, объявившем имя Джаро: «Не стал бы делать безоговорочные выводы. На схеме структуры мозга заметны отдельные точки и остаточное свечение, напоминающие по форме разрушенные матрицы – таким образом, в его воображении могут время от времени появляться намеки на события прошлого, но они останутся бессвязными».

3

Хильер и Альтея навели справки в населенных пунктах, расположенных вдоль долины реки Фуази, но не смогли ничего узнать ни о Джаро, ни о его происхождении. Всюду их встречали одни и те же безразличные пожатия плеч, одно и то же недоумение по поводу того, что кому-то понадобилось задавать бесполезные вопросы.

По возвращении в Сронк Фаты пожаловались Уэйнишу на бесплодность розысков. Врач ответил: «У нас мало всеобщих организованных структур, зато у нас множество независимых групп, кланов и округов, и все они относятся друг к другу с подозрением. Опыт научил их тому, что никто не будет создавать для них лишние проблемы, если они сами не будут совать нос в чужие дела – такова жизнь на планете Камбервелл».

Обувь и одежда Джаро были явно импортного происхождения; так как важнейший космический порт, Танциг, находился недалеко от реки Фуази, Фаты не сомневались, что Джаро привезли на Камбервелл с другой планеты.

При первой возможности Альтея робко попыталась задать мальчику несколько вопросов, но, как предупреждал доктор Уэйниш, в памяти Джаро не осталось ничего, кроме изредка возникавших образов – скорее намеков на воспоминания, нежели воспоминаний – пропадавших прежде, чем он успевал их осознать. Один из образов, однако, оставил исключительно глубокий след и вызывал у Джаро приступы страха.

Это видение явилось внутреннему зору Джаро однажды вечером. Ставни были закрыты, чтобы заходящее солнце не светило в глаза, в комнате царил приятный полумрак. Альтея сидела у кровати мальчика, пытаясь разобраться в картинах, тревоживших его воображение. Через некоторое время Джаро задремал; беседа, и так уже отрывочная, прекратилась. Джаро лежал, обратив лицо к потолку, с почти закрытыми глазами. Внезапно он ахнул, словно задыхаясь. Пальцы его сжались в кулаки, рот раскрылся.

Альтея сразу заметила происходящее. Она вскочила и, нагнувшись, заглянула ему в лицо: «Джаро! Что такое? Скажи, что случилось?»

Джаро не ответил, но мало-помалу успокоился. Альтея пыталась говорить сдержанно и ровно: «Джаро, скажи что-нибудь! Ты в порядке?»

Джаро с сомнением покосился на нее и закрыл глаза, после чего пробормотал: «Мне привиделось что-то страшное». Альтея старалась не волноваться: «Расскажи, что ты видел?»

Через несколько секунд Джаро начал говорить – так тихо, что Альтее пришлось пригнуться, чтобы расслышать: «Я вышел на крыльцо какого-то дома – кажется, я жил в этом доме. Солнце зашло, стало почти темно. Передо мной, за оградой, стоял человек. Я видел только силуэт на фоне неба». Джаро замолчал.

«Кто этот человек? – спросила Альтея. – Ты его знаешь?»

«Нет».

«Как он выглядел?»

Запинаясь, подбодряемый подсказками Альтеи, Джаро рассказал, что видел высокую худощавую фигуру на фоне серого сумеречного неба, в плотно облегающем сюртуке и черной шляпе с низкой тульей и жесткими полями. Фигура эта пугала Джаро, хотя он не понимал, почему. Фигура производила суровое, величественное впечатление – она повернулась и посмотрела Джаро прямо в лицо. Вместо глаз у нее были четырехконечные звезды, испускавшие серебристые лучи.

Заинтригованная, Альтея спросила: «И что было дальше?»

«Не помню», – голос Джаро затих, и Альтея больше не тревожила его сон.

4

Джаро не помнил дальнейших событий – ему повезло. То, что случилось потом, лучше было не вспоминать.

Джаро зашел в дом и сказал матери, что за оградой стоит человек. Та на мгновение замерла, после чего издала возглас настолько опустошенный и гнетущий, что в нем даже не было признаков страха. Она решительно взяла с полки металлическую коробку и всучила ее Джаро: «Возьми эту коробку и спрячь ее так, чтобы никто не нашел. После этого спустись к реке и залезай в лодку. Я приду, если смогу, но приготовься отчалить без меня, особенно если заметишь, что подходит кто-нибудь другой. Торопись!»

Джаро выбежал через заднюю дверь. Спрятав коробку в тайнике, он в нерешительности застыл, полный тошнотворных предчувствий. Наконец он побегал к реке, приготовил лодку и стал ждать. Ветер шумел у него в ушах. Он осмелился сделать несколько шагов обратно к дому, остановился и прислушался. Что это? Вопль, едва слышный из-за ветра? Тихо простонав от отчаяния, Джаро побегал домой вопреки указаниям матери. Заглянув в боковое окно, сначала он не мог понять, что происходит. Мать лежала на полу, лицом к потолку, с раскинутыми руками; рядом стояла черная сумка, а около ее головы блестел какой-то аппарат. Странно! Музыкальный инструмент? Напряженно вытянув руки и ноги, женщина не издавала ни звука. Около нее опустился на колени человек в черной шляпе, чем-то сосредоточенно занятый – судя по всему, он играл на музыкальном инструменте. Инструмент выглядел как небольшая стойка с трубчатыми колокольчиками. Время от времени человек переставал играть и задавал матери вопросы – словно спрашивал, понравилась ли ей мелодия. Но женщина лежала молча и неподвижно, как каменная.

Джаро немного переместился, и это позволило ему лучше разглядеть инструмент. На мгновение ум его помрачилось, но тут же словно сдвинулся в сторону, освободив место другому, более бесстрастному, хотя и неспособному здраво рассуждать наблюдателю. Джаро побегал к заднему кухонному крыльцу, взял из ящика топорик с длинной ручкой, прошел через кухню, не чувствуя под собой ног, и остановился в дверном проеме, оценивая ситуацию. Человек согнулся на коленях, спиной к Джаро. Руки матери были прибиты к полу скобами, пронзившими ладони, а ее щиколотки были закреплены хомутами потолще. В отверстие каждого ее уха была вставлена металлическая трубка; трубки изгибались, проникали через синусные пазухи и выходили наружу через рот, образуя подковообразные крюки, растянувшие губы и превратившие рот в неподвижную темную прореху. Крюки были соединены натянутой мембраной, резонировавшей, когда дрожали трубчатые колокольчики. Когда человек в черной шляпе ударял по ним серебряной палочкой, колокольчики звенели и гудели, по-видимому заставляя звуки проникать в мозг женщины.

Человек перестал играть и сухо задал вопрос. Женщина лежала молча, неподвижно. Человек ударил по колокольчику – осторожным и точным движением. Женщина судорожно напряглась, выгнув спину, и снова опустилась. Джаро подкрался к человеку сзади и ударил его топориком, целясь в голову. Предупрежденный вибрацией дощатого пола, человек обернулся – топор скользнул по его лицу и попал по плечу. Человек не сказал ни слова, но поднялся на ноги. Отступив на шаг, он споткнулся о черную сумку и упал. Джаро выбежал на задний двор через кухню, обогнул дом снаружи и осторожно приоткрыл переднюю дверь. Человека больше не было. Джаро вошел в комнату. Мать смотрела на него; с трудом шевеля растянутыми губами. Она прошептала: «Джаро, теперь ты должен быть храбрым, самым храбрым! Я умираю. Убей меня, пока он не вернулся».

«А коробка?»

«Вернись за ней, когда опасности не будет. Я внушила тебе все, что нужно сделать. Убей меня сейчас же, я больше не выдержу этот нестерпимый звон! Торопись, он возвращается!»

Джаро обернулся. Человек в шляпе стоял снаружи и смотрел в окно. В продолговатой раме верхняя часть его фигуры выглядела, как парадный портрет, выполненный с мастерской передачей пропорций и светотени. Лицо – суровое и жесткое, твердое и белое, словно вырезанное из кости. Под полями черной шляпы – высокий лоб философа, длинный тонкий нос, жгучие черные глаза. Угловатая нижняя челюсть сужалась к небольшому острому подбородку. Человек смотрел на Джаро с выражением задумчивого недовольства.

Время замедлилось. Джаро повернулся к матери и замахнулся топориком. Сзади послышался резкий приказ – Джаро его игнорировал. Он опустил топорик, раскроив матери лоб; лезвие погрузилось в мгновенно выплеснувшуюся мешанину крови и мозга. За спиной приближались шаги. Джаро выронил топорик, выбежал через кухню в уже почти непроглядные сумерки и со всех ног спустился к реке. Оттолкнув лодку от причала, он спрыгнул в нее, и лодку понесло вниз по течению. С берега донесся окрик – суровый, но в то же время странно мелодичный и мягкий. Джаро прижался к днищу лодки, хотя берег уже не было видно.

Налетали порывы ветра, вокруг качающейся лодки рябили волны, иногда переливавшиеся через планширь. Вода накапливалась на днище и начинала плескаться между бортами. Наконец Джаро встрепенулся и стал вычерпывать воду.

Казалось, ночь никогда не кончится. Джаро сидел, сгорбившись; порывы ветра, качка, плеск и влажность воды – все было так, как должно было быть, все помогало сохранять неустойчивое равновесие. Думать нельзя было: мысли должны были прятаться, как молчаливые черные рыбы, шевелившие хвостами в воде, где-то глубоко под днищем лодки.

Ночь прошла, небо посерело. Широкая река Фуази плавно поворачивала на север, чтобы струиться вдоль Ворожских холмов. Когда пробились первые малиново-оранжевые лучи солнца, ветер прибил лодку к узкой песчаной косе. Сразу за маленьким пляжем поверхность земли поднималась волнистыми уступами, постепенно превращаясь в Ворожские холмы. С первого взгляда холмы казались пегими, даже бородавчатыми, так как поросли сотнями разновидностей растительности, местами экзотической, но по большей части автохтонной – голубой коростой непролазника, группами низкорослых черных артишоковых деревьев, стелющимся шмелезудом. По хребтам выстроились рыжевато-оранжевые махороги, пламенеющие навстречу восходящему солнцу.

Несколько дней – может быть, даже неделю – Джаро бродил по холмам, питаясь ягодами терновника, семенами трав и корневищами похожего на лопух растения с широкими мохнатыми листьями – у корневищ не было ни острого, ни горького запаха или привкуса, и Джаро ими, к счастью, не отравился.

Однажды он спустился с холмов, чтобы собрать фрукты с деревьев, посаженных вдоль дороги. Его заметили парни из ближнего села под наименованием Ворожские Ремни. Непривлекательные особи – коренастые, крепко сбитые, с длинными руками, короткими толстыми ногами и круглыми драчливыми рожами, они носили туго облегающие штаны, коричневые куртки и черные фетровые шапки с прорезями над ушами, откуда торчали пучки темно-рыжих волос – парадную одежду, подобающую молодым прихожанам, направлявшимся в районный центр, чтобы принять участие в еженедельном Катаксисе. Парни не торопились – у них было время на то, чтобы совершить по пути похвальное благодеяние. Ухая и улюлюкая, они приступили к срочному уничтожению похитителя ничейных придорожных фруктов. Джаро отбивался, как мог – настолько успешно, что слегка удивленным отпрыскам неуживчивых фермеров пришлось проявить изобретательность. В конечном счете они решили переломать Джаро все кости, чтобы хорошенько проучить мерзавца.

Увы, они не успели довести эту затею до конца – рядом приземлился аэромобиль Фатов.

5

В больнице Сронка переломы Джаро срослись, и с него сняли защитные приспособления. Теперь он свободно лежал в постели в голубой пижаме, принесенной Фатами.

Альтея сидела у кровати, ненавязчиво изучая лицо мальчика. Его черные волосы, мягкие и гладкие, вымыли, подстригли и причесали. Синяки поблекли на чистой темно-оливковой коже, длинные темные ресницы прикрывали глаза, уголки широкого рта опустились, словно Джаро о чем-то вспоминал с легким сожалением. Альтея считала, что в его лице было поэтическое очарование; она с трудом удерживалась от того, чтобы обнять его, прижать к себе, погладить по голове, поцеловать. Но этого, конечно, делать не следовало. Прежде всего, Джаро был бы шокирован таким внезапным проявлением страстной привязанности. Во-вторых, его хрупкие кости могли не выдержать крепких объятий. В тысячный раз она пыталась представить себе: что привело Джаро на дорогу в Пагг? Как горевали, наверное, его родители! Джаро лежал тихо, с полузакрытыми глазами – то ли дремал, то ли о чем-то размышлял. Он рассказал о привидевшейся ему фигуре все, что мог – в этом отношении ничего больше нельзя было узнать.

Альтея спросила: «Ты помнишь, какой это был дом?»

«Нет. Помню только, что там был дом».

«А рядом были еще какие-нибудь дома?»

«Нет». Челюсти и пальцы Джаро судорожно сжались.

Альтея погладила его по голове, и он постепенно успокоился. «Теперь отдыхай, – сказала она. – Ты в безопасности и скоро полностью поправишься».

Прошла минута. «Что со мной будет?» – мрачно и тоскливо спросил Джаро.

Альтею этот вопрос застал врасплох. Она ответила с запинкой, хотя надеялась, что Джаро этого не заметил: «Все зависит от местных властей. Они сделают все возможное».

«Меня запрут в темноте, глубоко под землей, где меня никто никогда не найдет?»

Пораженная Альтея не сразу нашлась, что ответить: «Какие странные вещи ты говоришь! Кто тебе внушил такие глупости?»

Бледное лицо Джаро поморщилось. Он закрыл глаза и беспокойно отвернулся.

Альтея снова спросила: «Кто угрожал тебе такими ужасами?»

«Не знаю», – пробормотал Джаро.

Альтея нахмурилась: «Попробуй вспомнить!»

Губы Джаро шевелились; Альтея наклонилась к нему, но если Джаро и пытался что-то объяснить, она не могла его расслышать.

«Не могу себе представить, кому пришло в голову тебя запугивать! – пылко возмутилась Альтея. – Все это, конечно, полная чепуха».

Джаро кивнул, улыбнулся и, казалось, заснул. Альтея сидела, глядя на него с любопытством и недоумением. Джаро был полон невысказанных тайн! «Когда-нибудь, – думала Альтея, – обрывки памяти соединятся у него в голове. Возможно, для него это будет печальный день!»

Доктор Уэйниш, однако, заверял ее в том, что кошмарные воспоминания удалось уничтожить – было бы хорошо, если бы это действительно было так. В других отношениях врачи сулили Джаро полное выздоровление. По-видимому, ему посчастливилось избежать необратимых травм – кроме той, которую Уэйниш называл «мнемоническим провалом».

У Фатов не было детей. Когда они приходили на свидание с Джаро в больницу, он встречал их с искренней радостью, заставлявшей сжиматься их сердца. Приняв решение, они заполнили ворох бюрократических форм, уплатили множество всевозможных сборов и вернулись

в Танет, на планету Галлингейл, в сопровождении Джаро. С тех пор Джаро Фат был законно усыновлен.

Глава 2

1

«Общество без ритуалов подобно музыке, исполняемой одним пальцем на одной струне» – провозгласил в своем монументальном труде «ЖИЗНЬ» барон Бодиссей Невыразимый. Барон указал также на следующее обстоятельство: «Каждый раз, когда человеческие существа объединяются в стремлении к какой-либо общей цели (то есть формируют общество), каждый участник группы в конечном счете занимает то или иное положение, приобретая тот или иной статус. Любая социальная иерархия, однако, допускает, в той или иной степени, перемещение с одного уровня на другой».

В Танете на планете Галлинггейл стремление к приобретению статуса стало преобладающим общественным стимулом. Уровни социальной иерархии – «ступени» – точно определялись и удостоверялись принадлежностью к клубам, занимавшим различные ступени и придававшим им отличительный характер. Самыми престижными из клубов считались так называемые Семпитерналы: «Лохмачи», «Устричные кексы» и «Кванторсы»; членство в элитном клубе было эквивалентно репутации влиятельного аристократа.

Свойство, благодаря которому человек взбирался по общественной лестнице – «весомость» – не поддается простому определению. В числе важнейших компонентов весомости, однако, можно назвать агрессивное стремление к преобладанию над другими в сочетании с умением вести себя учтиво и любезно, а также финансовое благополучие и «ману», то есть личное обаяние, способность располагать к себе и оказывать влияние на других. Каждый был арбитром социального статуса, каждая пара глаз подмечала неподобающее поведение, каждая пара ушей слышала все, чего не следовало говорить. Мимолетный промах, бестактное замечание, даже рассеянный взгляд могли свести на нет месяцы ревностных усилий. Претензии на незаслуженную репутацию встречали мгновенный отпор. Выскочку преследовало удивленно-насмешливое презрение, его могли даже заклеить как «проньру».⁵

Хильера и Альтею Фатов, несмотря на то, что они пользовались уважением в Танетском институте, считали «профанами» – для них были непостижимы радости приращения «весомости» и мучительные переживания, связанные с невозможностью проникнуть за закрытые двери.⁶

---

⁵ «Проньрами» на Галлинггейле называли (как правило, за спиной) тех, кто пытался снискать расположение представителей высшего класса или втереться в элитные круги, не располагая достаточной весомостью.

⁶ На Галлинггейле приобретение статуса становилось волнующим, а нередко и отчаянным предприятием. Тех, кто отказывался участвовать в социальном состязании, называли «профанами»; профаны не пользовались всеобщим уважением, даже если заслуживали высокую профессиональную репутацию. Статус человека определялся престижем его клуба и «весомостью» – присущей ему способностью к динамичному, порывистому продвижению вверх, в чем-то сходной с концепцией «маны».

2

Фаты жили в семи километрах к северу от Танета в усадьбе «Приют Сильфид» – старом фермерском доме беспорядочной планировки, окруженном пятьюстами акрами необработанной земли. Дед Альтеи когда-то занимался здесь экспериментальным садоводством, но теперь ее владения считались дикой местностью: к ним относились пара лесистых холмов, речка, пастбище между холмами, заливной луг у речки и небольшой участок густого леса. Если от садоводческих экспериментов и остались какие-то следы, они давно скрылись под лесной подстилкой.

Джаро отвели комнаты с высокими потолками на верхнем этаже старого дома. Прошлое переставало тревожить его. Хильер и Альтея нежно привязались к нему и проявляли терпимость – трудно представить себе лучших родителей. В свою очередь, Джаро наполнял их сердца гордостью и ощущением выполненного долга. Через некоторое время они уже не могли представить себе жизнь без него. Их снедало беспокойство: был ли Джаро по-настоящему счастлив в Приюте Сильфид?

Тем временем, Джаро отличался необщительностью, что тревожило его приемных родителей, но в конечном счете они стали объяснять это свойство характера пугающими впечатлениями раннего детства. Они опасались задавать вопросы, не желая вторгаться в его внутренний мир, хотя от природы Джаро не был скрытен и ответил бы, если бы его спрашивали.

Предположение Фатов соответствовало действительности. Склонность Джаро к молчаливому уединению объяснялась его прошлым. Как предсказывал доктор Уэйниш, разрозненные обрывки мнемонических узлов время от времени соединялись, прослеживая прежние связи и формируя образы, растворявшиеся прежде, чем Джаро успевал сосредоточить на них внимание. Самыми яркими из этих впечатлений были две картины, проникнутые напряженными, несовместимыми эмоциями. Та или иная сцена нередко появлялась перед его внутренним взором, когда он уставал и находился в состоянии прострации или полудремы.

Первое – по-видимому, самое раннее – воспоминание вызывало у Джаро сладостно щемящую тоску, заставлявшую слезы наворачиваться на глаза. Ему чудилось, что он смотрит на прекрасный сад, серебристо-черный в лучах двух бледных лун. Иногда эта картина сопровождалась нервным содроганием, словно его сознание вытеснялось чьей-то посторонней волей, словно он становился кем-то другим. Как это могло быть? Ведь это он, Джаро, стоял у низкой мраморной балюстрады и смотрел на озаренный лунами сад, за которым начинался высокий темный лес!

В мимолетном воспоминании больше ничего не было – оно напоминало сон, но сразу наполняло Джаро тоской по какому-то месту, затерянному навсегда. Трагическая красота ночного сада внушала необычное безымянное ощущение осквернения чего-то невинного и великолепного – настолько сильное, что ему становилось трудно дышать от скорби, от жалости и боли, вызванных утратой былого единства с миром.

Второй образ, ярче и мощнее первого, неизменно погружал Джаро в смятение ужаса. Мрачный сухопарый силуэт выделялся на фоне еще не потухшего сумеречного неба, в шляпе с низкой тульей и жесткими полями, в строгом черном сюртуке, напоминавшем о власти, о какой-то официальной должности. Незнакомец стоял, слегка расставив ноги и задумчиво глядя вдаль. Когда он оглядывался, чтобы устремить взор на Джаро, в его глазах, казалось, мерцали маленькие четырехконечные звезды.

Шло время, и образы стали возвращаться все реже. Джаро приобретал уверенность в себе – приступы замкнутости проходили быстрее, и в конечном счете он от них избавился. Джаро стал таким сыном, о каком могли только мечтать Фаты, отличаясь от большинства дру-

гих детей, пожалуй, только аккуратностью, вежливостью, добросовестностью и предрасположением к тихим упорядоченным занятиям.

Так продолжалось безмятежное детство, и Джаро не хотел, чтобы оно кончалось. Однажды Джаро почувствовал нечто, чего никогда раньше не замечал: ощущение тревожного бремени на краю сознания, будто напоминавшее о чем-то важном, но забытом. Ощущение это прошло, но вызванная им подавленность осталась, и Джаро не мог найти ей объяснения. Через две недели, уже после того, как Джаро отправился спать, ощущение вернулось, сопровождаемое почти неразличимым звуком, напоминавшим бормотание или далекие раскаты грома. Джаро лежал, глядя в темноту – мышцы его напряглись от близости чего-то зловещего, по всему телу пробегала нервная дрожь. Через минуту звук пропал, и Джаро расслабился, не понимая, что с ним происходит.

Настало лето. Однажды вечером, когда Фаты уехали – в Институте проводился какой-то семинар – Джаро снова уловил этот звук. Отложив книгу, он прислушался. Казалось, откуда-то издали доносился низкий человеческий голос, полный скорби и боли. Голос бормотал что-то нечленораздельное.

Сначала Джаро был скорее озадачен, нежели встревожен – но звуки становились все отчетливее, все отчаяннее. Может быть, так просачивалась мертвая память, таковы были последствия каких-то злодеяний, о которых ему посчастливилось забыть? По меньшей мере, такая гипотеза была не хуже любой другой. Джаро решил относиться к странным слуховым галлюцинациям настолько безразлично, насколько это было возможно; через некоторое время звуки исчезали и сменялись тишиной.

Джаро пребывал в замешательстве. Без всякой уверенности он пытался убедить себя в том, что голос у него в голове был не более чем несущественной неприятностью; рано или поздно все это должно было пройти, улетучиться, забыться.

К сожалению, проблема не исчезала. Время от времени Джаро продолжал слышать низкие горестные причитания. Они становились то четкими, то смутными, словно раздавались то вблизи, то издали. Все это было совершенно непонятно, и вскоре Джаро отказался от попыток анализировать происходящее.

Со временем звуки становились настойчивее – будто кто-то намеренно пытался вывести Джаро из равновесия, нарушить спокойствие его духа. Нередко звуки вторгались в его сознание в самые неудобные моменты, когда Джаро не хотел отвлекаться. Кроме того, в навязчивом бормотании чувствовались отголоски злобы и ненависти, какая-то угроза, нечто устрашающее. В конце концов Джаро пришел к выводу, что слышит телепатические сообщения неизвестного врага: такое объяснение тоже было не хуже любого другого. Десятки раз Джаро собирался рассказать о происходящем приемным родителям, но каждый раз сдерживался – ему не хотелось волновать и огорчать Альтею.

Кто мог причинять ему тоскливое беспокойство, и зачем? Голос появлялся и пропадал через случайные промежутки времени. Джаро начинал возмущаться: никому другому не приходилось терпеть подобное преследование! Оно явно проистекало из каких-то таинственных событий его раннего детства, и Джаро твердо решил раз и навсегда, причем как можно скорее, разоблачить эти тайны и узнать правду. Только обнаружение источника зловещего голоса позволит ему избавиться от этой пытки!

Вопросы теснились у него в уме: «Кто я? Как я потерялся? Кто мрачный субъект, чей темный силуэт я видел на фоне сумеречного неба?» Само собой, ответы невозможно было получить на Галлингейле, в связи с чем оставался только один выход. Вопреки сопротивлению со стороны Фатов, Джаро должен был стать астронавтом.

Когда Джаро размышлял об этих вещах, у него холодок пробегал по коже; он считал это предчувствием будущего – но какого будущего? Успеха или провала? Не было никакой воз-

возможности угадать. Тем временем нужно было что-то придумать, чтобы справиться с назойливым вторжением в его жизнь незваного бормочущего гостя.

Через несколько месяцев он пришел к выводу, что самая эффективная стратегия заключалась в том, чтобы просто игнорировать зловещий голос и вести себя так, словно его не было.

И все же голос продолжал звучать, так же настойчиво и мрачно, возвращаясь иногда через пару недель, иногда через месяц. Прошел год. Джаро сосредоточился на учебе, заканчивая один за другим «курсовые уровни» Ланголенской гимназии. Супруги Фаты обеспечивали его всем необходимым, но не могли предоставить ему то, что сами отвергали, а именно высокий социальный статус. Такой статус можно было приобрести только посредством «восхождения», то есть перехода из менее престижных клубов в более престижные.

На вершине общественной пирамиды сохраняли неустойчивое равновесие три Семпитернала: таинственные «Кванторсы» – клуб настолько элитный, что число его членов ограничивалось девятью, а также не менее избранные «Устричные кексы» и «Лохмачи». Семпитерналы отличались от остальных клубов тем, что их привилегии, недоступные простонародью, передавались по наследству. На ближайшей к ним, почти столь же головокружительной высоте, находились «Бонтоны» и непоколебимый старинный «Палиндром». «Лемуры» претендовали на статус, равный «Бонтонам», но их амбиции считались слегка преувеличенными.

На ступени чуть ниже крепко держались клубы «Бустамонте», «Валь-Верде» и «Сасельтонские тигры». С ними пытались соревноваться «Цыплята-извращенцы» и «Скифы», но предпочтения «цыплят» и «скифов» рассматривались как экстравагантные и чрезмерно модернистские. Нижнюю ступень в иерархии самых уважаемых клубов занимали (возмущенно отвергая применение к ним концепции «нижней ступени» в принципе) четыре квадранта «Квадратуры круга»: «Кахулибы», «Зонкеры», «Паршивая банда» и «Натуралы». Каждый квадрант заявлял о своем превосходстве, насмехаясь – не совсем в шутку, но и не слишком всерьез – над недостатками трех других. Каждый квадрант славился особым характером. Среди «кахулибов» нередко встречались финансовые магнаты, тогда как «зонкеры» проявляли терпимость к нетипичным знаменитостям, в том числе к уважаемым музыкантам и художникам. «Натуралы» посвятили себя тонкостям изысканного гедонизма, а в состав «Паршивой банды» входили почти все руководители факультетов Института. Принимая во внимание все обстоятельства, однако, четыре квадранта мало отличались один от другого, вопреки раздававшимся время от времени громогласным взаимным поношениям, изредка приводившим к пощечинам, потасовкам и даже самоубийствам.

Так же, как и другие клубы среднего уровня, квадранты стремились укреплять репутацию, привлекая высокоуважаемых новых членов и ревниво оберегая репутацию уже заслуженную – то есть безжалостно искореняя из своих рядов любых «проныр», выскочек и прочих профанов.

Джаро был изумлен и шокирован тем, что его любимых высокообразованных родителей и его самого называли «профанами». Постыдное прозвище возмущало его. Хильер только смеялся: «Для нас это не имеет значения. Неважно, что про тебя говорят! Справедливо ли это? Скорее всего, нет – ну и что? Как говорил барон Бодиссей, „только потерпевшие поражение вызывают к справедливости“».⁷

---

⁷ Барон Бодиссей Невыразимый – мыслитель, родившийся на Древней Земле и посетивший множество других планет; создатель многотомной философской энциклопедии под наименованием «ЖИЗНЬ». Барон Бодиссей с уничтожающей язвительностью критиковал то, что он называл «гипертрофированной нравоучительностью», то есть применение абстрактных понятий, многократно удаленных от реальности последовательными умозаключениями с целью обоснования того или иного теоретического построения, на проверку не отличавшегося ни глубиной, ни непосредственным знакомством с предметом обсуждения. В последние годы жизни барон Бодиссей был объявлен врагом рода человеческого резолюцией внеочередного заседания Ойкуменической ассамблеи поборников равноправия, на что барон немногословно ответил: «Спорная точка зрения». По поводу этого замечания до сих пор продолжаются яростные дебаты.

По сей день самые эрудированные мыслители Ойкумены пытаются осмыслить это замечание.

Джаро скоро понял, что у него, так же как у Хильера и Альтеи, не было никакой склонности к «социальному восхождению». В Ланголенской гимназии он не проявлял ни особой общительности, ни агрессивного стремления приобрести высокую репутацию, не принимал участия в групповых развлечениях и не состязался в каких-либо видах спорта или играх. Такое поведение не вызывало симпатию, и у Джаро было мало друзей. Когда стало известно, что его родители – профаны, и когда стало ясно, что он сам не приобретает никакой «весомости», Джаро оказался в еще большей изоляции, несмотря на приятную внешность и умение аккуратно одеваться и причесываться. В том, что касалось успеваемости, однако, он превосходил большинство сверстников – настолько, что преподаватели практически приравнивали его к пресловутой отличнице Скирлет Хутценрайтер, об интеллектуальных подвигах, а также о надменных и своевольных повадках которой судачила вся гимназия. Скирлет была на пару лет младше Джаро: стройное бодрое существо, настолько заряженное умом и энергией, что, как выразилась школьная медсестра, «в темноте с нее искры сыпались». Скирлет вела себя, как мальчишка, хотя несомненно была девочкой, и притом далеко не дурнушкой. Лицо ее обрамляли густые темные волосы, необычно светлые серые глаза пронизательно смотрели из-под тонких черных бровей, чуть впалые щеки сходились к небольшому, но решительному подбородку, а строгий нос контрастировал с широким подвижным ртом. Скирлет, судя по всему, чуждалась показного тщеславия – она одевалась настолько просто, что преподаватели порой подозревали ее родителей в скупости, хотя в ее случае это было бы весьма маловероятно, так как отец Скирлет, достопочтенный Клуа Хутценрайтер, декан факультета философии Танетского института и межпланетный финансист, явно располагал значительными денежными средствами и – что важнее всего – был членом клуба «Устричных кексов», то есть занимал место на самой вершине социальной пирамиды. Что можно было сказать о ее матери, Эспейн? В этом отношении ходили слухи, если не скандальные, то по меньшей мере пикантные, подвергавшие некоторому сомнению ее высокую репутацию – в той мере, в какой можно было доверять сплетням. Дело в том, что мать Скирлет жила в роскошном дворце на планете Мармон, где ее величали Принцессой Рассвета. Каким образом и почему это так было, никто в точности не знал – и никто не осмеливался спрашивать.

Скирлет никоим образом не пыталась заслужить одобрение одноклассников. Иные юнцы, чьи стандартные заигрывания она игнорировала, ворчали, утверждая, что Скирлет – бесполое создание, холодное, как дохлая рыба. Во время перерыва на полдник, когда Скирлет выходила посидеть на террасу, вокруг нее часто собирался кружок подруг. В таких случаях она иногда вела себя любезно, иногда – раздражительно и капризно, а порой вскакивала и уходила прочь. В классной комнате она, как правило, выполняла задания с оскорбительной быстротой, после чего, демонстративно бросив на парту самопишущее перо, устремляла на окружающихкровительственно-насмешливые взгляды. Кроме того, у нее была неприятная привычка резко поднимать голову и широко открывать глаза, если преподаватель неосторожно допускал ошибку или позволял себе неудачно пошутить. Преподавателей такое поведение нервировало – тем более, что Скирлет отвечала на любые вопросы с холодной, но безукоризненной вежливостью. В конечном счете учителям пришлось относиться к ней с опаской и уважением. Когда они закусывали в преподавательском отделении кафетерия, Скирлет нередко становилась предметом разговора. У самых злопамятных и обидчивых она вызывала откровенную неприязнь; другие проявляли умеренность, указывая на то, что от девочки в раннем подростковом возрасте нельзя ожидать житейской мудрости. Господин Оллард, эрудированный преподаватель социологии, анализировал поведение Скирлет в терминах психологических императивов: «В интеллектуальном отношении она тщеславна и даже нетерпима в степени, превосходящей наивную самонадеянность; для нее превосходство над окружающими стало аксиомой, исходным прин-

ципом существования – своего рода достижение для малолетней тщедушной особы». Господин Оллард считал целесообразным умалчивать о том, что Скирлет целиком и полностью пленила его сердце.

«В сущности, она неплохая девочка, – снисходительно заметила госпожа Виртц. – В ее характере нет жестокости или подлости – хотя, конечно, она умеет доводить меня до белого каления».

«Маленькая злыдня! – не выдержала госпожа Боркл. – Ей не помешала бы хорошая взбучка!»

Так как Скирлет по праву рождения принадлежала к избранному кругу «устричных кексов», а Джаро, будучи профаном, не мог похвалиться никаким престижем, какое-либо общение между ними, а тем более возникновение между ними какой-либо связи, было исключительно маловероятно. Джаро уже обнаружил, что некоторые девушки были привлекательнее других. К числу самых привлекательных он относил Скирлет Хутценрайтер. Ему нравилась ее стройная маленькая фигура; еще больше ему нравились ее беспечно-самодовольные манеры. К сожалению, вовсе не Скирлет, а уже не первой молодости преподавательница математики, госпожа Айдора Виртц, находила Джаро очаровательным, прелестным мальчиком. Она с трудом удерживалась от того, чтобы схватить Джаро – такого пригожего, такого чистого и наивного – и обнимать его и тискать, пока он не запищит, как котенок. Джаро инстинктивно подозревал ее намерения и старался держаться подальше.

Айдоре Виртц не хватало привлекательности; маленькая, тощая, энергичная женщина с хищными чертами лица и варварской копной кирпично-рыжих кудряшек, она нарочно носила платья кричащей расцветки и не меньше дюжины позвякивающих браслетов, часто на обеих руках. Госпожу Виртц приняли в круг «Парнасцев» – достаточно уважаемое сообщество среднего уровня, но там она оказалась в тупике. Несмотря на отчаянные усилия, ей отказывали в восхождении на ступень смекалистых «Сафардипов»; ею пренебрегали даже их соперники, склонные к авангардизму «Черные цилиндры».

Однажды она отвела Джаро в сторону: «Я хотела бы с тобой поговорить. Меня снедает любопытство».

Госпожа Виртц провела Джаро в опустевшую классную комнату, после чего некоторое время молча изучала его, опираясь руками на стол. «Джаро, тебе, конечно, известно, что ты превосходно выполняешь задания, – начала она. – По сути дела, иногда ты находишь поистине элегантные решения».

«Благодарю вас, – ответил Джаро. – Я стараюсь не лениться».

«Это очевидно. Господин Баскин говорит, что твои сочинения хорошо написаны, хотя ты всегда выбираешь темы, не касающиеся тебя лично, и никогда не выражаешь собственную точку зрения. Почему?»

Джаро пожал плечами: «Мне не нравится писать о себе».

«Это и так понятно! – отрезала госпожа Виртц. – Меня интересуют причины».

«Если бы я стал писать про себя, все подумали бы, что мне хочется хвалиться».

«Ну и что? Скирлет Хутценрайтер пишет самые оскорбительные, неслыханные вещи, и ей плевать на то, нравится это кому-нибудь или нет. У нее нет никакого представления о сдержанности!»

Джаро удивился: «И вы советуете мне писать так же?»

Госпожа Виртц вздохнула: «Нет. Но ты мог бы рассмотреть возможность другого подхода. Ты ведешь себя, как гордый отшельник. Почему бы тебе не выбрать какое-нибудь общественное движение и не плыть вместе со всеми по течению, стараясь обогнать других?»

Джаро улыбнулся: «Наверное, потому, что я на самом деле гордый отшельник!»

Госпожа Виртц поморщилась: «И тебе, конечно, хорошо известно значение этих слов?»

«Ну, насколько я понимаю, гордый отшельник – человек на уровне „устричных кексов“, но ему не приходится платить членские взносы».

Госпожа Виртц отвернулась и подошла к окну. Помолчав, она снова повернулась к Джаро и сказала: «Я хотела бы объяснить тебе что-то очень важное. Пожалуйста, слушай меня внимательно».

«Да, госпожа Виртц».

«Ты не можешь найти дорогу в жизни, не прилагая все возможные усилия к тому, чтобы взобраться как можно выше по общественной лестнице».

Джаро хранил терпеливое молчание. Айдора Виртц подавила в себе порывистое желание взъерошить ему волосы. Если бы у нее был такой сын, как бы она его баловала! Она спросила: «Насколько я помню, твои родители преподают в Институте?»

«Да».

«И при этом предпочитают быть профанами. Должна заметить, – торопливо прибавила она, – что в этом нет ничего предосудительного! Я, однако, предпочитаю социальное восхождение, со всеми его изощренными нелепостями. Как насчет тебя? Ты же не хочешь оставаться профаном? Тебе пора взойти на первую ступеньку. Первой ступенькой обычно становится „Молодежный легион“. Туда принимают всех подряд, так что престиж невелик. Но оттуда открывается дорога в более весомые клубы – в любом случае, каждому приходится с чего-то начинать».

Улыбнувшись, Джаро покачал головой: «Для меня это было бы потерей времени. Я собираюсь стать астронавтом».

«Как? О чем ты говоришь?» – переспросила ошарашенная госпожа Виртц.

«У астронавтов интересная жизнь, они ищут новые планеты на окраинах Галактики! Астронавтам не нужно вступать в клубы».

Айдора Виртц поджала губы. «Типично мальчишеские фантазии! – подумала преподавательница математики, – Хотя от него можно было бы ожидать меньшей наивности». Вслух она сказала: «Все это замечательно. У астронавтов, может быть, действительно увлекательная жизнь – но это одинокая, необщительная жизнь, вдалеке от семьи и без поддержки чудесных клубов! Астронавт не может веселиться на вечеринках, участвовать в политических демонстрациях, маршировать на парадах с высоко поднятым знаменем! Тебя никогда не выберут членом престижного клуба избранных, если ты пропадешь в глубинах космоса!»

«Меня это не интересует».

Госпожа Виртц разволновалась: «Ты неправильно представляешь себе вещи! Реальностью нельзя пренебрегать, действительность требует общественного взаимодействия! Тот, кто улетает в космос, тем самым стремится избежать проблем настоящей жизни!»

«Только не в моем случае, – возразил Джаро. – У меня есть важные дела – их невозможно сделать на Галлингейле».

Госпожа Виртц взяла Джаро за плечи и слегка встряхнула его: «Уходи, Джаро! Больше не могу с тобой спорить! Если в тебя когда-нибудь влюбится девушка, ее судьба будет достойна сожаления – твое упрямство будет ежеминутно выводить ее из себя!»

Джаро облегченно направился к двери. Перед тем, как выйти, он обернулся: «Прошу прощения, если я сказал что-нибудь, что вас расстроило. Я не хотел вас обидеть».

Айдора Виртц усмехнулась: «Знаю я вас – притворяетесь пайнками, а потом все равно делаете все по-своему! Иди, лучше сделай что-нибудь, что меня приятно удивит!»

Джаро рассказал Альтее о странном собеседовании с преподавательницей: «Она хочет, чтобы я вступил в „Молодежный легион“».

Альтей огорченно покачала головой: «Уже? Мы надеялись, что эта проблема не возникнет так рано». Они прошли в кухню и сели за стол. Альтей продолжала: «В Танете практиче-

ски каждый стремится к восхождению по лестнице престижа. Некоторым это удается: „парнасцев“ иногда принимают в „Черные цилиндры“ или в „Подлесок“; оттуда можно проникнуть в Квадратуру круга, а затем, если особо отличиться, стать членом клуба „Валь-Верде“, „Цыплят-извращенцев“ или „Жирандолей“. Наконец, в редчайших случаях самым пробивным удастся взобраться на высшую ступень – например, заменить умершего без наследников „устричного кекса“. Конечно, существуют многие другие маршруты восхождения». Альтея следила за реакцией Джаро: «Тебя это интересует?»

«Не слишком».

«Как тебе известно, твой отец и я не вступаем ни в какие клубы. Мы – „непримкнувшие“, как говорили раньше, или „профаны“, как выражаются теперь. У нас нет социального статуса. У тебя его тоже нет. Подумай об этом. Если в конце концов ты захочешь вести себя так, как все, ты можешь вступить в „Молодежный легион“, а потом, когда почувствуешь, что ты достаточно популярен, перейти на уровень повыше и стать „сладким помидором“ или „зуавом“, например. Ты никогда не будешь одинок – у тебя будет много друзей, ты будешь участвовать в десятках спортивных игр и состязаний, и никто не станет называть тебя „профаном“. Кроме того, ты будешь тратить время – очень много времени! – на то, чтобы говорить приятные вещи людям, которые тебе не нравятся. Тебе придется платить крупные взносы, носить значок своего клуба и говорить на клубном жаргоне. Тебе это может понравиться – многие чувствуют себя в такой среде, как рыбы в воде. Другим кажется, что быть профаном гораздо проще».

Джаро задумчиво кивнул: «Я сказал госпоже Виртц, что вступать в клуб было бы для меня пустой тратой времени, потому что я хочу стать астронавтом».

Альтея попыталась не рассмеяться: «И что она ответила?»

«Она, в общем-то, рассердилась. Сказала, что я хочу избежать проблем настоящей жизни. Но я объяснил, что это не так, что мне просто нужно кое-что сделать, а это невозможно сделать на Галлингейле».

«Неужели? – Альтея внезапно встревожилась. – Что именно тебе нужно сделать?»

Джаро отвернулся. Он не хотел обсуждать эту щекотливую тему. Тщательно выбирая слова, он медленно ответил: «Мне хотелось бы узнать, откуда я взялся – что случилось в те годы, которых я не помню».

У Альтеи душа ушла в пятки. Она и Хильер надеялись, что Джаро потеряет интерес к прошлому и больше не будет всерьез размышлять о событиях раннего детства. Судя по всему, они ошибались.

Джаро вышел из кухни. Альтея заварила чай и сидела, погруженная в задумчивость неприятной новостью. Она ни в коем случае не хотела, чтобы Джаро стал астронавтом – если он улетит в космос, оставив позади Приют Сильфид и Фатов, кто знает, когда они его снова увидят? Возникла пугающая перспектива одиночества.

Альтея вздохнула. Несомненно, ей и Хильеру следовало применить все доступные средства убеждения, чтобы направить Джаро на уготованный ими путь академической карьеры в Танетском институте.

Глава 3

1

Айдора Виртц предприняла последнюю попытку завербовать Джаро в «Молодежный легион»:

«Нигде не найдешь лучшей подготовки! Это сплошное развлечение! Представь себе, как весело шагать строем, дружно выкрикивая лозунги:

ВВЕРХ ПО СТУПЕНЯМ: РАЗ, ДВА, ТРИ!
НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ! СОПЛИ УТРИ!
СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТОБЫ НАМ ПОВЕЗЛО —
ПРОФАНАМ НА ЗАВИСТЬ, ПРОНЫРАМ НАЗЛО!

Вот так! Разве не здорово? Нет? Почему нет?»

«Какой смысл шуметь без толку?» – пожал плечами Джаро.

Госпожа Виртц фыркнула: «Ничего не без толку! Маршировать с песнями полезно – ничто так не поднимает дух! Кроме того, в легионе ты приобретаешь весомость. В весомости-то и зарыта собака!»

«И что мне даст весомость?»

«А! Это большой сюрприз!»

«Гм. Какого рода сюрприз?»

Госпожа Виртц храбро улыбнулась: «Для одних – одно, для других – другое».

Джаро покачал головой: «Только идиот клюнет на такую приманку».

Госпожа Виртц сделала вид, что не расслышала: «Весомость – чудесная, волшебная вещь, и если ты ведешь журналы связей, все становится просто. Ты регистрируешь баланс одолжений, сделанных другим – так называемых „кредитов“ – и одолжений, полученных от других, то есть „дебетов“. Соотношением кредитов и дебетов определяется твоя социальная плавучесть; поэтому журналы связей нужно вести очень аккуратно, возвращая одолжения при первой возможности. Это поможет тебе в восхождении, и ты опомниться не успеешь, как станешь „сладким помидором“! Посмотри на Лиссель Биннок – она проскочила через легион, как отшлепанная макака! Ее отец – в Квадратуре круга. Это обстоятельство закругляет многие острые углы, конечно, и Лиссель сама по себе – достаточно привлекательное существо, но факт остается фактом: она неумоимо лезет вверх, весомость у нее в крови». Госпожа Виртц хихикнула: «Говорят, в морозную погоду Лиссель не выдыхает пар, а заволакивает глаза туманом весомости».

Джаро поднял брови: «Не может быть!»

«Скорее всего, нет – но такие шутки свидетельствуют о накале ее страсти к восхождению».

Джаро давно обращал внимание на Лиссель – модно одетую, не по годам развитую девочку с золотистыми волосами, хотя Лиссель никогда даже не смотрела на него. Она всю флиртовала с молодыми людьми постарше из престижных клубов, и у нее не было времени якшаться с профанами. Джаро спросил: «Как насчет Скирлет Хутценрайтер?»

«Ага! Скирлет унаследовала право занять место среди „устричных кексов“, что само по себе придает ей престиж, недоступный большинству самых влиятельных и популярных людей на Галлингейле! Ей не приходится беспокоиться о репутации – причем она, судя по всему, в любом случае не стала бы о ней беспокоиться, с ее прирожденными повадками

знаменитости-недотроги». Айдора Виртц огорченно отвернулась: «Не каждому дано родиться наследницей „устричного кекса“. А теперь нужно позаботиться о том, чтобы ты повязал галстук „Молодежного легиона“. Разумеется, тебе придется начать с „Приятельской бригады“».

Джаро отступил на шаг: «У меня нет на это времени!»

Госпожа Виртц каркнула от изумления: «Что за нелепость! Тебе учеба дается почти так же легко, как Скирлет, а она справляется с заданиями, словно голодный обжора с парой пирожных, после чего у нее остается время на любые капризы. Как ты проводишь свободное время?»

«Я изучаю руководства по механике космических кораблей».

Айдора Виртц воздела руки к небу: «Дорогой мой, как тебе не стыдно забивать себе голову бесполезными фантазиями?»

Примерно в это же время Скирлет перевели в тот класс, где учился Джаро, и теперь – нравилось это им или нет – качество выполняемой ими работы постоянно подвергалось сравнению. Вскоре стало ясно, что Джаро превосходил Скирлет в том, что касалось естественных наук, математики и технической механики; кроме того, у него лучше получались эскизы и чертежи – видимо, Джаро от природы был наделен пространственным воображением и точной координацией глаз и руки. Скирлет обгоняла его в том, что относилось к языкам, риторике и музыкальной символике. По истории Ойкумены, географии Древней Земли, антропологии и биологии у них были одинаковые оценки.

Скирлет приводил в недоумение тот факт, что она могла от кого-то отставать в принципе, в какой бы то ни было степени. Несколько дней она вела себя необычно тихо и задумчиво. Если бы она не принадлежала к недостижимой звездной плеяде «устричных кексов», можно было бы подумать, что она подавлена и не хочет, чтобы ее замечали. В конце концов Скирлет пожалала плечами. Действительность, какой бы оскорбительной она ни оказалась, оставалась действительностью. Если бы Джаро был уродом или эксцентричным гением-чудаком, Скирлет могла бы смириться с возникшей ситуацией, ограничившись безразличным кивком. Но Джаро был вполне нормальным подростком, аккуратно одетым, приятной наружности, хотя и несколько необщительным – в частности, судя по всему, он проявлял к ней еще большее безразличие, чем она к нему. К сожалению, будучи профаном, Джаро не мог рассчитывать на то, чтобы кто-нибудь стал принимать его всерьез. Скирлет задумывалась: что из него получится? После чего, задумываясь о себе, она язвительно морщилась. Если уж на то пошло, что получится из нее, Скирлет Хутценрайтер?

Наконец Скирлет стала относиться к существованию Джаро по-философски. В конце концов, ей исключительно повезло – она родилась наследницей Хутценрайтеров, постоянных членов клуба «Устричных кексов»! Была ли в этом какая-то несправедливость? Не обязательно. Обстоятельства нашего рождения таковы, каковы они есть – зачем вносить какие-то изменения?

Однажды после полудня – как раз, когда кончилось первое полугодие – Скирлет, окруженная одноклассницами, слышала, как имя Джаро упомянул некий Ханафер Глакеншоу. Ханафер, большой и шумливый парень с густой копной кудрявых русых волос и выразительными, хотя и грубоватыми чертами лица, считал себя решительной и ловкой личностью, изобретателем и организатором предприятий. Он любил стоять, вскинув голову, чтобы всем было видно, какой у него гордый горбатый нос. Ханафер был убежден, что природа наградила его от рождения выдающейся весомостью – причем, возможно, так оно и было: он неустанно проталкивался вверх, не брезгуя ни лестью, ни нахальством, и уже успел преодолеть уровни «Сладких помидоров» и «Лодырей», проникнув в завидное сообщество «Пригретых змей». Теперь для него наступила пора снова подтвердить социальную плавучесть и внести новые записи в журналы связей.

Ханафер был капитаном роверболистов Ланголенской гимназии, и его команде не хватало сильных и ловких нападающих, способных устроить противнику хорошую взбучку. Похожая на мальчишку стройная школьница по имени Татнинка указала на Джаро, стоявшего поодаль на школьном дворе: «А почему не выбрать его? Он, вроде бы, достаточно силен и здоров».

Бросив взгляд в сторону Джаро, Ханафер хрюкнул: «О чем ты говоришь? Это Джаро Фат, профан. Кроме того, его мать – профессорша в Институте, пацифистка, каких мало. Она не разрешает ему заниматься борьбой, боксом или каким-нибудь другим спортом, причиняющим боль. Так что он не только профан, но и абсолютный, неисправимый туфтяк».

Скирлет, сидевшая рядом, слышала эти замечания. Она взглянула в сторону Джаро – их глаза случайно встретились. На какое-то мгновение между ними возникло нечто вроде связи или взаимопонимания, но Джаро тут же отвернулся. Последнее обстоятельство почему-то возмутило Скирлет сверх всякой меры. Разве он не сознавал, что она – Скирлет Хутценрайтер, независимое вольное существо, не допускавшее ни критики, ни постороннего суждения, и поступавшее исключительно по своему усмотрению?

Последние новости доставила к сведению Джаро, однако, не Скирлет, а Татнинка: «Ты слышал, как тебя обозвал Ханафер?»

«Нет».

«Он сказал, что ты – туфтяк!»

«Даже так? Что это значит? Надо полагать, ничего хорошего».

Татнинка хихикнула: «Я забыла – ты и вправду блуждаешь мыслями выше облака ходячего! Ладно, я объясню!» Татнинка процитировала определение, сформулированное самим Ханафером примерно неделю тому назад: «Туфтяк – самый трусливый из профанов; он каждое утро просыпается в мокрой постели и не решается сказать „Цыц!“ даже котенку».

Джаро вздохнул: «Что ж, теперь мне известно, что это такое».

«Хм. Ты даже не разозлился!» – с отвращением обронила Татнинка.

Джаро задумался: «Если Ханафер провалится ко всем чертям, меня это несколько не огорчит и даже не обрадует. Если ты рассчитывала передать ему мой ответ, теперь у тебя есть такая возможность».

«В самом деле, Джаро, тебе не следовало бы относиться с таким безразличием к мнению окружающих! – раздраженно заметила Татнинка. – У тебя ведь нет никакого престижа, никакой репутации, даже никакого желания их приобрести!»

«Ни малейшего», – пробормотал Джаро. Татнинка повернулась на каблуках и быстрыми шагами вернулась к друзьям. Джаро направился домой, в Приют Сильфид.

Альтея встретила его в нижней гостиной. Поцеловав его в щеку, она отступила на шаг и внимательно рассмотрела сына: «Что случилось?»

Джаро понимал бесполезность притворства. «Ничего особенного, – проворчал он. – Ханафер Глакеншоу занимается пустой болтовней».

«Какой именно?» – сразу встревожилась Альтея.

«Обзывает меня – то профаном, то туфтяком».

Альтея поджала губы: «Это неприемлемо, придется поговорить с его матерью».

«Ни в коем случае! – в панике воскликнул Джаро. – Пусть Ханафер говорит, что хочет – мне все равно! А если ты пожалуешься его матери, все станут надо мной смеяться!»

Альтея знала, что он прав: «Тогда тебе придется отвести Ханафера в сторону и вежливо объяснить ему, что ты не желаешь ему зла, и что поэтому у него нет никаких причин тебя обижать».

Джаро кивнул: «Может быть, я так и сделаю – после того, как врежу ему хорошенько, чтобы привлечь его внимание».

Альтея издала возмущенный возглас. Потянув Джаро за рукав, она отвела его к дивану и заставила сесть рядом. Джаро неохотно подчинился, чувствуя себя последним дураком и сожалея о том, что не придержал язык – теперь ему предстояло выслушать очередное разъяснение принципов этической философии Альтеи.

«Джаро, насилие – очень простая вещь, в нем нет никакой тайны. Это инстинктивный животный рефлекс, свойственный грубым, невоспитанным, морально ущербным людям. Меня удивляет, что ты даже в шутку прибегаешь к таким выражениям!»

Джаро не находил себе места; он уже раскрыл было рот, чтобы возразить, но Альтея не желала ничего слышать: «Как тебе известно, твой отец и я считаем себя борцами за всеобщее согласие. Мы презираем насилие и ожидаем, что ты будешь придерживаться тех же убеждений».

«Именно поэтому Ханафер и называет меня туфтяком!»

«Он перестанет, как только поймет, насколько он неправ, – безмятежно и певуче отозвалась Альтея. – Тебе придется ему это объяснить. Мир и счастье не даются даром – они подобны цветам в саду, их нужно лелеять, за ними нужно ухаживать».

Джаро вскочил на ноги: «У меня нет времени ухаживать за цветами в саду Ханафера! Мои мысли заняты другими вещами».

Альтея пристально взглянула на Джаро – и тут же забыла о перевоспитании Ханафера; Джаро понял, что снова допустил оплошность.

«Какими другими вещами?» – спросила Альтея.

«Ну... разными».

Поколебавшись меньше секунды, Альтея решила не настаивать. Протянув руки к Джаро, она обняла его: «Как бы то ни было, ты всегда можешь обсуждать со мной любые проблемы. Мы все поправим, все будет в порядке – я никогда не посоветую тебе нанести кому-нибудь вред или сделать что-нибудь плохое. Ты мне веришь?»

«О да, я тебе верю».

Альтея успокоилась: «Рада, что ты хорошо все понимаешь! А теперь иди, переоденься – мы пригласили на ужин господина Мэйхака. Ты, кажется, любишь с ним поговорить?»

«Не откажусь», – осторожно ответил Джаро. На самом деле ему нравился Тоун Мэйхак, мало походивший на типичных знакомых профессоров Фатов – что заставляло Джаро задумываться о предпочтениях родителей. Инопланетянин, успевший на своем веку несколько раз пересечь Ойкумену вдоль и поперек, Мэйхак мог рассказать о множестве странных приключений. Худощавый и сильный, с потемневшей от космического загара кожей и густыми, коротко подстриженными черными волосами, Мэйхак был моложе Хильера. Альтея считала его почти привлекательным, так как у него были правильные черты лица. Хильер относился к этому знакомому с изрядной долей критики: по его мнению, грубоватая, даже суровая внешность Мэйхака – в частности, сломанный нос – позволяла предполагать склонность к насилию.

В обществе Мэйхака Хильер чувствовал себя неудобно, будучи убежден, что в свое время Мэйхак был астронавтом, а это подрывало его репутацию в глазах профессора. Астронавтов, как правило, набирали из числа никчемных бездельников и бродяг, отбросов общества. Мирощущение астронавта было в принципе несовместимо со взглядами Хильера – и он хотел, чтобы Джаро научился разделять его точку зрения.

Сразу после первой встречи с Мэйхаком Хильер преисполнился глубокими подозрениями. В ответ на насмешки Альтеи профессор мрачно заявлял, что инстинкты еще никогда его не подводили. Он считал, что Мэйхаку, даже если его нельзя было уличить в каком-нибудь преступлении, было что скрывать – на что Альтея отзывалась: «Подумаешь! Каждому есть что скрывать».

Хильер хотел было решительно заявить «Только не мне!» – но вспомнил об одном или двух не слишком похвальных эпизодах своей молодости и ограничился уклончивым нечленораздельным мычанием.

На протяжении нескольких следующих дней Хильер потихоньку наводил справки, после чего торжествуя преподнес Альтее результат: «Все примерно так, как я предполагал! Наш знакомый скрывается под вымышленным именем. На самом деле его зовут Гэйнг Нейтцбек – но по причинам, известным только ему, он представляется как Тоун Мэйхак».

«Невероятно! – всплеснула руками Альтея. – Откуда ты знаешь?»

«Пришлось провести небольшое расследование и воспользоваться индуктивной логикой, – ответил Хильер. – Я просмотрел его заявление о приеме в Институт. В нем он указал дату своего прибытия в космический порт Танета на звездолете „Алис Рэй“ компании „Старейший перевоз“. Но когда я проверил список пассажиров, прибывших в указанный день на звездолете „Алис Рэй“, я не нашел в нем Тоуна Мэйхака; в списке, однако, значится некий Гэйнг Нейтцбек, по профессии астронавт-механик. Во избежание сомнений, я просмотрел списки всех пассажиров, высадившихся в Танете на протяжении года – ни в одном нет никакого Тоуна Мэйхака. Что и требовалось доказать!»

Запинаясь, Альтея пробормотала: «Почему бы ему понадобилось скрываться?»

«На этот счет можно сделать десятки предположений, – продолжал Хильер. – Может быть, он прячется от кредиторов – или сбежал от докучливой жены, а то и от нескольких жен. Одно несомненно: если человек пользуется вымышленным именем, значит, не хочет, чтобы его нашли». Хильер не преминул процитировать один из известнейших афоризмов барона Бодиссея: «Заходя в банк, честный человек не надевает маску».

«Так-то оно так, – с сомнением протянула Альтея. – А жаль! Мне нравился Тоун Мэйхак, как бы его ни звали».

Вечером следующего дня Хильер заметил в Альтее с трудом сдерживаемое возбуждение – то ли радостное, то ли злорадное. Он промолчал, прекрасно зная, что Альтея скоро не выдержит и все расскажет. Так и случилось. Налив себе и супругу по бокалу их любимого красного вина, «Таладерра фино», Альтея выпалила: «Ты никогда бы не догадался!»

«Не догадался – о чем?»

«Я раскрыла тайну!»

«Ничего не знаю ни о каких тайнах», – обиженно буркнул Хильер.

«Да уж, конечно! – насмеялась Альтея. – Тебе известны сотни всевозможных тайн. Одна из них, в частности, касается Тоуна Мэйхака».

«Надо полагать, ты имеешь в виду Гэйнга Нейтцбека. Честно говоря, Альтея, меня мало интересуют темные делишки этого субъекта – каковы бы ни были причины, по которым он решил нас обмануть».

«Прекрасно! Замечательно! Никаких темных делишек! А случилось вот что: я подошла к телефону и позвонила Гэйнгу Нейтцбеку. Он работает в мастерской космопорта и сразу ответил на вызов. Я хорошо рассмотрела его на экране – он ничем не напоминает Тоуна Мэйхака. Я сказала, что звоню по поводу поданного в Институт заявления Тоуна Мэйхака – в нем указано, что он прибыл в Танет на борту звездолета «Алис Рэй».

«А при чем тут я?» – спросил Гэйнг Нейтцбек.

«Он прилетел вместе с вами?»

«Так точно».

«А почему его имени нет в списке прибывших?»

Гэйнг Нейтцбек усмехнулся: «Мэйхак служил в МСБР. Нынче он в отставке, но это ничего не значит. Когда он прибывает в космопорт, ему достаточно показать удостоверение, и он проходит контроль без вопросов. Я мог бы сделать то же самое, но мое удостоверение куда-то запропастилось».

Альтея удовлетворенно откинулась на спинку стула и прихлебнула вино из бокала.

Хильер сделал кислую гримасу: «Что ж, все это неважно в любом случае. Не стоит делать бурю в стакане воды. Кто бы он ни был, в конце концов мне все равно».

«Значит, ты перестанешь на него дуться? Он всегда вел себя хорошо».

Хильеру пришлось неохотно признать, что он не мог найти в поведении Мэйхака никаких изъянов. Тоун Мэйхак говорил тихо и вежливо, а старомодностью одежды умудрялся перешеголять самого Хильера. Мэйхак мало распространялся о своем прошлом, но как-то раз заметил, что прилетел на Галлингейл, чтобы восполнить пробел в образовании. Альтея встретила его в Институте, где она преподавала Мэйхаку, проходившему аспирантуру, один из специализированных курсов. У Мэйхака, так же, как у профессоров Фатов, вызывали пристальный интерес необычные музыкальные инструменты. Блуждая по Галактике, Мэйхак приобрел целую коллекцию уникальных звуковоспроизводящих устройств – в том числе настоящий квакгорн, пару сплетофонов, зубную гармонику, чудесный посох-тромборог, инкрустированный сотней танцующих серебряных демонов, и даже полный набор блорийских игольчатых гонгов. Инструменты эти привлекли внимание Альтеи, и через некоторое время Тоун Мэйхак стал регулярно посещать старую усадьбу Фатов.

На этот раз Хильер не знал, что Альтея пригласила Мэйхака на ужин, пока не вернулся из Института. Дополнительное раздражение у него вызвали явные признаки особых приготовлений: «Не могу не заметить, что ты выставила драгоценные подсвечники из Сырьевой Базы. Можно подумать, сегодня мы отмечаем какое-то знаменательное событие».

«Ничего подобного! – возмутилась Альтея. – Зачем хранить красивые вещи, если никогда ими не пользоваться? Называй это „творческим порывом“, если хочешь. Но ты ошибаешься – эти подсвечники не из Сырьевой Базы».

«Откуда еще? Прекрасно помню, как ты их покупала. Они обошлись нам в кругленькую сумму».

«А вот и нет! То были другие подсвечники, и я могу это доказать, – Альтея перевернула подсвечник и внимательно рассмотрела ярлык на доньшке. – Смотри, здесь написано: „Ферма Ридджалума“. Разве ты не помнишь хозяйство на склоне хребта Ридджалума? Там на тебя набросилось какое-то странное животное, вроде бешеного ежика».

«М-да, – проворчал Хильер. – Эту тварь я хорошо помню. Причем нападение было абсолютно ничем не спровоцировано! Мне следовало подать в суд на хозяйку фермы».

«Как бы то ни было. Она уступила подсвечники по сходной цене, так что ты пострадал не безвозмездно. И вот видишь, теперь нам есть о чем вспомнить за ужином!»

Бормоча себе под нос, Хильер выразил надежду на то, что сегодня «творческий порыв» Альтеи ограничился убранством гостиной, не распространяясь на кухню. Тем самым он напомнил супруге о некоторых в высшей степени сомнительных блюдах, расстроивших его пищеварение в результате предыдущих кулинарных экспериментов Альтеи, руководствовавшейся сборником авангардистских рецептов.

Альтея отвернулась, чтобы спрятать улыбку. Судя по всему, Хильер слегка ревновал к их обаятельному гостю. «Кстати! – воскликнула она. – Господин Мэйхак принесет свой смешной квакгорн. Может быть, он даже попробует на нем сыграть. Это должно быть очень весело!»

«Ха, гм! – ворчал Хильер. – Значит, Мэйхак еще и музыкант. Даровитый сыщик в отставке, надо сказать».

Альтея расхохоталась: «Это еще ниоткуда не следует! Для игры на квакгорне музыкальные способности не нужны – они скорее мешают».

Джаро давно уже понял, что именно те вещи, которые он хотел бы обсуждать с Мэйхаком – а именно навыки астронавтов и прочие сведения о космических полетах – не считались подходящими предметами разговора и порицались в доме Фатов. Так как родители прочили

Джаро академическую карьеру в Колледже эстетической философии, они осторожно одобряли интерес Джаро к причудливым музыкальным инструментам Мэйхака, притворяясь, что их несколько не беспокоили авантюристические методы их приобретения.

Сегодня, как отметил Хильер, Альтея уделила особое внимание убранству стола. Из своей коллекции она выбрала пару массивных подсвечников, выкованных вручную из заготовок синевато-черного кобальтового сплава, в дополнение к старинному фаянсовому сервизу, покрытому темноватой лунно-голубой глазурью, под которой, словно в толще воды, плавали расписные морские анемоны.

Мэйхак был надлежащим образом впечатлен и с похвалой отозвался о приготовлениях Альтеи. Они приступили к ужину, и в конечном счете Альтея пришла к выводу, что ей удалось добиться некоторого успеха – несмотря на то, что Хильер, попробовав ракушки из сдобного теста с начинкой из сухорыбицы с пряностями, заявил, что тесто было трудно прожевать; кроме того, по его мнению, соус оказался слишком острым, а суфле получилось дряблым.

Альтея вежливо отвечала на замечания мужа, а поведение Мэйхака могло ее только порадовать. Гость внимательно выслушивал несколько помпезные и пространные рассуждения Хильера и – к сожалению Джаро – даже не заикнулся о космосе или звездолетах.

После того, как все встали из-за стола и перешли в соседнюю гостиную, Мэйхак вынул из футляра и продемонстрировал квакгорн – пожалуй, самый необычный из приобретенных им экспонатов, так как он состоял, по сути дела, из трех инструментов, звучащих одновременно. Горн начинался с прямоугольного бронзового мундштука, оснащенного рычажным кнопочным механизмом управления четырьмя клапанами. Клапаны открывали и закрывали отверстия четырех закрученных спиральями трубок, сходящихся к центральному бронзовому шару – так называемому «смесителю». С противоположной мундштуку стороны из «смесителя» торчал приплюснутый раструб с прямоугольным зевом. Исполнитель нажимал и отпускал четыре клапана пальцами левой руки, что позволяло извлекать звуки точной высоты, образовывавшие, однако, лишнюю всякой логики последовательность интервалов и по тембру напоминавшие бульканье сливающейся в канализацию вязкой жидкости. Над мундштуком еще одна трубка, раздвоенная на конце и вставляемая в ноздри, становилась чем-то вроде скрипучей флейты; закрывая и открывая отверстия этой трубки пальцами правой руки, исполнитель издавал различной высоты визги, никаким очевидным образом не соотносившиеся с хрюканьем горна. При этом частое нажатие педали правой ногой накачивало воздух в пузырь, отзывавшийся на движения левого колена и производивший нечто вроде сдавленных стонов в диапазоне примерно одной октавы. Само собой, для того, чтобы научиться хорошо играть на квакгорне, требовались многие годы – даже десятилетия – постоянных упражнений.

«Я умею играть на квакгорне, – заявил Мэйхак, обращаясь к трем слушателям. – Насколько хорошо это у меня получается? Трудно сказать, так как для непосвященных, в том числе для меня, правильное исполнение мало чем отличается от неправильного».

«Уверена, что у вас все получится! – сказала Альтея. – Не заставляйте нас ждать! Сыграйте что-нибудь веселое и легкомысленное».

«Ладно, – решил Мэйхак. – Я исполню песенку „Разгулялись девки на Антарбусе“; других мелодий я не помню».

Мэйхак вставил мундштук в рот и раздвоенную трубку в нос, подтянул ремешки, скреплявшие различные части инструмента, набрал в грудь воздух и извлек из квакгорна несколько пробных глассандо. Носовая флейта разразилась режущей уши трелью. Звуки, доносившиеся из пузатого горна, можно было бы назвать клокотанием пузырей в сиропе – хотя они вызывали настолько неприличные ассоциации, что супруги Фаты поморщились. Воздушный пузырь сопровождал эту какофонию протяжными мучительными стонами, вибрировавшими в ограниченном, но исключительно неприятном диапазоне.

Мэйхак пояснил выдающиеся возможности инструмента: «Судя по сохранившимся отзывам, знаменитые виртуозы-квакгорнисты умели извлекать любые полутона, сочетая их с гудением, уханьем, бульканьем, визгами и глухими ударами локтей по резонатору. Итак, „Разгулялись девки на Антарбусе“!»

Джаро внимательно прослушал примерно следующее: «Тзызы-бзызы-ийих! тзызы апх-фррр! дзяоу апх-фррр! уауаох уауаох дзанг-фррр! -бррр уауаох тзызы-бзызы уауаох тзызы-бзызы-ийих! апх-фррр! апх-фррр! дзяоу уауаох уауаох тзызы-бзызы-ийих! апх-фррр».

«Лучше не могу, – закончил Мэйхак. – Как вы думаете, что-нибудь получилось?»

«Очень любопытно! – похвалил Хильер. – Когда вы еще попрактикуетесь, у нас ноги пустятся в пляс».

«С квакгорнами надо обращаться осторожно, – заметил Мэйхак. – Их делают дьяволы». Мэйхак указал на символы, рельефно выделявшиеся на поверхности бронзового раструба: «Видите эти знаки? Здесь написано: „Сделано Суанесом“. А Суанес – не кто иной, как дьявол! По словам торговца редкостями, в каждый квакгорн мастером-дьяволом заложена тайная последовательность звуков. Если человек случайно сыграет эту последовательность, его заколдуют дьявольские чары – и он не сможет остановиться, ему придется играть одно и то же, пока он не умрет».

«Одно и то же?» – спросил Джаро.

«В точности – вариации не допускаются».

«Факт изготовления горна дьяволом был, разумеется, подтвержден торговцем?» – язвительно спросил Хильер.

«Само собой! Когда я попросил его предъявить документацию, он всучил мне изображение дьявола Суанеса и взял за это еще двадцать сольдо в дополнение к первоначальной цене. Негодяй знал, что я хотел купить этот горн. Я мог торговаться еще два часа или заплатить на двадцать сольдо больше; у меня не было времени, пришлось платить. Лавочники – неисправимые мошенники!»

Хильер усмехнулся: «Мы познали эту истину на своей шкуре, неоднократно и всевозможными способами!»

«Когда я покупала медные канделябры, со мной случилось нечто подобное, – пожаловалась Альтея. – Мы тогда впервые посетили другую планету, и это само по себе превратилось в целую трагедию!»

«Ну-ну! – улыбаясь, успокоил ее Хильер. – Не надо преувеличивать. В конце концов, господину Мэйхаку хорошо известны неприятности, подстерегающие новичков на экзотических планетах».

«Расскажите, как это было, – предложил Мэйхак. – Я не успел везде побывать – на это не хватит и сотни человеческих жизней».

Перебивая друг друга и вставляя замечания и пояснения, Хильер и Альтея рассказали о своем приключении. Вскоре после того, как они поженились, Фаты отправились на планету Плэйз, приютившуюся в небольшом звездном скоплении почти на краю Галактики. Так же, как и многие другие миры, Плэйз был обнаружен и заселен в период первой великой волны взрывообразного распространения человечества в пространстве, ныне именуемом Ойкуменой. Сами того не зная, супруги Фаты поставили перед собой исключительно рискованную цель: заснять так называемые «равноденственные знамения» племени, населявшего Родственные горы на Плэйзе. Раньше еще никому не удавалось это сделать – никто даже не пытался пуститься в столь самоубийственное предприятие. Беспечные, как певчие птички, новобранцы Фаты прибыли в космопорт Плэйза и разместились в доме отдыха на окраине Строгова, городка в предгорьях Родственного массива. Здесь им разъяснили затруднение, делавшее осуществление их проекта невозможным – а именно то, что их убьют, как только заметят.

Движимые скорее нахальством неопытности, нежели отвагой, молодожены игнорировали предупреждения местных жителей и принялись изобретать способы преодоления каждого из грозивших им препятствий. Они арендовали небольшой аэромобиль и ночью, за два дня до равноденствия, спустились в пропасть Куху. Там, перелетая с места на место, они закрепили на отвесных скалах ущелья тридцать два звукозаписывающих устройства. Им невероятно повезло: их никто не заметил. В противном случае аэромобиль могли накрыть сетью, как насекомое – сачком, после чего Фатов подвергли бы пыткам настолько ужасным, что о них лучше было не упоминать. «У меня до сих пор все внутри холодеет, когда я вспоминаю об этой затее!» – поежилась Альтея. «Мы были молоды и глупы, – прибавил Хильер. – Мы думали, что, если нас поймают, достаточно было сказать, что мы – исследователи из Танетского института, и ни у кого больше не было бы к нам никаких претензий».

В ночь равноденствия горцы приступили к отправлению обрядов. Всю ночь по ущелью разносилось эхо пульсирующих воплей. С восходом солнца наступило время для ритуала искупления, и отголоски визга, сопровождавшего жертвоприношения, возносились из пропасти подобно печальным трелям неведомых птиц.

Тем временем Фаты держались тише воды, ниже травы в Строгове, представляясь агрономами. Стараясь развеять напряжение ожидания, Альтея отправилась в лавку местного антиквара, чтобы порыться в ее пыльных глубинах, наполненных всякой всячиной. В груди малопривлекательного старья она заметила пару тяжелых медных подсвечников – и тут же отвела от них глаза, притворившись, что разглядывает помятую кастрюлю.

«Ценный экземпляр! – тут же прокомментировал лавочник. – Из настоящего алюминия».

«Нет, это меня не интересует, – покачала головой Альтея. – У меня есть кастрюля».

«Конечно, конечно. Может быть, вам понравятся эти старые подсвечники? Где вы еще такие найдете? Чистая медь!»

«Не знаю, не знаю, – сомневалась Альтея. – Пара подсвечников у меня тоже есть».

«Тем более: вам пригодятся новые, если старые сломаются, – настаивал лавочник. – А жить без освещения нельзя!»

«Верно, – согласилась Альтея. – Сколько вы хотите за старые грязные подсвечники?»

«Немного. Примерно пятьсот сольдо».

Альтея не стала даже спорить, ограничившись презрительным взглядом, и принялась разглядывать каменную табличку, зеркально отполированную и покрытую хитроумными резными иероглифами: «А это что?»

«Древние письмена. Я не умею их прочесть. Говорят, они раскрывают десять тайн человеческого существования. Важное приобретение для каждого, кого интересует смысл жизни».

«Не такое уж важное, если иероглифы нельзя расшифровать».

«Можно попытаться – это лучше, чем ничего».

«И сколько она стбит?»

«Двести сольдо».

«Вы шутите! – возмущенно воскликнула Альтея. – За кого вы меня принимаете?»

«Ладно, семьдесят сольдо. Подумайте, как это выгодно: всего лишь по семь сольдо за каждую тайну!»

«Чепуха. Зачем мне устаревшие разгадки каких-то тайн, даже если я смогу их прочесть? За эту табличку я дам не больше пяти сольдо».

«Ай-ай! С какой стати я стал бы отдавать редкости даром любой рехнувшейся покупательнице, откуда бы она ни приехала?»

Альтея торговалась долго и упорно, но после того, как цена снизилась до сорока сольдо, антиквар больше не уступал.

«Это возмутительно дорого! – бушевала Альтея. – Я заплачу сорок монет, только если получу что-нибудь в придачу – что-нибудь не слишком ценное. Например, вот этот коврик и – почему нет? – пару медных подсвечников».

И снова лавочник не желал расставаться с товаром. Он похлопал ладонью по плетенному коврику из черных, красновато-коричневых и золотисто-рыжих полос: «Это молитвенный ковер плодовитости! Его соткали из лобковых волос девственниц! А подсвечникам шесть тысяч лет – их нашли в пещере первого короля-затворника, Джона Соландера. За табличку, ковер и подсвечники я возьму не меньше тысячи сольдо».

«От меня вы получите не больше сорока».

Лавочник вручил Альтее остро наточенный ятаган и расстегнул ворот, обнажив шею: «Можете резать меня на месте – я не перенесу бесчестья столь позорной сделки!»

В конце концов, когда у нее уже голова пошла кругом, Альтея вышла из лавки с подсвечниками, табличкой и ковриком в руках, уплатив – по мнению Хильера – примерно в два раза больше, чем все это стоило. Тем не менее, покупки порадовали Альтею.

На следующий день они пролетели над пропастью Куху на аэромобиле. Ущелье пустовало – горцы поднялись к озеру Пол-Понд, чтобы совершить обряд омовения. Фаты поспешно собрали записывающие приборы, вернулись в космопорт Плэйза и улетели на первом подходящем пассажирском звездолете. Результаты их безрассудного предприятия оказались в высшей степени удовлетворительными. Им удалось зарегистрировать потрясающие последовательно звуки, нарастающие и ниспадающие волны – чего? Переплетенных мелодий? Динамического аккомпанемента к сакральным церемониям? Многоголосного отображения массовых духовных порывов? Никто из музыковедов не мог с уверенностью отнести заслужившие широкую известность «Псалмы Куху» (как их теперь называли) к той или иной классификационной категории.

«Мы больше никогда не отважимся на такую авантюру, – сказала Мэйхаку Альтея. – Так или иначе, с этого началось мое коллекционирование подсвечников. Но довольно говорить обо мне и о моих смехотворных увлечениях! Сыграйте нам еще что-нибудь на квакгорне».

«Не сегодня, – уклонился Мэйхак. – Меня не слушается носовая флейта – воздух проходит мимо трубок и получается какое-то сипение. Правильное уплотнение соединения между ноздрями и трубками называется „носовым амбушюром“. На то, чтобы по-настоящему научиться носовому амбушюру, уходят годы. А если он у меня когда-нибудь на самом деле получится, я буду выглядеть, как летучая мышь-вампир».

«В следующий раз принесите ваш крестострунный, – предложила Альтея. – На нем гораздо легче играть».

«Это правда! От него нос не болит, и не приходится опасаться дьявола Суанеса».

«И все же, продолжайте практиковаться на квакгорне и наращивать репертуар. Если бы вы давали еженедельные концерты в Центруме, мне кажется, вы привлекли бы внимание публики и могли бы неплохо этим зарабатывать».

Хильер усмехнулся: «Если вас снедает жажда известности и весомости, не упускайте такой шанс! Вы не успеете глазом моргнуть, как „Скифы“ зачислят вас членом своего клуба – они обожают показную эксцентричность».

«Обязательно рассмотрю ваше предложение, – вежливо отозвался Мэйхак. – Тем не менее, мне не придется полагаться на квакгорн как на источник решения финансовых проблем. Теперь я работаю – по вечерам – в мастерской космопорта. Там платят довольно хорошо, но после занятий в институте и работы у меня почти не остается времени на то, чтобы практиковаться на квакгорне».

Заметив энтузиазм Джаро, Хильер и Альтея проявили сдержанность, выражая поздравления. Подобно госпоже Виртц, они считали, что увлеченность космосом могла отвлечь Джаро

от академической карьеры – с их точки зрения, единственной подходящей карьеры для способного молодого человека.

Прошел месяц. В Ланголенской гимназии приближались весенние каникулы. Тем временем успеваемость Джаро неожиданно снизилась – его словно охватил продолжительный приступ рассеянности. Госпожа Виртц подозревала, что Джаро позволял воображению слишком вольно блуждать среди далеких миров, и однажды утром, после первого занятия, пригласила его на собеседование к себе в кабинет.

Джаро признал свои недостатки и обещал исправиться.

Госпожа Виртц заметила, что такой ответ ее не совсем удовлетворяет: «Ты превосходно учился, все мы тобой гордились. А теперь – что случилось, чем вызвана внезапная апатия? Нельзя же просто так все бросить и считать ворон? Надеюсь, ты это понимаешь?»

«Да, конечно! Но...»

Айдора Виртц отказывалась слушать: «Тебе придется отложить несбыточные мечты и сосредоточиться на будущем».

Джаро отчаянно пытался отвести от себя подозрения в лени: «Даже если я все объясню, вы не поймете!»

«А ты попробуй! Как-нибудь разберусь».

«Мне плевать на весомость, – пробормотал Джаро. – Как только смогу, я улечу в космос».

Госпожа Виртц начинала подозревать неладное: «Все это замечательно, но отчего такая спешка?»

«На это есть основательные причины».

Как только эти слова слетели у него с языка, Джаро понял, что выболтал лишнее.

Айдора Виртц набросилась на открывшуюся возможность: «Неужели? И в чем состоят эти причины?»

Джаро монотонно пробубнил: «Есть важные вещи, которые мне нужно сделать, чтобы не сойти с ума».

«Даже так! Какие вещи?»

«Еще не знаю».

«Так-так. Когда же ты узнаешь, что тебе нужно сделать – и что ты сделаешь, когда узнаешь?»

«Этого я тоже еще не знаю».

Госпожа Виртц старательно сдерживалась: «Почему же ты жертвуешь образованием ради того, что еще не известно?»

«Мне известно достаточно».

«Тогда объясни, пожалуйста: что тебе известно?»

«Все это из-за того, что я слышу в голове! Пожалуйста, больше ни о чем не спрашивайте!»

«Но я должна докопаться до подноготной происходящего. Ты имеешь в виду, что слышишь какие-то указания, когда спишь по ночам?»

«Нет, не так! Никакие это не указания – и я слышу их не во сне, и не всегда по ночам. Пожалуйста, разрешите мне уйти».

«Разумеется, Джаро, ты сможешь уйти – но только после того, как я разберусь, в чем дело. Ты слышишь голоса, заставляющие тебя что-то делать?»

«Никто меня ничего не заставляет делать. Я слышу только один голос, и он меня пугает».

Госпожа Виртц вздохнула: «Хорошо, Джаро. Можешь идти».

Но Джаро, в ужасе от того, что разболтал секрет, никак не мог уйти и пытался убедить преподавательницу в том, что на самом деле не случилось ничего серьезного, что он мог полно-

стью контролировать события, и что ей не следовало обращать внимание на то, что она сегодня от него услышала.

Госпожа Виртц улыбнулась, похлопала его по плечу и сказала, что подумает об этом. Джаро медленно отвернулся и ушел.

Альтея просматривала студенческие работы, сидя в своем кабинете в Институте. На столе зазвенел колокольчик вызова. Взглянув на экран, Альтея заметила синие и красные прямоугольные рамки эмблемы клуба «Парнасцев» и ткнула пальцем в клавишу. На экране появилось лицо Айдоры Виртц.

«Не хотела вас беспокоить, но произошло нечто, о чем вам следовало бы знать».

Альтея встревожилась: «Джаро в порядке?»

«Да. Вы одна? Могу ли я говорить с вами откровенно?»

«Я одна. Надо полагать, Ханафер Глакеншоу опять набедокурил?»

«На этот счет ничего не знаю. В любом случае, Джаро его просто игнорирует».

Альтея несколько повысила голос: «А что еще он может сделать? Обзывать Ханафера еще худшими словами? Набить ему морду? Может быть, прикончить его на месте? Мы научили Джаро избегать грубых игр и соревнований, воспитывающих склонность к насилию – по сути дела, имитирующих и пропагандирующих войну!»

«Да-да, разумеется, – откликнулась госпожа Виртц. – Но сегодня я звоню не по этому поводу. Насколько я понимаю, Джаро страдает нервным расстройством – вполне возможно, серьезным».

«О чем вы говорите? – воскликнула Альтея. – Никогда этому не поверю!»

«К сожалению, это так. Он слышит внутренние голоса, отдающие ему приказания – побуждающие его, по-видимому, отправиться в космос и решиться на какие-то рискованные авантюры. Мне с большим трудом удалось выудить из него эти сведения».

Альтея молчала. Действительно, в последнее время Джаро сделал несколько странных замечаний. Она спросила: «Что именно он сказал?»

Госпожа Виртц передала ей содержание разговора, состоявшегося в гимназии. Когда она закончила, Альтея поблагодарила ее: «Надеюсь, вы никому другому об этом не расскажете».

«Конечно, нет! Но мы должны помочь бедному Джаро – эту проблему нельзя запускать».

«Я немедленно этим займусь».

Альтея позвонила Хильеру и сообщила ему все, что узнала от Айдоры Виртц. Сперва Хильер отнесся к ее волнению скептически, но Альтея настаивала на том, что сама слышала от Джаро нечто подобное – она не сомневалась в том, что Джаро нуждался в профессиональной помощи. Наконец Хильер согласился навести справки – экран погас.

Примерно через час на экране снова возникло лицо Хильера: «Служба здравоохранения с похвалой отзывается о группе врачей под наименованием „ФВГ и партнеры“. Их клиника – на Бантунском холме, в округе Селес. Я туда позвонил, и нам назначили интервью сегодня же, с доктором Флорио. Ты можешь освободиться?»

«Само собой!»

Мел Суоп, директор службы здравоохранения Института, предоставил Хильеру подробные сведения о фирме «ФВГ и партнеры». Основателями и руководителями фирмы были три известных практикующих врача: доктора Флорио, Виндль и Гиссинг. Они пользовались высокой репутацией, предпочитая, как правило, применять обширный опыт более или менее традиционной медицины, но не отказывались, по мере необходимости, прибегать к экспериментальным методам. За пределами больничного комплекса «Бантун» три врача занимали престижное социальное положение, будучи приняты в клубы, свидетельствующие о завидной весомости: доктор Флорио был пожизненным членом клуба «Палиндром», а доктор Виндль – клуба «Валь-

Верде»; доктор Гиссинг был вхож в несколько клубов одновременно – в частности, он принадлежал к числу достопримечательных «Лемуров», известных дерзостью и непредсказуемостью взглядов. В том, что касалось внешности и характера, однако, между ними было мало общего. Доктор Флорио, пухлый и розовый, как только что выкупанный младенец, отличался педантичной щепетильностью. Доктор Виндль, старший из основателей фирмы, словно весь состоял из длинных болтающихся рук, острых локтей и костлявых голеней. Его объемистый желтоватый череп украшали несколько коричневых родинок и сиротливые жидкие пряди волос неопределенного оттенка.

Напротив, доктор Гиссинг – веселый и подвижный маленький человечек – мог похвастаться пышной седой шевелюрой. Предрасположенный к поэтическим гиперболам репортер отозвался о нем в местном медицинском журнале как о «существе, подобном изящной садовой дриаде, пугливо прячущейся среди анютиных глазок только для того, чтобы выпорхнуть и болтать точеными маленькими ножками в птичьей купальне». В том же журнале фирму «ФВГ и партнеры» называли «весьма достопримечательным образцом профессионального синергизма, во всех отношениях более эффективного в совокупности, нежели каждый из его компонентов по отдельности».

Хильер и Альтея прибыли в Бантун уже через час. Перед ними предстало впечатляющее сооружение из розового камня, чугуна и стекла, затененное кронами семи высоких кисломо-лочных деревьев.

Супруги Фаты вошли в это сооружение, и их провели в кабинет доктора Флорио. Врач поднялся им навстречу: крупная фигура в белоснежном отутюженном фраке. Он изучил посетителей дружелюбными голубыми глазами: «Профессора Хильер и Альтея Фаты? Доктор Флорио к вашим услугам». Он указал на стулья: «Будьте добры, присаживайтесь».

Фаты уселись.

«Как вам известно, мы пришли по поводу нашего сына», – начал Хильер.

«Да-да. Мне передали вашу записку. Должен признаться, ваше описание проблемы показалось мне несколько расплывчатым».

Хильер был чрезвычайно чувствителен к любой критике, касавшейся его литературных способностей, и замечание врача заставило его ощетиниться. «Имеющаяся информация достаточно неопределенна сама по себе, – сухо сказал он. – Я постарался недвусмысленно указать на это обстоятельство, но, по-видимому, не преуспел».

Доктор Флорио понял свою ошибку: «Разумеется, разумеется! Уверю вас, я выразился без задней мысли».

Хильер принял его извинение холодным кивком: «Джаро сообщает о некоторых странных явлениях, с нашей точки зрения не поддающихся объяснению. Мы решили обратиться к вам за советом, как к известному специалисту».

«Правильно, – отозвался доктор Флорио. – Сколько лет вашему сыну?»

«Лучше всего будет, если я расскажу вам его историю с самого начала, – Хильер вкратце изложил биографию Джаро с того момента, когда Фаты спасли его от смерти на обочине дороги под Ворожскими холмами на Камбервелле. – Пожалуйста, имейте в виду, что в памяти Джаро зияет шестилетний провал. Насколько я понимаю, так называемый „внутренний голос“ – какой-то отголосок забытого раннего детства».

«Гм! – доктор Флорио погладил пухлый розовый подбородок. – Вполне может быть. Позвольте мне пригласить коллегу, доктора Гиссинга. Он специализируется в области анализа раздвоения личности».

Появился доктор Гиссинг: хрупкий, щеголевато одетый человек с настороженно-любопытным лицом. Как и предполагал доктор Флорио, он сразу заинтересовался случаем Джаро: «У вас остались какие-нибудь записи, позволяющие получить представление о лечении Джаро в клинике Сронка?»

«Увы! – Хильер почувствовал, что лукавый доктор Гиссинг уже заставил его занять оборонительную позицию. – Мы очень спешили, все наши мысли были заняты спасением жизни ребенка; такие детали, как сохранение документации, просто вылетели у нас из головы».

«Хорошо вас понимаю! – заявил доктор Гиссинг. – Уверен, что вы сделали все, что мог бы сделать на вашем месте обеспокоенный человек без профессионального медицинского опыта».

«Именно так! – прогудел доктор Флорио. – В любом случае, потребуется регистрация новых схем».

«Любопытный случай!» – заключил доктор Гиссинг. Приятно улыбнувшись Хильеру и Альтею, он скрылся за дверью.

«Значит, мы договорились, – поспешила вставить Альтея. – Когда к вам привести Джаро?»

«Завтра утром, примерно в то же время, если это вас устроит».

Альтея не возражала: «Не могу найти слов – рада, что нам удалось поручить вам это дело!»

«Остается один вопрос, – поднял указательный палец доктор Флорио. – Нельзя забывать об оплате наших услуг, каковую мы стремимся взимать с таким же усердием, с каким наши клиенты стремятся свести ее к минимуму. Нашу фирму никак нельзя назвать дешевой или расточительной, в связи с чем было бы лучше всего, если бы мы с самого начала достигли взаимопонимания по этому вопросу».

«Не беспокойтесь, – ответил Хильер. – Как вам известно, мы занимаем профессорские должности на факультете эстетической философии. С вашей стороны достаточно будет выставить счет казначею службы здравоохранения Института».

Доктор Флорио нахмурился и хмыкнул: «В казначействе Института часто занимаются мелочными придирками. Время от времени нам возвращали счета, требуя разъяснить те или иные незначительные расходы. Неважно, впрочем! Завтра утром мы займемся обследованием Джаро».

Глава 4

1

Вечером, когда Джаро вернулся из гимназии, Хильер и Альтея ждали его в гостиной – необычная ситуация. Вскочив на ноги, Альтея налила в три небольших стаканчика дорогого вина «Альтенгельб» и протянула один стаканчик Джаро. Это вино откупоривали только по особым случаям, и Джаро почувствовал, что приближаются какие-то перемены.

Торжественно пригубив вино, Хильер прокашлялся. Профессор чувствовал себя не очень удобно, в связи с чем голос его звучал напыщенное, чем ему хотелось бы: «Джаро, мы оба были очень удивлены, когда узнали о твоих проблемах. Жаль, что ты не сообщил нам о них раньше».

Джаро слегка вздохнул, стараясь подавить внешние признаки раздражения. Наступал неизбежный этап, которого он боялся и который он одновременно приветствовал. Теперь он хотел объяснить все сразу, во всех подробностях – трепет, страхи, замешательство, панические приступы клаустрофобии, ужас неизвестности. Он хотел выразить в едином потоке слов любовь и благодарность к двум добрейшим людям, теперь встревоженным из-за него или даже болезненно уязвленным – но когда он заговорил, фразы звучали искусственно и напряженно: «Очень сожалею, что заставил вас беспокоиться. Я не хотел, чтобы так случилось – мне казалось, что я смогу справиться с этим сам».

Хильер сухо кивнул: «Все это замечательно, но...»

Альтея вмешалась: «Короче говоря, мы считаем, что тебе нужно посоветоваться со специалистами. На завтра тебе назначили прием у доктора Флорио из фирмы „ФВГ и партнеры“. У него хорошая репутация, и мы надеемся, что он тебе поможет».

Джаро потягивал вино, хотя оно ему не очень нравилось: «Сколько времени это займет?»

Хильер пожал плечами: «На этот счет трудно что-либо сказать, так как никто не знает, чем вызвано твое расстройство. Но завтра утром тебе нужно явиться в медицинский комплекс „Бантун“, в округе Селес. Там спокойно, чисто и удобно».

Скоропалительность происходящего поразила Джаро: «Уже завтра?»

«Чем скорее, тем лучше. В школе у тебя начались весенние каникулы – самое подходящее время заняться твоей проблемой».

«Надо полагать».

Альтея погладила Джаро по плечу: «Конечно, мы поедем с тобой. Тебе не о чем беспокоиться».

«А я и не беспокоюсь».

2

Вскоре после ужина Джаро пожелал Хильеру и Альтее спокойной ночи и отправился в спальню. Он долго лежал, глядя в темноту и пытаясь представить себе, каким образом его собирались лечить. Следовало допустить, что методы, применявшиеся фирмой «ФВГ и партнеры», не отличались особой жестокостью – иначе у них давно не было бы никаких клиентов.

Одно было несомненно: врачи должны были попытаться разгадать секрет его раннего детства, что можно было только приветствовать. Джаро мог предложить им лишь пару отрывочных образов: силуэт высокого худощавого человека на фоне сумеречного неба далекой планеты и романтический сад, озаренный лучами двух больших бледных лун. И, конечно же, голос!

Великая тайна! Откуда исходил этот голос? Джаро были известны немногие поверхностные сведения, относившиеся к телепатии. Может быть, именно в телепатии скрывалась разгадка? Может быть, его мозг стал своего рода приемником чьих-то трагических эмоций?

В прошлом Джаро нередко начинал было исповедоваться супругам Фатам, но каждый раз сдерживался. Доброжелательные и любящие родители, Фаты слишком чувствительно реагировали на его проблемы. В ситуациях, требовавших срочного принятия решений, Хильер проявлял непрактичность, пытаясь тщательно продумать каждую деталь процесса преодоления трудностей. Альтее же начинала бегать из угла в угол, время от времени обнимая Джаро так крепко, что у него перехватывало дыхание, и укоряя его в недостаточной откровенности. Оказываясь в одном помещении с Джаро, они неоднократно заставляли его обещать, что он непременно будет сообщать им о любых будущих болезнях, недугах, болях, растяжениях, порезах, укусах и прыщах, самых незначительных, так как только они лучше всех знали, что было ему полезно или вредно. «По меньшей мере, – думал Джаро, – теперь проблема будет в руках других людей. Кто знает, что у них получится?»

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать.

3

Рабочее расписание не позволило Хильеру отлучиться из Института, и во время первого посещения комплекса «Бантун» Джаро сопровождала Альтея. Они прибыли в назначенное время, и их сразу провели к доктору Флорио, внимательно осмотревшему Джаро с головы до ног: «Значит, это и есть наш пациент? Он выглядит, как исключительно здоровый молодой человек. Как ты себя чувствуешь, Джаро?»

«Очень хорошо, благодарю вас».

«А! У тебя прекрасные манеры, тебе не приходится принуждать себя к вежливости, – доктор Флорио указал на белый плетеный стул. – Присаживайся, будь так любезен, и мы немного поговорим».

Пока что все шло хорошо. Доктор Флорио казался приятным, хотя и несколько многословным собеседником.

«А теперь вот что, Джаро! Наберись терпения и подожди минуту-другую. Нам с твоей матерью нужно кое-что оформить». Врач отвел Альтею в приемную, где сидела секретарша, и объяснил, что ей следовало подписать целую пачку юридических документов. Дверь оставалась полуоткрытой – Джаро слышал, как они обсуждали бумаги.

«Прекрасно! – заявил наконец доктор Флорио. – Отныне нам не помешают никакие заковырки и закорючки. Будьте добры, освежите мою память – что именно беспокоит Джаро? Когда это началось?»

Альтея собралась с мыслями: «О том, что касается внутреннего голоса, Джаро может рассказать вам гораздо больше, чем я».

«В последнее время у него не было никаких травм головы? Он не падал, ни обо что не стукнулся, ни с кем не сталкивался?»

«Насколько мне известно, нет».

«И он ничем не болеет? Он выглядит здоровым – это действительно так?»

«Джаро совершенно здоров! Он никогда ничем не болел. Как мы уже упоминали, когда ему было шесть лет, его почти забила до смерти банда деревенских хулиганов, собиравшихся переломать ему все кости. Мы его вызволили, он чуть не умер. В больнице у него начались истерические судороги, лишавшие его последних сил. Его мучили какие-то воспоминания, доводившие до отчаяния, до безумия. Врачи не знали, как его спасти, и в качестве последнего средства терапевт решил стереть часть его памяти. Только поэтому он выжил, но теперь он не помнит бóльшую часть всего, что происходило в течение первых шести лет его жизни».

«Любопытно! Где все это случилось? Не на Галлингейле, надо полагать?»

«Нет, – сказала Альтея, – мы нашли его...» Она внезапно замолчала. Наступила странная тишина – в этой скрытности было что-то нехарактерное для Альтеи. Дверь в кабинет тихонько прикрыли, и Джаро не слышал продолжение разговора.

Странно! Джаро до сих пор не знал, где имели место неприятные события его детства. Когда он спрашивал об этом, Фаты отвечали уклончиво: «Ну, скажем так, ты нам повстречался на небольшой малоизвестной планете, где мы занимались исследованиями. Все это в прошлом и на самом деле не имеет значения».

Подозрительная уклончивость!

Дверь открылась – доктор Флорио и Альтея зашли в кабинет, где их ожидал Джаро. Альтея настаивала на том, что Джаро чувствовал бы себя удобнее, если бы она присутствовала при первоначальном обследовании. Но доктор Флорио даже слышать об этом не хотел: «Совершенно исключено! Ваше присутствие не позволит Джаро отвечать на вопросы со всей открытостью. Почему бы вам не выпить чаю в кафе? Оно в двух шагах – достаточно перейти внутренний двор».

Всем своим видом выражая неодобрение, Альтея направилась в кафе. Флорио пригласил Джаро пройти в процедурный кабинет – помещение с серо-зелеными стенами, словно испускавшими подводный свет. Указав Джаро на стул, он устроился за столом. Джаро ждал, готовый ко всему.

Доктор Флорио наконец приготовился и шлепнул ладонями по столу. Курс лечения начался: «Ну что же, Джаро, вот таким образом! Прежде всего нам следует познакомиться. Позволю себе заметить, ты производишь впечатление умного и способного молодого человека – несомненно, ты уже взобрался на несколько ступеней социальной лестницы. Полагаю, ты уже распростился с детскими забавами „Молодежного легиона“? Не замечаю никаких значков, но можно предположить, что тебя уже приняли в клуб „Сладких помидоров“, а может быть, даже „Зуавов“ или „Черномазых троллей“?»

«Я никто. Даже не профан».

«Ах да! Хм. Ха! – доктор Флорио приподнял брови. – Само собой. Каждому приходится всходить по иерархической лестнице в своем темпе – весомость придают самые различные свойства, иногда незаметные с первого взгляда. Но это сложные материи, и в данный момент мы не будем ими заниматься. Ты не возражаешь?»

«Не возражаю, доктор».

«Ну и ладно! А теперь расскажи о таинственных голосах, звучащих у тебя в голове. Мы их мигом приструним – так, что они запросят пощады!»

«Ситуация гораздо серьезнее, чем вы себе представляете – судя по тому, что вы говорите», – медленно произнес Джаро.

Брови доктора Флорио снова взметнулись, лучезарная улыбка на его розовом лице поблекла: «Даже так!» Врач задумался: «По-видимому, я тебя недооценил. Прошу прощения – попробую подойти к делу по-другому. Расскажи мне о голосе. Ты часто его слышишь?»

«Сперва он звучал редко – примерно раз в месяц, и тогда я едва его замечал. Но в прошлом году я слышал его несколько раз в неделю, а теперь он мне очень мешает. Похоже на то, что он появляется у меня в голове, и я не могу от него избавиться!»

Доктор Флорио тихо хмыкнул: «Это мужской голос или женский?»

«Мужской. Больше всего меня пугает то, что иногда он очень похож на мой собственный голос».

«Хм. Возможно, это имеет большое значение».

«Не думаю, – возразил Джаро. – Я твердо решил, что это не мой голос». Он принялся описывать – настолько подробно, насколько мог – звуки, возникавшие у него в голове: «В конце концов мне пришлось кому-то об этом рассказать, и вот – я попал сюда».

«Придется над всем этим крепко подумать, – признался Флорио. – Мне еще не приходилось иметь дело с таким явлением».

«Откуда происходит этот голос?» – с тревогой спросил Джаро.

Флорио покачал головой: «Не знаю. Можно предположить, что операция, которой тебя подвергли в детстве, искусственно соединила какие-то контуры, со временем становившиеся все активнее и в конце концов создавшие иллюзию внутреннего голоса. Если это так, лечивший тебя врач, возможно, сделал ошибочное заключение. Мы узнаем больше после подробного обследования». Доктор Флорио поднялся на ноги: «Давай пройдем в лабораторию. Я хотел бы познакомить тебя с моими коллегами, докторами Виндлем и Гиссингом. Мы вместе займемся твоим случаем».

Через три часа доктор Флорио и Джаро вернулись в приемную. Альтея беспокойно разглядывала их лица. Джаро выглядел спокойным и сосредоточенным, хотя и несколько взъерошенным. Доктор Флорио, казалось, слегка приуныл и перестал приправлять речь выражениями, придававшими ему напускную жизнерадостность: «Для начала мы применили умеренный гипноз и средства, обостряющие память, но не узнали ничего существенного. Пока что я

больше ничего не могу сказать – кроме того, что порекомендовал бы Джаро временно устроиться в одной из наших палат, выходящих в сад, где было бы удобно проводить дальнейшие терапевтические обследования».

Альтея запротестовала: «Я хорошо вас понимаю, но мы не хотим отрывать его от семьи и друзей! Мы хотели бы обсуждать с ним ваши процедуры и предлагать, по мере необходимости, свои советы. Если Джаро останется здесь, это будет невозможно!»

«Именно так, – сказал доктор Флорио. – Именно поэтому ему следует остаться здесь».

Альтея неохотно согласилась с требованиями врачей. «Не беспокойся! – сказала она, повернувшись к Джаро. – Мы тебя не бросим! Я буду приезжать каждый день и проводить с тобой как можно больше времени!»

Прокашлявшись, доктор Флорио поднял глаза к потолку: «Для всех нас было бы лучше, если бы вы ограничились более редкими и короткими свиданиями – скажем, на один час каждые три дня».

«Что вы говорите, доктор Флорио? – воскликнула Альтея. – Ведь это неразумно! Джаро нуждается в поддержке, а я хочу знать во всех подробностях о том, как проходит курс лечения!»

Доктор Флорио начинал раздражаться: «Мы предпочитаем не отчитываться о результатах регулярно. Пока состояние пациента не улучшится – а на внезапное улучшение обычно рассчитывать не приходится – мы не хотели бы преподносить вам наборы пустопорожних оптимистических фраз. Как только мы сможем объявить что-либо существенное, мы сразу с вами свяжемся».

«Нам трудно жить, не получая никаких сведений, – пожаловалась Альтея. – Мы очень беспокоимся».

Флорио уступил: «Мы будем ставить вас в известность обо всех применяемых процедурах. Например, сегодня мы погрузили Джаро в гипнотический транс, надеясь стимулировать появление внутреннего голоса – но безрезультатно. Затем мы приступили к подготовке схематических аналогов структуры мозга – они позволят проследить синаптические связи. В нашем распоряжении самые современные автофлекссы и процессоры; тем не менее, моделирование мозга – деликатное и трудоемкое занятие, чреватое неожиданностями».

Поколебавшись, Альтея спросила: «Вы считаете, что вам удастся ему помочь?»

Доктор Флорио устремил на Альтею печальный взгляд – ее вопрос явно задел его за живое: «Разумеется, сударыня! Иначе у нас не было бы никаких оснований для весомости!»

Альтея наконец удалилась, а медсестра-домоправительница отвела Джаро в отдельную палату. Тем временем три врача отправились в столовую комплекса, чтобы подкрепиться и побеседовать. Доктор Гиссинг был впечатлен сосредоточенным самообладанием их юного пациента: «У меня возникло жутковатое ощущение, что он наблюдает за нами внимательнее, чем мы за ним».

«Чепуха! – заявил доктор Виндль. – Вы проявляете признаки невроза, вызванного чувством вины».

«А у кого они не проявляются? Разве чувство вины – не плодотворнейший стимул, побуждающий каждого из нас приносить какую-то пользу вместо того, чтобы коптить небо?»

«Позвольте мне налить вам еще чаю», – прервал их доктор Флорио, и они отложили дальнейшее обсуждение этого вопроса.

4

Терапевтические сессии в больничном комплексе «Бантун» заполнили все существование Джаро. Работа продвигалась методически. Графопостроители прослеживали основные структуры его мозга как в двухмерных плоскостях, так и в трех измерениях. Его подсоединили к мониторам. Теперь, если бы внутренний голос снова появился, можно было идентифицировать соответствующую область мозга. Голос, однако, молчал – доктор Виндль, наиболее скептически настроенный из трех терапевтов, считал, что этот факт показателен сам по себе. «Не сомневаюсь, что у мальчика время от времени случались кошмары, – говорил он коллегам. – Он профан, он не чувствует почвы под ногами, ему кажется, что он вот-вот провалится. Известны сотни случаев подобной истерии».

Три врача сидели в библиотеке, где они ежедневно совещались, по традиции сопровождая беседу стаканчиком-другим дымчатого крепкого солодового напитка. Каждый занимал привычное место: доктор Флорио, с физиономией стареющего херувима, облокотился на стол посреди библиотеки; доктор Виндль, язвительный эрудит, устроился в кресле, перелистывая журнал; доктор Гиссинг беззаботно полуразвалился на софе, внимая разговору с безмятежно-просветленным лицом, словно он с наслаждением прислушивался к далеким и сладостным струнным аккордам. Именно это характерное для Гиссинга выражение доктор Виндль не слишком вежливо сравнивал с «мордой настороженной крысы».

Гиссинг укорял Виндля за чрезмерный скептицизм: «Послушайте! Мальчик очевидно говорит правду. Невозможно предположить, что ему нравится торчать в больнице и подвергаться процедурам. У него в жизни уже были какие-то трагедии, и он не хочет их возвращения».

«Несомненно, мы имеем дело с чем-то зловещим, – медленно произнес доктор Флорио. – Непонятный случай, выходящий за рамки моего опыта. Я говорю, конечно, не только о внутреннем голосе, но и о тех картинах, которые он еще помнит – об озаренных лунами кипарисах, о темной фигуре на фоне сумеречного неба. Меня невольно начинает интересовать то, что стерлось из памяти Джаро. Возможно, ему пришлось пережить нечто, от чего у нас самих началась бы истерика».

«Вероятно, часть потерянной памяти можно восстановить», – предположил доктор Гиссинг.

«Маловероятно! – решительно отрезал доктор Виндль. – Провалы на схемах слишком обширны!»

«Верно! Но разве вы не заметили остатки разрушенных матриц? Я насчитал дюжину с первого взгляда. Разумеется, все они в той или иной мере повреждены и со временем только блекнут».

Виндль раздраженно крикнул: «Они не поддаются осмыслению! У нас есть только разрозненные отправные точки, не связанные мнемоническими функциями. В них нет настоящей значимости».

«Существенной значимости нет, но они исключительно любопытны».

«Любопытны для вас – возможно. Но мы не можем тратить время, улавливая расплывчатые обрывки воспоминаний подобно сумасшедшему энтомологу, рискующему утонуть в болоте, размахивая сачком в погоне за редкой бабочкой».

«Словоблудие, болтовня! – жизнерадостно подскочил доктор Гиссинг. – Вы забыли о моей весомости! Мы, „лемуры“, любим приправлять сыр перцем. Если потребуется, я займусь этим без вашей помощи».

«Дражайший коллега! – бубнил доктор Виндль. – Нам хорошо известны ваши предпочтения. Нездоровый интерес к загадочным отклонениям от нормы может завести вас в тупик ложных умозаключений».

«Благодарю за предупреждение, – отозвался Гиссинг. – Впредь буду использовать свои терапевтические таланты со всей возможной предусмотрительностью».

5

Через неделю Фатов известили о том, что доктор Флорио хотел бы обсудить с ними состояние Джаро. Супруги-профессора прибыли в назначенное время, и их провели в консультационный кабинет Флорио. Врач появился, приветствовал Фатов, усадил их на стулья с мягкой обивкой, а сам присел на край стола. Переводя взгляд с лица Альтеи на Хильера и обратно, он сказал: «У меня есть для вас новости. Их невозможно назвать ни хорошими, ни плохими. Это всего лишь отчет о результатах, достигнутых на сегодняшний день».

Фатам нечего было ответить, и врач продолжал: «Мы добились своего рода прогресса – я скоро все объясню. Внутренний голос больше не появлялся. Если это был голос разумного существа, можно было бы подумать, что мы его спугнули, и оно скрылось в темном уголке сознания Джаро».

«Вы так считаете?» – огорченно воскликнула Альтея.

«В отсутствие явных свидетельств я не делаю никаких заключений, – возразил доктор Флорио. – Тем не менее, теперь есть основания считать, что голос на самом деле существует».

Хильер решил, что настало внести в разговор толику беспристрастной логики: «Меня удивляет ваша уверенность».

«Ваш скептицизм вполне уместен, – отреагировал Флорио. – Основания для моих выводов могут быть не вполне очевидны для человека, незнакомого с нарушениями функций центральной нервной системы. Постараюсь сформулировать их в общепонятных терминах. Результирующие концепции не отличаются ни элегантностью, ни точностью, но вы сможете в них разобраться самостоятельно. Я достаточно ясно выражаюсь?»

Хильер сухо кивнул: «Продолжайте».

«Для начала взгляните на происходящее со следующей точки зрения. Джаро слышал внутренний голос, и голос этот запечатлен в его памяти. В следующий раз, когда произошло то же самое, он снова это запомнил. Это происходило много раз, и мозг Джаро зарегистрировал группу мнемонических последовательностей. Таким образом, у него в памяти должна храниться информация, которую мы хотели бы проследить на структурных схемах. Прежде всего мы попытались стимулировать эту память в реальном масштабе времени, чтобы найти так называемую «кнопку включения» – безрезультатно. Затем мы попробовали умеренный гипноз, опять безуспешно».

Пришлось прибегнуть к другому средству. Существует препарат «Нияз-23», способствующий формированию глубокого гипнотического транса. Мы столкнулись с защитным барьером, но смогли обойти его с фланга, если можно так выразиться, и наконец обнаружили «кнопку включения» памяти. Установив связь с интересующей нас областью памяти, мы попросили Джаро имитировать, по мере возможности, услышанный им внутренний голос. Он выполнил нашу просьбу, что позволило записать последовательность исключительно странных звуков. Стоны, восклицания, нечленораздельные проклятия – все именно так, как он описывал. Такова, на данный момент, сущность наших достижений».

Хильер поджал губы: «Если я вас правильно понимаю, зарегистрированные вами звуки – не внутренний голос как таковой, а попытки Джаро воспроизвести то, что, как ему кажется, он слышал. Другими словами, ваша запись – имитация того, что могло быть галлюцинацией в первую очередь?»

Некоторое время доктор Флорио изучал Хильера Фата; на лице врача больше не было блаженно-невинного выражения херувима, наблюдающего полет ангелов: «В целом вы правильно оценили ситуацию. Но у меня вызывает недоумение явно недоброжелательный тон ваших замечаний».

Хильер холодно улыбнулся: «Все очень просто. Вы ссылаетесь на то, что юристы называют „косвенными свидетельствами“. Они не обладают достаточной доказательной силой».

Лицо Флорио прояснилось: «Глубоко благодарен вам за проницательное наблюдение! Больше не о чем говорить. Примем в качестве исходной аксиомы тот факт, что я – готовый предаваться беспочвенным заблуждениям тупица и продолжим, принимая во внимание эту оговорку».

«Не стал бы прибегать к таким выражениям, – чопорно выпрямился Хильер. – Я всего лишь указал на недостаточную убедительность ваших заключений».

Доктор Флорио вздохнул. Обойдя стол, он уселся в кресло: «К сожалению, ваши замечания свидетельствуют о том, что вы до сих пор не уяснили себе направление нашего исследования. Тому виной моя неспособность излагать выводы достаточно четко. Постараюсь выражаться осторожнее. Повторяю: применяя исключительно сложные методы нейрофизиологического анализа, мы смогли стимулировать воспоминания об определенных событиях, в свою очередь позволивших нам проследить существенные векторы – направленные связи – на структурных схемах. В этом отношении, разумеется, содержание воспоминаний не имеет значения».

К облегчению врача, ни Альтея, ни Хильер не выразили желания прослушать звукозапись – что несомненно было бы для них неприятно и тягостно.

«Что ж! Позвольте изложить наш основной тезис, – продолжал Флорио. – Звуки, которые запомнил Джаро, загружены в различные индексированные нами ячейки коры головного мозга. Они не поступили в эти ячейки нормальными путями – то есть по слуховым нервным окончаниям. Маршрут их загрузки был иным. Поток сообщений оставляет след, продолжающий существовать в течение неопределенного времени. Применяя исключительно чувствительное оборудование, можно стимулировать память, а затем проследивать последовательности синаптических связей к источнику воспоминания. Это в высшей степени деликатная процедура, позволяющая формировать векторы на структурных схемах. Я достаточно ясно выражаюсь?»

«То, о чем вы говорите, по всей видимости – очень сложный процесс, – проворчал Хильер. – Он осуществляется с какой-то определенной целью? Или вас устроит, так сказать, первый заяц, выскочивший из кустов?»

Доктор Флорио усмехнулся: «Будьте добры, проявите терпение и дайте мне закончить».

Хильер сухо кивнул: «Продолжайте – мы постараемся не отставать от ваших рассуждений в силу своих скромных способностей».

Флорио одобрил такой подход: «Вот именно! Терпение, терпение! А теперь – на чем я остановился? Ах да! В самом широком смысле, мы накапливаем данные и наблюдаем за образованием закономерности. Закономерность позволит определить направление лечения».

Альтея осторожно спросила: «Какова разница между „лечением“ и „терапией“, если между ними есть какая-то разница?»

«Существенной разницы нет. Но не следует забывать, что в настоящее время мы находимся на этапе диагностики».

Хильер произнес самым гнусавым, педантичным тоном: «Мы надеемся, что ваша терапия не приведет к повреждению каких-либо других умственных способностей Джаро».

Доктор Флорио принялся последовательно загибать пальцы: «Во-первых, первоначальная терапия в больнице Сронка сводилась к вмешательству только в память Джаро и никак не относилась к его умственным способностям. Это независимые функции, хотя они постоянно взаимодействуют. Во-вторых, в повторении такой терапии нет необходимости. В-третьих, вопреки вашим опасениям, мы не настолько безответственны. Никто не станет шараться в голове Джаро, как пьяный механик, обрывающий провода и оставляющий где попало гаечные ключи. У вас есть еще какие-нибудь вопросы?»

Хильер не был впечатлен тремя загнутыми пальцами доктора Флорио: «Как Джаро реагирует на все эти процедуры?»

Флорио пожал плечами: «Его сдержанность достойна похвалы. Он ни на что не жалуется; даже если он устает, он продолжает сотрудничать с нами настолько, насколько это в его силах. Вы можете им гордиться».

«О, мы им гордимся! – воскликнула Альтея. – Вы не можете себе представить, как мы им гордимся!»

Доктор Флорио поднялся на ноги: «Не могу больше ничего сказать до тех пор, пока не завершится следующий этап нашей работы. На это может уйти еще одна неделя».

6

Через четыре дня, когда уже вечерело, доктор Флорио присоединился к коллегам в помещении для совещаний. Молодая женщина в аккуратной, белой с голубым форме младшей медсестры подала им чай и ореховое печенье. Некоторое время три мудреца молча сидели, развалившись в креслах, словно обессиленные утомительным упражнением. Постепенно напряжение разрядилось. Доктор Флорио вздохнул, протянул руку к чашке с чаем и сказал: «По меньшей мере мы больше не продвигаемся вслепую. Это само по себе радует».

Доктор Виндль хмыкнул: «Не исключено, что он просто морочит нам голову».

Флорио снова вздохнул: «Это было бы невероятнее всего».

«А какие еще гипотезы у нас остались? – воскликнул Виндль. – Волей-неволей приходится признать, что это явление контролируется чьим-то более или менее рациональным сознанием!»

Доктор Гиссинг с издевательским укором погрозил Виндлю пальцем: «С таким же успехом можно было бы утверждать, что мы волей-неволей вынуждены признать влияние зодиакальной астрологии, объясняя утренний восход солнца».⁸

«От меня ускользает логика ваших замечаний», – отозвался доктор Виндль.

Гиссинг с готовностью пояснил: «Наличие „контролирующего сознания“, если оно не воздействует извне, означало бы раздвоение личности. Если же оно воздействует извне, мы вынуждены рассмотреть возможность существования телепатического источника – что, насколько мне известно, выходит за рамки нашей квалификации».

В голосе Виндля проявилась некоторая резкость: «Вы предложили нам полезную номенклатуру. Позвольте заметить, однако, что присвоить заболеванию наименование – не то же самое, что найти способ его исцеления».

«Все это несущественно! – раздраженно махнул рукой Флорио. – Векторы указывают на конкретное мозговое образование, а именно на бляшку Огга».

Доктор Виндль неодобрительно хмыкнул: «Вы заманиваете нас в ловушку мистицизма. Если мы повесим себе на шею такое ядро, нам это дорого обойдется – и в том, что касается эффективности исследований, и в том, что относится к престижу нашей фирмы!»

«Цель заключается в выяснении истины, – возразил доктор Гиссинг. – Не следует захлопывать дверь перед носом любой теории, если она не носит чисто механистический характер».

«Каково же, в таком случае, ваше заключение?» – потребовал ответа Виндль.

«Я считаю, что в данном случае нельзя говорить о простом помешательстве», – сказал Гиссинг.

«В этом я с вами полностью согласен», – весомо отозвался Флорио.

Прозвучал звонок. Доктор Флорио поднялся на ноги: «Прибыли Фаты. Придется изложить им факты, как они есть. Не вижу другого выхода».

Доктор Виндль взглянул на часы: «Сегодня я не смогу участвовать в консультации – уже опаздываю на совещание. Представьте родителям фактический отчет, не занимаясь обычными догматическими разглагольствованиями, и все будет в порядке».

Доктор Флорио поморщился, но рассмеялся: «Мои „догматические разглагольствования“, как вы изволили выразиться – не более, чем поддержание взаимовыгодных отношений с клиентурой. Без них вы все еще постукивали бы стареющих дам по коленям резиновым молотком».

---

⁸ Читатели, знакомые с работами барона Бодиссея, могут припомнить его притчу о приглашенном на ужин госте, который, стремясь произвести впечатление любой ценой, утверждал, что только что прибыл с невероятной планеты, где солнце восходило на западе и заходило на востоке.

«Да-да, разумеется, – не стал спорить Виндль. – Делайте, как знаете». Он удалился.

«Мне тоже придется вас покинуть, – огорченно сказал доктор Гиссинг. – Я давно пытаюсь просунуться, правдами и неправдами, в круг „Жирандолей“. Сегодня настает решающий момент: у них состоится церемония „усмирения простаков“, и мне надлежит явиться, чтобы меня усмирили. Кто знает? Может быть, ваш партнер станет членом клуба „Жирандолей“ уже через несколько дней!»

«Что ж, ступайте! Усмиряйтесь на здоровье! – прорычал Флорио. – Мне придется иметь дело с Фатами одному – что, скорее всего, к лучшему в любом случае».

7

Доктор Флорио вышел в приемную к ожидавшим его родителям Джаро. Те сидели молча, с печально сосредоточенными лицами. Сегодня Хильер надел свободные брюки из коричнево-серой саржи и темно-коричневый свитер с черными рукавами. На Альтее были темно-зеленая юбка, белая блуза и темно-оранжевая безрукавка из мягкого бугорчатого материала. Флорио слегка удивился тому, что они не шеголяли никакими значками или символами, свидетельствовавшими о статусе, но тут же вспомнил, что перед ним – профаны. Не станут же они носить значки, оповещающие об этом всех и каждого! Проскользнув в кресло за столом, доктор Флорио вежливо поздоровался с профессорами. Те ответили примерно тем же, внимательно наблюдая за ним – они уже чувствовали, что им предстоит услышать какие-то новости.

Флорио сказал: «Мы добились явного прогресса в том, что относится к состоянию вашего сына. Остаются неразгаданные тайны, но мы наконец оказались с ними лицом к лицу».

Альтея спросила дрожащим голосом: «Вы нас порадуете или огорчите?»

«Ни то, ни другое. Вам придется самим составить мнение о значении наших результатов».

«Очень хорошо! – вмешался Хильер. – Скажите: что вам удалось узнать?»

«Как вам известно, мы систематически изучали структуру сознания Джаро, регистрируя на схемах векторы, указывающие интенсивность и направление связей. К нашему удивлению, интересующие нас векторы указывали на малозаметное небольшое сплетение нервной ткани, именуемое „бляшкой Огга“ и расположенное с тыльной стороны продолговатого мозга. Сегодня, по мере того, как мы изучали эту область, Джаро начал время от времени издавать звуки. Эти звуки нас не очень интересовали, но мы их регистрировали. А затем зондирующая вибрация, по-видимому, стимулировала особый участок бляшки Огга, и теперь вы услышите то, что последовало».

Доктор Флорио поставил на стол небольшую черную коробку: «Вслед за посторонними шумами и сигналом оповещения о начале записи вы услышите голос Джаро. Предупреждаю вас: он звучит странно. Соберитесь с духом – запись может вас потревожить». Врач прикоснулся к кнопке, после чего повернулся в кресле и стал ждать, наблюдая за Фатами.

Из коробки донеслись звуки: шелест бумаг, какие-то шаги и постукивание, бормотание доктора Флорио, обращавшегося к помощнику, скрежет, тихий сигнал, напоминающий звон колокольчика, а за ним – голос, низкий, хриплый и напряженный. Голос формировался в глотке Джаро, но практически ничем не напоминал ни обычный тон Джаро, ни его манеру выражаться. Голос взывал – негромко, но отчаянно: «О, жизнь моя! Моя драгоценная жизнь! Она проходит, а я беспомощен во мраке! Я – затерянная душа; жизнь моя сочится, иссыкает по капле с каждым вдохом и выдохом – исчезает, испаряется! Проходит бесследно! Я всеми забыт в темной бездне, а моя чудесная, драгоценная жизнь проходит». Голос всхлипнул, после чего зазвучал еще отчаяннее: «За что мне такая судьба, забытому во мраке – навсегда, на веки вечные?» Снова послышались приглушенные всхлипывания, наступила тишина.

Из коробки послышался голос доктора Флорио, напряженный и резкий: «Кто ты? Скажи, как тебя зовут?»

Ответа не было. Коробка молчала – молчанием одиночества и пустоты.

Доктор Флорио прикоснулся к кнопке и прекратил воспроизведение. Повернувшись, он оказался лицом к лицу не с теми Фатами, каких он знал, а с двумя незнакомцами с белыми вытянутыми лицами и огромными округлившимися глазами, подобными лужицам черной жидкости. Флорио моргнул: видение исчезло, вернулась действительность. Словно со стороны, Флорио услышал собственный голос, автоматически говоривший: «Впервые нам удалось получить конкретную информацию. Для нас это хорошие новости: мы рады тому, что больше не гоняемся за призраком – точнее, тому, что теперь мы знаем, где прячется призрак».

«Откуда происходит этот голос? – тихо воскликнула Альтея. – Разве это Джаро?»

Доктор Флорио развел руками и беспомощно опустил их: «Мы еще не смогли сделать осмысленные выводы. На первый взгляд возникает впечатление, что перед нами классический случай раздвоения личности. Но в таком диагнозе приходится сомневаться по нескольким техническим причинам, в подробности которых я не хотел бы сейчас вдаваться».

Хильер неуверенно спросил: «Какие еще существуют возможности?»

Флорио осторожно ответил: «На данном этапе остается только строить гипотетические предположения, а они могут вводить в заблуждение».

Хильер уныло усмехнулся: «Я не прочь рассмотреть любые предположения, принимая во внимание их гипотетический характер. Например, в Сронке стерли часть памяти Джаро. Возможно ли, что по ошибке целая область мозга – сознания, если хотите – была изолирована и лишена связи с органами чувств? Может быть, мы слышим призывы о помощи, исходящие из этой изолированной области?»

Доктор Флорио задумался: «Удачная идея и, казалось бы, даже правдоподобная. Но любой такой изолированный сегмент неизбежно проявился бы на структурной схеме. Следовательно, разгадка не в этом, несмотря на привлекательную простоту вашей гипотезы».

«Тем не менее, должно иметь место нечто подобное?»

«Возможно».

«Но вы сможете помочь Джаро?» – осмелилась спросить Альтея.

«Да – хотя я еще не совсем понимаю, с чего начать. Если бы мы узнали прошлое Джаро, может быть, нам удалось бы изгнать этот печальный призрак, навязчиво преследующий его изнутри».

«Это было бы, конечно, целесообразно, – отозвалась Альтея, – но практически неосуществимо».

«Невозможно! – заявил Хильер. – Потребовались бы многократные межзвездные полеты и большие затраты времени и денег, а следы происшедшего много лет тому назад давно простыли, и у нас все равно не будет почти никакого шанса на успех».

«Боюсь, что это так», – подтвердил Флорио.

«Значит, вы не испытываете особого оптимизма по поводу дальнейших перспектив Джаро», – тоскливо сказала Альтея.

Доктор Флорио поморщился: «Не хотел бы внушать вам ложные надежды, но в то же время нет никаких причин отчаиваться. Мы просто-напросто еще не накопили достаточный объем информации».

Хильер скептически разглядывал врача: «И это все, что вы можете сказать?»

Флорио помолчал несколько секунд: «Как правило, мы не раскрываем необработанную информацию, пока она не будет полностью проанализирована. Тем не менее, не вижу никакого вреда в том, чтобы указать на обстоятельство, способное вас заинтересовать».

Доктор Флорио прервался, собираясь с мыслями. Хильер потерял терпение: «Так что же? В чем дело?»

Бросив на Хильера укоризненный взгляд, Флорио сказал: «Во время обследований и процедур постоянно работают мониторы, регистрирующие слабые токи, свидетельствующие об активности мозга. Когда говорил записанный „внутренний голос“, мониторы не регистрировали никакой активности. Точнее говоря, если бы этот голос стимулировался памятью, следовало бы ожидать характерных всплесков активности в соответствующих областях мозга. Такие всплески не наблюдались».

«Что это значит?»

«Мой вывод подлежит дальнейшей проверке, но по сути дела это значит, что голос исходит из внешнего источника, находящегося за пределами мозга и сознания Джаро».

Наступило молчание, после чего Хильер напряженно заметил: «В это трудно поверить. Ваша концепция граничит с мистицизмом».

Доктор Флорио пожал плечами: «Я не могу нести ответственность за тот или иной характер неизбежных выводов. Могу оперировать только имеющимися конкретными данными».

Супруги Фаты поднялись на ноги и направились к двери. Доктор Флорио провожал их до вестибюля. «Вы интересовались гипотетическими предположениями, – сказал он по пути Хильеру. – Теперь в вашем распоряжении есть факты, и вы можете строить всевозможные предположения. Я сделаю то же самое – как только приму душ, переоденусь в легкий полотняный костюм и устроюсь за стойкой бара в салоне клуба „Палиндром“, где мне тут же подадут пару горьких коктейлей с джином».

8

Еще через неделю, когда доктор Флорио снова совещался с Фатами в приемной, он явился в сопровождении Джаро. Альтее показалось, что Джаро побледнел и слегка осунулся, но оставался спокойным и уверенным в себе.

Джаро устроился на софе между Хильером и Альтеей. Доктор Флорио присел на край стола: «Мы имеем дело с загадочным случаем – хотя теперь понимаем его несколько лучше. По сути дела, нам удалось положить конец проблемам, мучившим Джаро – по меньшей мере, в данный момент возникает такое впечатление».

«Прекрасная новость!» – воскликнула Альтея.

Доктор Флорио кивнул, но без энтузиазма: «Не могу сказать, что я полностью удовлетворен. Использованный нами метод нельзя назвать ни элегантным решением задачи, ни блестящей импровизацией, ни даже процедурой, продиктованной классической теорией. Вместо этого мы проявили грубый, примитивный прагматизм, единственным достоинством которого является успех».

Возбужденная Альтея весело рассмеялась: «Разве этого не достаточно? Вы слишком скромно отзываетесь о своем достижении!»

Флорио печально покачал головой: «Наша цель заключалась в том, чтобы разгадать тайну – тайну фундаментального значения. По существу, требовалось ответить на вопрос: генерировался ли голос внутренне, в памяти Джаро, или внешне, посредством какого-то воздействия, подобного телепатии? В ходе исследования мы более или менее случайно обнаружили способ избавить Джаро от этого нарушения. Голос больше не стонет и не проклинает судьбу у него в голове – теперь остается только выключить оборудование и объявить славную победу».

Хильер поджал губы. Помпезное легкомыслие доктора Флорио – если можно было так назвать его способ выражаться – больше не казалось профессору подходящим случаем; оно начинало действовать ему на нервы. «Прошу прощения, – сказал Хильер, – но мне не совсем понятно, что именно вы пытаетесь сказать».

«Все очень просто – постараюсь не злоупотреблять терминологией».

«Будьте так любезны», – процедил Хильер.

«Разумеется, разумеется! – доктор Флорио не мог даже подозревать, что смиренный научный сотрудник, не имеющий никакого социального статуса, мог испытывать к нему, к его профессиональной репутации и к его принадлежности к клубу „Палиндром“ что-либо, кроме благоговейного почтения. – Как я упомянул, мы определили область мозга, по-видимому являющуюся средоточием проблемы: скопление губчатой нервной ткани с тыльной стороны продолговатого мозга, известное под наименованием „бляшка Огга“. Случайная стимуляция этого образования привела к регистрации голоса, который вы слышали. Мы пытались стимулировать этот участок снова, что не позволило получить последовательные результаты. Нам так и не удалось ответить на основной вопрос: что именно служило источником внутреннего голоса? Теперь этот вопрос отпал».

«Почему же?»

Флорио помолчал, выбирая слова, и ответил: «Попросту говоря, мы изолировали бляшку Огга от входящих нервных окончаний, заключив ее в оболочку из паннакса. Теперь этот небольшой участок мозга находится в капсуле, непроницаемой для синаптических сигналов. Как только мы это сделали, шумы, связанные с бляшкой Огга, исчезли. Джаро сразу ощутил нечто вроде облегчения или освобождения. Он чувствует, что голос замолчал, и его это более чем устраивает. Не так ли, Джаро?»

«Вы правы», – кивнул Джаро.

Хильер не преминул подметить некоторую неуверенность в ответе Джаро и резко спросил: «Что-нибудь не так? Тебе чем-то не понравилось то, что с тобой сделали?»

«Нет-нет! Все в порядке! Я просто боюсь, что со временем это средство перестанет действовать, и голос вернется».

«Значит, ты считаешь, что голос проникает откуда-то снаружи?» – спросила Альтея.

«Да».

Альтея поежилась: «В этом есть что-то сверхъестественное».

Хильер сохранял бесстрастную, рациональную невозмутимость: «Если бы голос объяснялся тем, что называется „раздвоением личности“, тебе тоже могло бы казаться, что он проникает снаружи».

Доктор Флорио улыбнулся самодовольно-благодушной улыбкой, выводившей Хильера из себя: «Вы хотели бы получить разъяснения еще по каким-нибудь вопросам?»

«Хотел бы, несомненно! – сухо отозвался Хильер. – Например, возникает вопрос о побочных эффектах. Вы изолировали орган в голове Джаро. Разве это не серьезное вмешательство в деятельность мозга?»

«Скорее всего, нет. Бляшку Огга изучали много тысяч лет. Большинство исследователей придерживается того мнения, что она – не более чем рудимент, остаточное образование, потерявшее функциональное значение».

«И все же возникает впечатление, что вы нарушили связи, значение которых не совсем понимаете».

«Если вы желаете получить односложный ответ, – терпеливо произнес доктор Флорио, – да, это так. Мы намерены продолжать наблюдение за состоянием Джаро. Его проблема контролируется – теперь предстоит узнать, приведет ли это к каким-либо последствиям. Надеюсь, что последствий не будет».

«Стимулируется ли бляшка Огга гипнозом? – спросила Альтея. – Влияет ли она каким-нибудь образом на гипнотическое внушение?»

«Совершенно исключено! Гипноз воздействует на другие области мозга, причем процесс внушения контролируется гипнотизером, а не гипнотизируемым. Есть еще какие-нибудь вопросы? Нет? В таком случае я хотел бы высказать одно наблюдение, относящееся к Джаро. На протяжении нашего исследования он заслужил нашу привязанность и наше уважение. Он проявил настойчивость, храбрость и целеустремленность – черты характера, которыми можно только гордиться. Кроме того, он хорошо воспитан, жизнерадостен и вежлив. Я понимаю, что вы не примкнули к каким-либо социальным структурам, помимо профессиональных, но если Джаро решит заняться восхождением по иерархической лестнице, его ждет блистательный успех – ему свойственна врожденная весомость, неизбежно позволяющая занять высокое общественное положение».

Альтея быстро обняла Джаро: «Ты слышишь? Доктор Флорио тобой доволен! Теперь, может быть, ты возьмешь себя в руки и с такой же настойчивостью займешься учебой вместо того, чтобы блуждать мыслями в облаках и мечтать о космосе».

Флорио покровительственно рассмеялся: «В возрасте Джаро мы все – неисправимые романтики! В свое время я мечтал стать самым прытким, самым пробивным нападающим ровербольного клуба „Каниль“. Врач обратился к Джаро: «Прислушайся к словам матери, Джаро – она правильно понимает вещи. Работа в космосе не придает никакого статуса – и, хотя в том, чтобы оставаться профаном, нет ничего плохого, почему бы не взять от жизни все, что она может тебе дать? Готовься к восхождению на вершину!»

«Хмф! – фыркнул Хильер. – Джаро намерен сосредоточиться на академической карьере; возможно, ему не следует тратить время на приобретение весомости, испытывая мучительные уколы самолюбия каждый раз, когда ему будут отказывать в приеме в какой-нибудь элитный клуб».

Доктор Флорио благосклонно улыбнулся: «Такой подход, разумеется, имеет право на существование и в каком-то смысле вполне обоснован. Ну что же – желаю вам всего наилучшего!»

Глава 5

1

Время, проведенное Джаро на Бантунском холме, практически совпало с весенними каникулами в Ланголенской гимназии, что позволило ему вернуться к школьным занятиям, почти ничего не пропустив. Тем не менее, теперь все казалось ему другим. Освобождение от внутреннего бремени приводило его в почти эйфорическое состояние. Он был уверен в своей компетентности; ничто не могло остановить его на избранном пути! Да, возможно, ему предстояло узнать неприятные и даже более чем неприятные факты – он отчетливо ощущал, что в годы раннего детства ему пришлось столкнуться с чем-то мрачным и зловещим, что оставшееся в прошлом зло вполне могло протянуть щупальца в будущее. Где-то, в каком-то темном и пустынном месте замолкнувший в его голове голос продолжал стонать и рыдать в полном одиночестве.

Где?

Почему?

Что ему следовало искать?

У Джаро не было никаких сведений, позволявших ответить на эти вопросы. Супруги Фаты отказывались строить предположения по поводу его слуховых галлюцинаций и не хотели даже обсуждать их. Хильер официально объявил происшедшее «несущественным коротким замыканием», случайным последствием предшествовавшего вмешательства в умственные процессы Джаро, отныне навсегда устраненным. Родители всегда скрывали от Джаро обстоятельства его детства. Когда он спрашивал об этом, они ограничивались расплывчатыми общими фразами. Безмянный заморыш, найденный на обочине дороги, больше не существовал даже в их памяти – существовал только Джаро Фат, талантливый молодой человек, которому суждена была выдающаяся академическая карьера. Конечно, профессора Фаты не хотели ни в чем его ущемлять – они всего лишь хотели, чтобы он стал таким же, как они, что свойственно любым родителям. Госпожа Виртц приветствовала его в гимназии проникновенным оценивающим взглядом и похлопала по плечу. Она не задавала вопросов, хотя Джаро прекрасно понимал, что Айдора Виртц подробно обсуждала его состояние и его успехи с Альтеей. Так или иначе, Джаро это мало беспокоило. Теперь, вернувшись в школу, он рассматривал одноклассников с новой точки зрения. Больше, чем когда-либо, он чувствовал, что не принадлежит к их числу, что он не такой, как они. Почти все они стремились к восхождению по социальной лестнице. Примерно половина его сверстников носила синие с белым значки «Молодежного легиона». Других уже приняли в клуб «Сладких помидоров», а некоторые могли похвастаться вхождением в избранный круг «Зуавов». В классе было еще два ученика-профана, мальчик и девочка; как правило, они тихо сидели за задней партой. Мальчик, так же, как и Джаро, происходил из семьи институтских научных сотрудников, а девочка недавно прибыла с другой планеты – поговаривали, что она придерживается какой-то необычной диеты. Кроме того, у них в классе была представительница недостижимых и неподражаемых «Устричных кексов»: Скирлет Хутценрайтер.

Дальнейшее наблюдение за сверстниками только укрепило в Джаро ощущение своей исключительности. Одноклассники видели в нем не только профана, но и нелюдимую, даже недружелюбную личность, сторонившуюся коллективных развлечений и, вероятно, погруженную в того или иного рода мистицизм. Несколько раз Джаро объяснял им, что намеревался стать астронавтом, в связи с чем восхождение по социальным ступеням Танета было бы для него пустой тратой времени. Никто не позаботился прислушаться к его словам. В любом слу-

чае, все это не имело значения. В следующем году Джаро должен был поступить в Лицей, где собирался сосредоточиться на предметах, относившихся к космосу – астрономии, истории и географии Древней Земли, морфологии Ойкумены, космической технологии и биографиях искателей, а также на вечно удаляющейся пограничной области, отделявшей более или менее цивилизованную Ойкумену от Запределья. Он намеревался также одолеть все двенадцать томов «ЖИЗНИ» барона Бодиссея, что могло заслужить одобрение Хильера. Впрочем, не обязательно: наблюдения и выводы барона были тесно связаны с космическими исследованиями и путешествиями, выходящими за рамки общеизвестного пространства, тогда как для многих людей, в том числе для супругов Фатов, Ойкумена была более чем достаточно велика; они считали, что астронавтов – навигаторов и космических механиков – тоже было более чем достаточно. Фаты уже определили программу будущей карьеры Джаро, гармонировавшую с их идеалами. Следовало ожидать поэтому, что планы самого Джаро встретят сопротивление в его семье. Мысль об этом его огорчала, так как он любил Альтею и Хильера, посвятивших столько времени и сил его благополучию. Но удобного выхода из сложившейся ситуации не было. Джаро нисколько не привлекала академическая деятельность – не больше, чем перспектива стать уважаемым членом клуба «Лохмачей» или «Устричных кексов». Джаро вспомнил о Тоуне Мэйхаке – вот к кому можно было потихоньку обратиться за советом!

С тех пор, как Джаро в последний раз видел Мэйхака, прошла неделя. На этот раз, получив неохотное разрешение профессоров Фатов, Мэйхак решил показать Джаро космический терминал. Пройдя через просторный вестибюль космопорта, они проникли в длинный ангар и прошли вдоль вереницы космических яхт всевозможных размеров и разновидностей. Они не торопились, внимательно рассматривая по очереди каждый сверкающий частный звездолет, оценивая их оснастку и удобства, мощность двигателей и особое дерзкое великолепие, свойственное только космическим кораблям и никаким другим произведениям рук человеческих.

В ремонтной мастерской космопорта Мэйхак познакомил Джаро со своим бригадиром, Трио Хартунгом, а также с обладателем зверской уродливой физиономии по имени Гэйнг Нейтцбек – тот ограничился молчаливым кивком.

Покинув мастерскую, Мэйхак привел Джаро в кафе под открытым небом, на краю площади перед зданием космопорта. Заказав чаю и пирожных с кремом, Мэйхак спросил Джаро, что он думает о Хартунге и Нейтцбеке. Джаро поразмышлял, после чего ответил: «Господин Хартунг производит впечатление человека надежного и достаточно дружелюбного. Мне он, пожалуй, понравился».

«Не могу ничего возразить. А как насчет Гэйнга Нейтцбека?»

Джаро нахмурился: «Не знаю. Он выглядит очень мрачно».

Мэйхак расхохотался: «Не все то золото, что блестит. То есть наоборот. В любом случае, не суди о нем по внешности. Хотя, конечно, в застенчивости его не обвинишь».

«Значит, вы его давно знаете?»

«О да. Позволь поинтересоваться: когда Фаты привезли тебя в Танет, ты что-нибудь помнил из своего прошлого?»

«Ничего особенного».

«И ты не знаешь, где тебя нашли?»

«Нет. Они не скажут, пока я не закончу Институт».

«Хм. Расскажи все, что помнишь».

Джаро рассказал о картинах, еще возникавших в его памяти, и о сопутствовавших им ощущениях.

Мэйхак слушал чрезвычайно внимательно, впившись глазами в лицо Джаро так, словно выражение лица могло объяснить больше слов: «И это все, ты больше ничего не помнишь?»

Джаро смотрел куда-то вдаль: «Раз или два – не могу сказать точно – мне снилась моя мать. Не помню, как она выглядела – помню только ее присутствие и голос. Она говорила:

„Бедный маленький Джаро! Как я не хотела возлагать это бремя на твои плечи! Но ничего не поделаешь“. Что-то в этом роде. У нее был очень печальный голос – когда я проснулся, я чуть не заплакал».

«О каком „бремени“ она говорила?»

«Не знаю. Иногда, когда я о ней думаю, мне кажется, что я должен сделать что-то важное, но когда я пытаюсь вспомнить, нить ускользает».

«Гм. Любопытно. А еще что-нибудь ты помнишь?»

Джаро поморщился: «Есть еще одна вещь. Думаю, она связана с садом под двумя лунами». Джаро рассказал Мэйхаку о скорбном голосе, причинившем ему столько беспокойств. Он рассказал также об обследовании и лечении в комплексе «Бантун», о горестных хриплых восклицаниях, зарегистрированных звукозаписывающим устройством: «Врачи не могут это объяснить ничем, кроме телепатии. Но они мне помогли – теперь, наконец, меня не тревожит никакой голос».

По мере того, как Джаро говорил, внешний вид Мэйхака заметно менялся. Он напряженно наклонился вперед и застыл, словно в рассказе Джаро для него было что-то одно-временно непреодолимо притягательное и вызывающее ужас. Джаро предположил даже, что Мэйхаку, может быть, пришлось пережить такое же вторжение в его сознание.

В конце концов Мэйхак сказал: «Достопримечательная последовательность событий!»

Джаро кивнул: «Я рад, что голос замолчал».

Откинувшись на спинку стула, Мэйхак тоже посмотрел куда-то вдаль и спросил: «Значит, этот голос больше вообще не появляется?»

«По-моему, нет. Иногда я слышу что-то вроде едва заметного отзвука – знаете, как бывает, когда заходишь в комнату, где кто-то только что кончил говорить».

«Очень хорошо! – Мэйхак поднялся на ноги. – Мне нужно вернуться в мастерскую».

Мэйхак удалился. Джаро провожал глазами его пружинисто шагающую фигуру, пересекавшую площадь и скрывающуюся в здании космопорта. Некоторое время Джаро продолжал сидеть, задумавшись о странном поведении своего знакомого. Мэйхак не был просто удивлен его рассказом – он был явно чем-то потрясен.

Джаро, окутанный тайнами пуще прежнего, вернулся в Приют Сильфид.

Шло время, и Джаро долго не встречался с Мэйхаком, больше не приходившим в гости, и не получал от него никаких сообщений. Может быть, следовало его пригласить? Джаро подозревал причину такого длительного отсутствия. С точки зрения Фатов, Мэйхак больше не был аспирантом Института, интересовавшимся эзотерической музыкой и причудливыми инструментами. Теперь он работал в космическом терминале. Так как он посетил множество далеких планет и провел значительную часть жизни в открытом космосе, профессора Фаты опасались его влияния на Джаро. Если Джаро нужно было брать с кого-то пример, они предпочитали, чтобы таким образом был Хильер Фат, а не Тоун Мэйхак – не только астронавт, но и далеко не пацифист!

Джаро невесело усмехнулся. Все было ясно. Благожелательные и любящие родители, Фаты накладывали на него обременительные ограничения. Джаро понимал, что Мэйхаку нравилось проводить время в его компании; следовало как можно скорее его разыскать и глубже проникнуть в мучительно дразнящие тайны, частью которых теперь стал Тоун Мэйхак.

Утром Джаро вернулся в школу и полностью сосредоточился на занятиях, словно подвергая себя отшельническому обету. Во время обеденного перерыва Джаро проходил по внутреннему двору гимназии мимо Ханафера Глакеншоу. Ханафер рассеянно взглянул на него – но не забыл усмехнуться и фыркнуть, чтобы подчеркнуть постоянство и неизбежность презрения к профану. Джаро ухом не повел.

Ситуация, однако, становилась неприятной. Презрение Ханафера, конечно, могло и не привести ни к каким последствиям – но возникало впечатление, что рано или поздно оно

могло выразиться в действиях, которые Джаро больше не мог бы игнорировать. Что тогда? Что, если Ханафер нападет на него и заставит обороняться? Самозащита не соответствовала мировоззрению профессоров Фатов. Они напомнили бы ему, что законы не требовали от него нанесения ударов или причинения боли другому человеческому существу, независимо от масштабов или характера провокации. А их собственные высокие этические представления требовали, чтобы Джаро вежливо заявил об отказе прибегать к насилию и удалился, не продолжая участвовать в конфликте. Таким образом, по мнению Фатов, он пристыдил бы противника и вызвал бы раскаяние у пособников обидчика, а сам мог бы наслаждаться плодами благонаравия и целомудрия. И снова на губах Джаро появилась печальная усмешка. Супруги Фаты не позволяли ему заниматься физическими упражнениями, связанными с нанесением ударов или каким-либо единоборством; поэтому в случае нападения он не сумел бы успешно защищаться, и Ханафер, конечно же, отгузил бы его на славу.

Это умозаключение бесконечно раздражало Джаро. Неспособность к самозащите могла поставить его в исключительно неудобное положение – с этим нужно было что-то делать.

Вечером первого дня второго полугодия Джаро отправился в библиотеку и позаимствовал там пухлый справочник, содержащий описания различных приемов рукопашной схватки. Выйдя из библиотеки, Джаро присел на бетонную скамью во дворе гимназии, чтобы просмотреть справочник. Вскоре он заметил, что кто-то присел на ту же скамью с другого конца. Соседкой оказалась знаменитая Скирлет Хутценрайтер – она никогда не задумывалась о приобретении весомости, так как ей от рождения принадлежало право занять место среди «Устричных кексов», на заоблачной вершине социальной пирамиды. Скирлет присела на скамью бочком, подложив одну ногу под другую, положив одну руку на спинку скамьи и опустив другую на колени – тем самым демонстрируя элегантно-небрежную позу, не ускользнувшую от внимания Джаро прежде, чем он вернулся к созерцанию схем, пояснявших, как следовало выворачивать руки и пережимать горло.

Прошло несколько секунд. Джаро покосился на Скирлет и обнаружил, что та внимательно его разглядывает пронизательными ярко-серыми глазами. Лицо ее обрамляли несколько взъерошенные, но аккуратно подстриженные черные локоны; как обычно, сегодня она надела что-то первое попавшееся – синюю крестьянскую блузу, для нее слишком просторную, и светло-бежевые, почти белые парусиновые брюки, привлекательно облегавшие ее округлые бедра. Джаро вздохнул и снова погрузился в справочник, чувствуя, как у него по коже пробежали мурашки приятного возбуждения. Раньше Скирлет едва его замечала; теперь она следила за каждым его движением. Странно! Что у нее в голове? Если теперь он с ней заговорит, а она его оборвет – чего следовало ожидать – его это огорчило бы, и он только потерял бы время на скорбные размышления. Поэтому Джаро решил молчать.

Судя по всему, Скирлет догадалась о ходе его мыслей и позволила себе довольно-таки надменную улыбку.

Джаро с достоинством выпрямился. План был безупречен: следовало полностью игнорировать обольстительную соседку, пока та не соскучится и не побежит развлекаться каким-нибудь другим способом. Настроения девушек переменчивы, как весенний ветер; они неспособны сосредоточиться на чем-нибудь одном больше трех минут. Скирлет позвала его: «Эй! Привет!»

Джаро окинул ее взглядом, сохраняя каменное выражение лица. Это существо следовало рассматривать как непредсказуемое проявление стихийных сил, требовавшее исключительной осторожности.

Скирлет снова нарушила молчание: «Ты жив или уже умер? Или просто в коматозном состоянии?»

«Насколько мне известно, я еще жив», – чопорно отозвался Джаро.

«Хорошо сказано! Тебя зовут Джаро Фат, не так ли?»

«И так, и не так».

Уклончивость Джаро заставила Скирлет поднять брови: «Как это понимать?»

«Фаты – мои приемные родители».

«Ага! Значит, у тебя есть другая фамилия?»

«Скорее всего, – Джаро рассмотрел ее с головы до ног. – А ты кто такая?»

Потрясенная Скирлет слегка отшатнулась: «То есть как, кто я такая? Я – Скирлет Хутценрайтер, разве ты не знаешь?»

«Припоминаю – у тебя странное имя».

Скирлет сдержанно пояснила: «Скирлет – уменьшительное производное от наименования „Шкирзакзайн“; так называется поместье моей матери на Мармоне, где находится ее дворец Пири-Пири».

«Все это звучит очень величественно».

Скирлет безрадостно кивнула: «Там все величественно. Я ездила к матери два года тому назад». Скирлет поджала губы и посмотрела куда-то в горизонт, вдоль проспекта Фламариона: «Там я узнала вещи, о которых никогда не узнала бы в Танете. Никогда туда не вернусь». Скирлет подвинулась ближе к Джаро: «В данный момент я интересуюсь тобой».

Джаро не мог поверить своим ушам и недоуменно уставился на собеседницу: «Ты интересуешься – мной?»

Скирлет серьезно кивнула: «Тобой и твоим поведением». Джаро слегка успокоился: Скирлет вела себя достаточно дружелюбно и, хотя следовало сохранять бдительность, любопытно было бы узнать, что у нее на уме. Может быть, ей вдруг потребовался сопровождающий молодой человек – например, потому что ее неожиданно куда-то пригласили? Или, может быть, просто потому, что у нее возникла такая причуда, Скирлет решила предложить ему присоединиться к избранному кругу «Устричных кексов»? А может быть... нет, не может быть! Воображение Джаро остановилось на грани немыслимого и осторожно отступило. Тем не менее, такие вещи случались. Джаро с сомнением взглянул на собеседницу: «Твой выбор свидетельствует о хорошем вкусе. Тем не менее, я в замешательстве».

«Неважно. Ты не возражаешь, если я буду внимательно наблюдать за тобой некоторое время?»

«Это зависит от того, насколько внимательно ты будешь наблюдать, и как долго».

«Не дольше, чем потребуется, и настолько внимательно, насколько необходимо», – деловито ответила Скирлет.

«Что, если мне нужно будет уединиться?»

«В данный момент такой необходимости нет. А теперь вот что! – вытянув руку, Скирлет по очереди прикоснулась большим пальцем к каждому из других четырех пальцев. – Ты можешь так сделать?»

Джаро сделал то же самое: «Удовлетворительно?»

«Вполне. А теперь сделай то же самое снова. И еще раз. И еще раз».

«Пока что хватит! – возмутился Джаро. – Я не хочу, чтобы у меня развилась привычка нервно перебирать пальцами».

Скирлет досадливо щелкнула языком: «Ты прервал последовательность! Придется все начать с начала».

«Не придется, если ты не объяснишь, зачем это нужно».

Скирлет нетерпеливо махнула рукой: «Это клинический тест. Помешанные начинают делать характерные ошибки после многократного повторения одних и тех же движений. Я слышала, что психиатры тебя объявили – ну, скажем так, слегка не в себе, и хотела как можно скорее провести эксперимент».

Наступило довольно продолжительное молчание, после чего Джаро отозвался тихим возгласом осознания происходящего. Он взглянул на небо. Все было в порядке: действительность

не изменилась. Скирлет не поддавалась внезапному амурному увлечению. А жаль! Ему полезно было бы попрактиковаться.

«Теперь мне понятен твой интерес, – сказал Джаро. – А то мне уже показалось, что ты в меня влюбилась».

«О нет! – беззаботно откликнулась Скирлет. – Такие вещи меня не интересуют. По сути дела, ты мне даже не особенно нравишься».

Джаро скорчил огорченную гримасу и через некоторое время сказал: «Хотел бы дать тебе полезный совет».

На лице Скирлет появилось высокомерное выражение: «Зачем мне совет какого-то профана?»

«Тебе придется его выслушать в любом случае. Если ты надеешься сделать успешную карьеру психотерапевта, тебе следует научиться благожелательному, располагающему к себе отношению к пациентам. В противном случае пациенты будут на тебя злиться и никто не придет к тебе второй раз».

Скирлет презрительно рассмеялась: «Какая белиберда! Ты забыл? Мой отец – „устричный кекс“! Мне не нужна карьера! Сама по себе мысль о карьере для меня оскорбительна, как непристойность».

«В таком случае...» – начал было Джаро, но Скирлет прервала его: «Все проще простого. Меня интересуют варианты человеческой личности, в том числе аномальные отклонения. Это не более чем мимолетное любопытство – то, что „устричные кексы“ называют „танцами с марионетками“. Как только возникла такая возможность, я решила провести краткое обследование твоей личности и связанных с ней аномалий».

«Понятно, – сказал Джаро. – В твоей логике только один изъян. Я не сошел с ума».

Скирлет уставилась на него, подняв брови: «А тогда почему ты посещал психотерапевтов?»

«Это мое дело».

«Ага! Значит, вполне может быть, что ты так-таки сошел с ума, но не признаешься. Другими словами, котелок у тебя не варит, но это сразу не заметно, потому что он закрыт».

Джаро решил раскрыть по меньшей мере какую-то часть правды: «Первые шесть лет моей жизни окутаны тайной. Я ничего не знаю о том, где я родился и кто были мои настоящие родители. Психиатры пытались восстановить часть моей потерянной памяти».

Скирлет была впечатлена: «Им это удалось?»

«Нет. Первые шесть лет потеряны».

«Странно! Наверное, с тобой случилось что-то ужасное».

Джаро угрюмо кивнул: «Фаты нашли меня во время инопланетной экспедиции. Меня избили до потери сознания, я умирал. Они спасли мне жизнь, но я потерял память, и никто не мог им объяснить, откуда я взялся. Они привезли меня в Танет, и теперь я здесь».

«Гм! Такие события могли послужить основой для исключительно необычной истории болезни, – Скирлет задумалась. – Надо полагать, пережитая травма сыграла важную роль в твоей жизни?»

Джаро в целом согласился с таким допущением.

«Хочешь знать, что я думаю?» – спросила Скирлет.

Джаро открыл было рот, но Скирлет не допускала возможности отказа: «Ты рассказал достойную сожаления историю – но каковы бы ни были пережитые тобой несчастья, они не служат оправданием жалости к себе! Жалость к себе – унижительная эмоция! В худших случаях она уничтожает весомость, превращая стремительный поток социального восхождения в застойную лужу. Тебе следует взять себя в руки и посмотреть на себя со стороны, даже если тебе не понравится то, что ты увидишь. Ты все еще профан, тогда как окружающие оставляют тебя в пыли, поднимаясь на ступени „Зуавов“ или даже „Паршивой банды“! Сравнение застав-

ляет тебя стыдиться и впадать в состояние пораженческой подавленности – неудивительно, что в конце концов ты очутился в палате на Бантунском холме!»

Джаро не стал возражать против ее анализа: «Я тебя хорошо понимаю. Твои суждения основательны и логичны – непонятно только, кого ты судишь? Ко мне все это не имеет отношения».

«То есть как? – Скирлет, ожидавшая запинаящихся попыток самооправдания, нахмурилась. – Почему?»

Джаро рассмеялся – по мнению Скирлет, невежливым, даже издевательским смехом: «А что тут понимать? Мне плевать с высокой башни на все твои клубы – на „Устричных кексов“, „Лемуров“, „Сассельтонских тигров“, профанов, кого бы то ни было! Как только я смогу, я улечу в космос, и вы меня больше не увидите».

Скирлет не находила слов. Одним махом Джаро унизил ее, Скирлет Хутценрайтер, «устричных кексов» и всю роскошную бутафорию общепринятого порядка вещей! Потрясающая наглость! Наконец Скирлет обрела дар речи, но не торопилась высказываться – прежде всего надлежало выбрать слова, способные оказать требуемое воздействие. Эта задача нуждалась в безукоризненном исполнении, но по этому поводу не могло возникнуть никаких опасений – Скирлет Хутценрайтер, вооруженная исключительно своим непревзойденным интеллектом, могла опровергнуть дерзкие претензии этого достаточно привлекательного юнца и поставить его на место! Ее преобладание будет сокрушительным и бесповоротным; она устроит ему такую головомойку, что он опустится перед ней на колени, поникнув головой, готовый послушно выполнять любые указания – и не будет ему пощады, пока он сам о ней не взмолится! А после этого – посмотрим! Может быть, она даже снизойдет до того, чтобы погладить его по голове.

Таковы были ее цели. Как их достигнуть? Прежде всего, чтобы не спугнуть противника, следовало заложить основание неопровержимой логики. Скирлет заставила себя говорить тихо и мягко: «Ты не можешь сам отправиться в космос. Для этого нужны билеты. А билеты на звездолеты дороги. У тебя есть деньги?»

«Нет».

«Как насчет Фатов? Они дадут тебе деньги?»

«Никогда! Они не хотят, чтобы я даже задумывался о таких вещах!»

«Не очень хорошо с их стороны».

Джаро пожал плечами: «Они боятся, что я стану бродягой, вечно блуждающим по закоулкам Ойкумены. Они не хотят тратить деньги на погоню за синей птицей – и в этом они правы. Если я не смогу заплатить за билет, мне придется отправиться в космос навигатором или механиком».

«Это не решение проблемы. Навигатор или механик не выбирает маршрут – он всего лишь обслуживает пассажиров».

«Согласен, проблема существует. Единственный выход в том, чтобы жениться на богатой невесте. Как насчет тебя? Ты могла бы финансировать поиски потерянных шести лет? Если так, я готов жениться на тебе сию минуту. Допуская, конечно, что „устричные кексы“ оправдывают свою репутацию, и у них водятся деньги».

Скирлет так разозлилась, что сначала не могла даже ничего ответить. Она не ожидала от тихони Джаро настолько жестокого, мстительного чувства юмора. Нахохлившись, она холодно произнесла: «Значит, слухи дошли и до твоих ушей. Ты позволил себе непростительную шутку».

«Ничего не знаю ни о каких слухах. Кроме того, я не шутил».

Скирлет поняла свою ошибку: «В таком случае ты единственный человек на Галлингейле, не интересующийся подлыми сплетнями».

«Понятия не имею, о чем ты говоришь».

«А почему, как ты думаешь, меня зачислили в эту вшивую Ланголенскую гимназию, а не в Эолийскую академию? Почему, как ты думаешь, у нас в Сассунском Эйри нет даже приличного сада?»

Джаро знал, что Хутценрайтеры жили в усадьбе «Сассунское Эйри» на Лесмондском холме. «Надо полагать, таковы ваши предпочтения», – он пожал плечами.

«Да уж, конечно! Банкиры предпочитают больше не одалживать деньги моему отцу. А садовники предпочитают, чтобы им платили за работу. Мы живем практически в бедности!»

«Странно! – заметил Джаро. – Я думал, все „устричные кексы“ богаты».

Скирлет рассмеялась: «Мой отец считает себя блестящим финансистом, но заключает сделки либо слишком рано, либо слишком поздно. Ему все еще принадлежат несколько земельных участков, за которые никто не даст ни гроша, в том числе ранчо „Желтая птица“ рядом с вашим Приютом Сильфид. Отец надеется продать это ранчо застройщику Мильдуну, но Мильдун предлагает не больше того, чего стоит одна земля, а отец слишком тщеславен для того, чтобы получить меньше, чем заплатил. Он взял деньги из моего попечительского фонда, чтобы купить акции бродячего зверинца. Все звери сдохли, и мои деньги улетучились».

«Очень сожалею».

«Я тоже. Я не могу финансировать твои поиски, в связи с чем можешь взять назад свое предложение о бракосочетании».

Джаро искоса наблюдал за девушкой. Скирлет казалась почти серьезной – что, конечно же, было маловероятно.

Дальнейшее поведение Скирлет подтвердило его подозрения. Она встала на ноги: «Помимо всего сказанного, идея бракосочетания меня отталкивает – даже если ты предложил ее в шутку».

«Ты совершенно права, – согласился Джаро. – Я бестактно пошутил. Кроме того, космический бродяга не нуждается в супруге».

Скирлет повернулась, глядя вверх балюстрады, куда-то вдоль длинного проспекта Фламариона. Джаро зачарованно смотрел на нее, пытаясь представить себе, о чем она думает.

Солнце уже заходило за холмы, его лучи начинали блекнуть. Порыв ветра взъерошил волосы Скирлет. На какое-то мгновение показалось, что мир сменился другой, более действительной реальностью. Перед глазами Джаро стоял бледный призрак со впалыми щеками – одинокая, растерянная жертва трагических случайностей человеческого бытия.

Девушка пошевелилась – тени сместились, иллюзия исчезла. Перед ним снова стояла прежняя Скирлет. Она медленно повернулась к Джаро: «Что ты прищурился, как кот, получивший щелбан по лбу?»

«Трудно сказать. На мгновение я увидел тебя такой, какой ты могла бы стать, если бы не была „устричным кексом“».

«У тебя странная игра воображения. И что же, ты заметил какую-то разницу?»

«Не знаю, не уверен».

«Ффф! Никакой разницы нет. Пусть на меня смотрят и так, и сяк, как хотят – разницы нет!» Она пересекла школьный двор, взбежала по широким каменным ступеням, ведущим в библиотеку, и скрылась.

2

Прошла неделя. В школе Джаро замечал Скирлет, но держался поодаль, а она его не замечала. Однажды вечером Джаро спросил Альтею, почему они больше не приглашают Тоуна Мэйхака. Альтея притворилась забывчивой, хотя и не слишком убедительно: «Кого? Мэйхака? Ах да, конечно! Забавный человек с квакгорном! Он больше у меня не учится. По-моему, он кому-то сказал, что новая работа отнимает у него слишком много времени, и теперь ему некогда ходить в гости».

«Жаль! – заметил Джаро. – Мне он нравился».

«Да-да, по-своему талантливая личность», – неопределенно отозвалась Альтея.

Джаро вернулся к себе в комнату и попытался позвонить Мэйхаку по телефону, но в списке абонентов Мэйхак не числился.

На следующий день Джаро сбежал из школы пораньше и приехал в космопорт, пользуясь муниципальным транспортом. Справа за зданием вокзала находился длинный и высокий ангар, защищавший от непогоды космические корабли – многие из них предлагались в продажу. Джаро уже бывал в этом ангаре с Мэйхаком, и они рассматривали яхты, любовно обсуждая каждую деталь. Дешевле всех были, главным образом, недавние варианты древнего «Искателя» модели 11-B – теперь эти небольшие звездолеты выпускали многие фирмы, рекламируя их под наименованиями «Ариэль», «Экстензор Коди», «Отшельник Спадуэй» и т. п. Приземистые, даже уплощенные, длиной шагов пятьдесят, они отличались от надежного, но спартанского прототипа лишь косметическими деталями. Купить такую яхту иногда можно было всего лишь за двадцать с небольшим тысяч сольдо,⁹ хотя цена, конечно, зависела от возраста, состояния, качества интерьера и вспомогательного оборудования. Мэйхак говорил, что в иных удаленных космических заводах звездолет можно было приобрести и за десять, и за пять тысяч, а иногда даже за две тысячи сольдо, если продавец торопился сбыть товар. Право собственности на космические яхты нередко переходило из рук в руки за игорными столами салунов и казино.

«Я почти ничего не знаю об азартных играх», – с тоской заметил Джаро.

«А я знаю достаточно, чтобы не играть», – отозвался Мэйхак.

Предлагались и другие космические суда, отличавшиеся самыми различными размерами, качеством, изяществом отделки и ценой; дороже всех звездолетов в Танете были грандиозные «Гольшванг-19» и «Сансевер Триумф» – ни тот, ни другой не продавались, но каждый оценивался не менее чем в два миллиона сольдо. «Гольшванг-19» принадлежал банкиру из клуба «Лохмачей», а «Сансевер» – магнату из клуба «Валь-Верде», источники доходов которого никто не мог назвать с уверенностью. Джаро особенно приглянулся роскошный «Фортунатус» серии «Мерцающий путь», под наименованием «Фарсанг»: его предлагал в продажу финансист из клуба «Кахулибов». Объявление, закрепленное на носу, поясняло, что у владельца не было времени использовать по назначению этот заслуживающий лучшего корабль, в связи с чем он не возражал против того, чтобы согласовать подходящую цену с покупателем достаточно высокой репутации; других просили не беспокоиться. В объявлении не указывалась запрашиваемая цена, но Мэйхак подозревал, что она не могла составлять меньше миллиона сольдо. Звездолет был покрыт блестящей черной эмалью с пунцовыми и горчично-охряными обводами. Мэйхака этот корабль очаровал не меньше, чем Джаро. «Теперь я знаю, на что потрачу свой первый миллион! – заявил Мэйхак. – Он как раз того размера, какой нужен для того, чтобы жить на борту и перевозить пассажиров, отправляющихся в необычные экспедиции или в порты, где нет регулярного сообщения. Этот звездолет окупился бы лет за пять».

⁹ Сольдо: денежная единица, примерно эквивалентная стоимости одного часа неквалифицированного труда.

Джаро заметил, что затраты на эксплуатацию и ремонт такого звездолета должны были быть существенными.

«Объем затрат зависит от множества факторов, – возразил Мэйхак. – Нынешний владелец, надо полагать, нанимает полный экипаж – капитана, первого помощника, главного и младшего бортинженеров, повара, пару стюардов и даже, может быть, разнорабочего. Первоклассная кухня для владельца, его гостей и команды может обходиться очень дорого. С другой стороны, такой яхтой может управлять один человек. Его расходы будут очень незначительны».

Проходя вдоль вереницы звездолетов к мастерской, Джаро, конечно же, задержался у «Фарсанга» серии «Мерцающий путь», чтобы полюбоваться его массивным, но элегантным корпусом. Закрепленного на носу объявления о продаже больше не было – значило ли это, что корабль уже приобрел некий высокопоставленный покупатель? Джаро заметил какое-то движение в носовом салоне. За широким стеклом обзорного иллюминатора прошла девушка. Джаро сразу узнал развевающиеся русые волосы Лиссель Биннок. По-видимому, она с кем-то оживленно болтала и смеялась – чем, впрочем, она занималась везде и всегда. Джаро в какой-то степени восхищался исключительно привлекательной Лиссель, но не хотел, чтобы она заметила, как он тут стоит и с завистливой тоской посматривает на «Фарсанг». Он опоздал, однако! Лиссель обернулась и взглянула на него сверху; их глаза встретились. Лиссель отвернулась; Джаро подозревал, что она его не узнала – что не понравилось ему еще больше, чем то, что она его увидела.

Джаро сумел рассмеяться над собой. Как-то раз, довольно давно, он столкнулся с ней в научной лаборатории Ланголенской гимназии. Уже тогда Лиссель произвела на него впечатление внешностью, хотя он забыл о ней почти сразу, будучи занят другими делами. Лиссель, со своей стороны, тоже заметила высокого темноволосого молодого человека с задумчивым выражением лица. Она почувствовала его внимание и отвернулась, ожидая, что он подойдет, чтобы под тем или иным предлогом завязать разговор – но, когда она снова посмотрела вокруг, Джаро уже сосредоточился на лабораторной работе.

«Любопытно!» – подумала Лиссель, украдкой наблюдая за Джаро. Несмотря на молчаливость и ненавязчивость, он был вполне привлекателен. У него были правильные, даже аристократические черты лица. Лиссель сразу стала подозревать, что Джаро родом с другой планеты. Романтическое обстоятельство! Лиссель обожала романтические обстоятельства. Конечно же, как все остальные известные ей молодые люди, в ее руках он станет податливым, как глина – когда окажется у нее в руках. Ей такой план казался удачным – хотя бы потому, что его осуществление должно было вызвать раздражение у Ханафера Глакеншоу.

Действительно, Ханафер отреагировал достаточно раздраженно, когда Лиссель упомянула Джаро и его достоинства: «Он интересно выглядит, словно наследник какого-то вельможи, владеющего обширными поместьями, или „сверхчеловека“ с Дамброзили. С ним связана какая-то тайна. По меньшей мере, ходят такие слухи».

«Чепуха!» – фыркнул Ханафер, крупный и несколько тяжеловесный юноша с грубоватыми чертами лица, в числе которых особенно выделялся длинный нос с горбинкой, придававший его профилю, по мнению Ханафера, повелительное выражение. Он причесывал русые волосы по последней моде – длинный чуб спускался волной на широкий ровный лоб и скрывался за ухом с другой стороны. Презрительно усмехаясь, Ханафер приступил к уничтожению репутации Джаро: «Ты наслушалась безмозглых сплетен. Нет в нем ничего таинственного! Кроме того, он профан».

«Неужели?»

«Именно так. Его родители – профаны, какие-то профессора из Института, да еще и пацифисты в придачу. Так что пусть твое восхищенное внимание ограничивается моей великолепной персоной. Продолжим с того, на чем остановились».

«Прекрати, Ханафер! Нас кто-нибудь увидит».

«Это тебя беспокоит?»

«Конечно!»

«Странно. Знаешь, что про тебя сказал Дарси Джехан?»

«Не знаю».

«Мы болтали у фонтана. Он разразился выпренными восхвалениями, заявляя, что ты подобна нежному невинному цветку из детских сказок, увядающему и роняющему лепестки после опыления».

«Исключительно любезный комплимент!»

«Кош Диффенбоккер тоже сделал тебе комплимент. Он заметил, что Дарси вообразил восхитительный символ, но что ты, скорее всего, прочнее сказочного цветка и, даже если опыление уже имело место, твоя внешность от этого нисколько не пострадала».

«В такого рода комплиментах я не нуждаюсь, Ханафер Глакеншоу! Меня они нисколько не забавляют, особенно когда исходят от тебя – заставь двигаться свои короткие толстые ноги и убирайся отсюда!»

3

Джаро прибыл в мастерскую космопорта и сразу направился в контору бригадира. Трио Хартунг дружелюбно приветствовал его: «Чему мы обязаны честью твоего посещения? Тебя уже назначили на мою должность?»

«Еще нет, – вздохнул Джаро. – Я хотел бы, однако, чтобы у меня была достаточная квалификация».

«А ты приходи к нам, когда будет такая возможность, – посоветовал Хартунг. – Начнешь приобретать квалификацию. Поверь, тебе многому придется учиться».

«Благодарю вас, – сказал Джаро. – Так и сделаю, как только смогу освободиться от занятий. А господин Мэйхак у вас еще работает?»

Хартунг удивленно поднял брови: «Мэйхак с нами попрощался... когда это было? Да, уже две недели тому назад. Он улетел на борту „Одри Анте“, компании „Озирис“. Ты разве не знал?»

«Нет».

«Странно. Он упомянул о том, что оставил тебе сообщение».

Джаро припомнил происходившее на протяжении последних двух недель: «Я не получал от него никакого сообщения. А когда он вернется?»

«Трудно сказать».

Джаро разочарованно пожал плечами. Выйдя из мастерской, он прошел обратно вдоль вереницы звездолетов. На борту «Фарсанга», судя по всему, еще были какие-то люди, но никто не стоял у носовых обзорных иллюминаторов.

Джаро вышел из космического вокзала на площадь. В кафе на открытом воздухе было множество посетителей, привлеченных хорошей погодой. Джаро уселся за столик; ему подали стакан фруктового сока со льдом. Ощущая какое-то тревожное опустошение, он смотрел на площадь. Мимо проходили люди – одни спешили в космопорт, другие возвращались оттуда – самые разные люди, уроженцы самых разных планет. Но Джаро не интересовался ими, взгляд его остановился.

Если Мэйхак оставил сообщение в Приюте Сильфид, что тогда? Значит, профессора Фаты решили не тревожить Джаро в трудное для него время? А потом потеряли сообщение или забыли о нем?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, в конце концов пришлось бы требовать, чтобы родители предоставили ему сведения о Мэйхаке – а это могло вызвать раздражение у Хильера и обидеть Альтею. От такого намерения приходилось отказаться.

Джаро сидел, задумавшись, примерно полчаса. По существу, необъяснимым оставался сам факт поспешного отъезда Мэйхака. Он улетел, никак не объяснив это обстоятельство и даже не попрощавшись. Возможно, Мэйхак просто-напросто не любил прощаться и предпочитал тихо ускользнуть в неизвестность.

Возможно.

Одно было несомненно: попытки разгадывать чужие тайны нередко приводят к нежелательным открытиям.

Глава 6

1

Поместье за Приютом Сильфид некогда занимало три тысячи акров дикой территории и было известно под наименованием «ранчо Катцвольда». На протяжении столетий эта земельная собственность распродавалась участок за участком, и теперь ее площадь составляла лишь пятьсот акров. Тем не менее, маленькое поместье все еще включало несколько лесистых холмов и лугов, речку и пересеченную местность с редкими деревьями, окаймленную с одной стороны густой лесной чащей – а также, у самого дома, большое поле, где дед Альтей, Генри Катцвольд, некогда занимался садоводческими экспериментами. Прилежный человек с экспансивным темпераментом, Генри Катцвольд упорно стремился навязать природе свою систему тантрических теорий. В этом он не преуспел – плодами его деятельности неизменно становились бесплодные уродливые мутанты, гниющие тестообразные комки, зеленая плесень и вонючее хлюпающее месиво. Генри погиб, пораженный молнией во время прогулки по своим владениям. Согласно семейной легенде, озаренный ослепительным разрядом, он успел сделать последний яростный жест, словно швыряя молнию обратно в небо.

Сына Генри, Орнольда, поэта и члена-корреспондента Института, приняли в клуб «Бумагомарателей», хотя от природы у него были наклонности профана. Эти наклонности унаследовала его дочь Альтей – вместе с пакетом предусмотрительно приобретенных и приносивших существенный доход ценных бумаг, Приютом Сильфид и пятьюстами акрами земли. Старому дому не хватало популярных признаков респектабельности; все соглашались с тем, что в нем могли обитать только профаны. Земельная собственность образовывала в плане трапецеидальную фигуру шириной в среднем километров пять и почти шесть с половиной километров в длину. Ландшафт был изрезан оврагами, провалами и узкими ложбинами, разделенными обнажениями крошащегося камня. Специалисты неоднократно объявляли этот участок бесполезным для сельского хозяйства; Альтей и Хильера вполне устраивало то, что их земля оставалась в заповедном состоянии. За двадцать лет до описываемых событий ходили слухи, что метрополис Танета мог распространиться на север вдоль дороги Катцвольда, и спекулянты недвижимостью торопились вкладывать здесь деньги – в их числе Клуа Хутценрайтер, отец Скирлет. Плотная городская застройка, однако, велась в основном на юге и на востоке. Афера с недвижимостью в северной пригородной зоне лопнула, и незадачливые вкладчики капитала стали владельцами обширных, но труднодоступных и бесполезных урочищ дикой холмистой местности. Супругам Фатам тоже пришлось распрощаться с мечтой о сказочном приумножении богатства.

Теперь Приют Сильфид представлял собой причудливое сооружение из потемневших бревен и камня со сложно устроенной крышей из множества коньков с мансардными окнами и зубчатыми свесами. С каждым годом усадьба казалась все более ветхой и запущенной, нуждающейся в заботливом уходе. Тем не менее, это был просторный, удобный и, как правило, внушавший жизнерадостное настроение дом – благодаря кипучей деятельности Альтей, украшавшей его цветами в ящиках, красочными настенными драпировками и артистическими столовыми сервизами. Поначалу Альтей коллекционировала подсвечники и канделябры из всевозможных материалов и всевозможных размеров и форм, чтобы каждый вечер украшать стол разными наборами или группами декоративных осветительных приборов. Через некоторое время она решила, что этого было недостаточно, и стала покупать сервизы, придававшие столу дополнительное очарование. В те годы, когда ее энтузиазм достиг кульминации, Альтей ежедневно превращала вечернее убранство столовой в романтическую декорацию. Хильер

прилежно выражал восхищение результатами ее усилий, хотя тайком сожалел о том, что его супруга уделяла меньше внимания тому, что подавалось на стол, чем тому, в чем оно подавалось. «Хорошо приготовленное блюдо выглядит прекрасно и в походном котелке!» – бормотал он себе под нос.

Хильер испытывал меньшую привязанность к Приюту Сильфид, нежели Альтея. Иногда он выражал свое мнение без обиняков: «Пасторально, живописно, преисполнено сельского очарования? Да, несомненно. Удобно? Не сказал бы».

«Как ты можешь так говорить, Хильер? – протестовала Альтея. – Это наш чудесный старый дом! Мы привыкли к его забавным причудам!»

«От этих причуд одни огорчения», – ворчал Хильер.

Альтея не желала ничего слышать: «Нельзя отказываться от традиций. Приют Сильфид принадлежал нам так долго, что стал частью семьи!»

«Твоей семьи, не моей».

«Верно – и я не могу даже представить себе, чтобы здесь жил кто-нибудь, кроме нас».

Хильер пожимал плечами: «Рано или поздно владельцем Приюта Сильфид станет кто-нибудь, кто не имеет никакого отношения к семье Катцвольдов. К сожалению, моя дорогая, это неизбежно. Даже Джаро уже не Катцвольд, если уж говорить о кровных родственниках».

На такие замечания Альтея могла отвечать только вздохом, признавая, что Хильер, как всегда, был прав: «Но что же нам делать? Переехать в город и терпеть бесконечный шум? Если мы попытаемся продать эту землю, за нее ничего не дадут».

«Здесь пока что тихо и мирно, – соглашался Хильер. – Но поговаривают, что один из местных магнатов вознамерился выстроить в наших местах какой-то чудовищный комплекс. Не знаю подробностей, но, если это так, мы окажемся в средоточии толпы и шума – а тогда лучше было бы найти скромное удобное жилье где-нибудь рядом с Институтом».

«Скорее всего, это пустые разговоры, – отвечала Альтея. – Разве ты не помнишь? Такие слухи ходили уже давно, и ничего из этого не вышло. Мне нравится наш обветшалый старый дом. Мне он нравился бы еще больше, если бы ты починил и покрасил оконные рамы».

«У меня нет необходимых навыков, – возражал Хильер. – Десять лет тому назад я свалился с лестницы, хотя взобрался только на вторую ступеньку».

Таким образом, жизнь в Приюте Сильфид шла своим чередом – что, на самом деле, вполне устраивало всех трех обитателей этой просторной, светлой и тихой усадьбы.

Конечно, за те годы, что Джаро провел в Приюте Сильфид, он нередко отправлялся в разведку, изучая территорию, простиравшуюся за домом. Поначалу Альтея не хотела отпускать его одного и надолго, но Хильер настоял на том, что мальчику в его возрасте нужно было гулять столько, сколько он пожелает: «Что может с ним случиться? Он не заблудится. У нас не водятся хищные звери, даже гигилисты-перпатуарии не встречаются».¹⁰

«Он может упасть и сломать ногу!»

«Маловероятно. Пусть делает, что хочет – это научит его полагаться на себя».

Альтея больше не возражала, и Джаро позволяли бродить, сколько угодно.

Уже давно Альтея объяснила Джаро происхождение названия усадьбы. В древних легендах «сильфидами» величали сверхъестественных лесных созданий изысканной красоты, во многом напоминавших фей, но с полупрозрачными волосами и с перепонками между пальцами. Если кому-то удавалось поймать сильфиду и отрезать ей мочку уха, она навечно оставалась в рабстве у похитителя и вынуждена была выполнять любые его пожелания. Супруги Фаты заверили Джаро в том, что в любых легендах таилась крупица правды, и он не видел

---

¹⁰ Гигилисты – мистическая секта, обосновавшаяся в районе Уирбаха, далеко от Танета, на другом конце континента. «Перпатуариями» называли их бродячих миссионеров; этих проповедников подозревали в том, что они похищали детей и уводили их к себе в Уирбах, где делали с детьми всякие гадости.

никаких причин отказываться от многообещающей возможности поймать сильфиду – всякий раз, когда он отправлялся гулять в лес или по лугам, Джаро передвигался как можно тише и бдительно подмечал происходящее вокруг.

2

Южной границей владений Катцвольдов служила череда крутых холмов, частично покрытых лесом. Примерно посередине одного склона находилась относительно ровная площадка с родником, укрывшаяся в тени пары монументальных смарагдовых деревьев. Здесь Джаро уже несколько лет строил себе хижину. Стены он возводил из камней, тщательно подогнанных и скрепленных цементом; перекладинами крыши служили стволы нескольких молодых флагштоковых сосен, а кровлю он выложил из многочисленных слоев широких сухих листьев себакса. Поступив в последний класс Ланголенской гимназии, он начал выкладывать камин и дымовую трубу, но постепенно осознал, что хижина стала для него мала – он перерос свою игрушку, продолжение детского проекта становилось бессмысленным. Тем не менее, он все еще часто сюда приходил – но только для того, чтобы читать, рисовать в блокноте или учиться писать пейзажи акварелью; некоторое время он забавлялся вязанием декоративных узлов, пользуясь инструкциями из найденного тома под заголовком «Краткое руководство по изготовлению тысячи узлов, простых и сложных».

Однажды Джаро отправился на поляну своей хижины и уселся на траву, прислонившись спиной к стволу смарагдового дерева и вытянув сильные загорелые ноги. На нем были бледно-бежевые шорты, темно-синяя рубашка и спортивные ботинки; он принес с собой книгу и блокнот, но отложил их в сторону и сидел, задумавшись над событиями своей странной и беспокойной жизни. Он вспоминал о внутреннем голосе и о психиатрах с Бантунского холма. Он думал о Фатах, больше не казавшихся ему источниками непогрешимой мудрости. С некоторой обидой он думал о Тоуне Мэйхаке и его внезапном отлете с Галлингейла. Когда-нибудь ему предстояло снова встретиться с Мэйхаком – в этом он был совершенно уверен – и тогда все должно было объясниться.

Джаро отвлекся, услышав далекую переключку каких-то возгласов, доносившихся с юга из-за холма – оттуда, где кончалась территория Катцвольдов. Человеческие голоса были неприятным вторжением в первобытную тишину привычного лесного уединения. Джаро недовольно пробурчал что-то себе под нос, после чего взял блокнот и принялся рисовать космическую яхту – элегантную, но мощную, многим напоминавшую «Фарсанг» серии «Мерцающий путь».

Его внимание привлек новый звук. Обернувшись, он заметил, что кто-то наполовину съезжает, наполовину карабкается вниз по склону холма. Это была девушка – стройная, подвижная, но в какой-то мере безрассудная, судя по тому, что она спускалась почти кувырком. На ней были темно-серые шорты под красной с белыми полосками юбкой, темно-зеленый тонкий свитер, темно-зеленые чулки до колен и серые башмаки. Изумленный Джаро узнал в незваной гостье Скирлет Хутценрайтер – теперь ее уже невозможно было принять за мальчика.

Скирлет спрыгнула на площадку перед хижинкой, перевела дыхание и подошла к Джаро, глядя на него сверху: «Ты так лениво развалился, что, глядя на тебя, спать хочется. Я тебя разбудила?»

Джаро ухмыльнулся: «Даже мне приходится иногда отдыхать».

Скирлет подумала, что улыбка делала Джаро еще привлекательнее. Она заглянула в блокнот: «Что ты рисуешь? Звездолеты? Они занимают все твои мысли?»

«Не все. Если ты не прочь позировать, я могу и тебя нарисовать».

Скирлет прикусила нижнюю губу: «Надо полагать, ты хочешь, чтобы я позировала нагишом».

«Это было бы неплохо. Все зависит от того, какой эффект ты хочешь произвести».

«Глупости! Мне не нужно производить эффекты! Я – Скирлет Хутценрайтер, других таких нет, и одного этого эффекта достаточно. У тебя обо мне совершенно неправильное представление».

«Самые чудесные представления часто неправильны, – признал Джаро. – Особенно мои. А что ты здесь делаешь?»

Скирлет указала на юг кивком головы: «Мой отец и Форби Мильдун снова делают обход ранчо „Желтая птица“, вместе с землемером».

«По какому случаю?»

«Отец хочет продать эту землю. Он считает, что это было бы выгодное приобретение для господина Мильдуна – продувного дельца, скорее всего не слишком чистого на руку. Хуже всего то, что Мильдун вхож в один из вульгарных клубов Квадратуры круга – „Кахулибов“, кажется».

«Я и забыл, что земля за холмами принадлежит твоему папаше».

«И это почти все, что ему еще принадлежит», – с горечью отозвалась Скирлет. Она присела на траву рядом с Джаро: «Для того, чтобы поддерживать надлежащее великолепие образа жизни, „устричному кексу“ необходимо богатство. У меня нет таких денег».

«Но у тебя есть великолепие».

«Его надолго не хватит».

«Как насчет твоей матери? У нее есть деньги?»

Скирлет отмахнулась: «Матушка – любопытное существо. Но богатой ее не назовешь». Скирлет опасливо покосилась на Джаро: «Я могла бы тебе о ней рассказать, если хочешь».

«Послушаю – мне больше нечего делать».

Скирлет подтянула колени и обняла их: «Хорошо! Слушай на свой страх и риск. Моя мать – настоящая красавица. На Мармоне она принадлежит к касте Сенсенитц, то есть „благословенных“. Кроме того, она – Наонте, Принцесса Рассвета, и ей не пристало интересоваться мелкими делишками каких-то провинциалов из Танета. Она живет во дворце Пири-Пири, наполовину окруженном садом. Ежедневно в этом дворце устраивают фестивали и банкеты. К ней съезжаются гости в самых необычайных нарядах, и никакие расходы не считаются чрезмерными, если позволяют испытывать новые удовольствия. Так проходит Живой сезон, продолжающийся полгода, после чего начинается Мертвый сезон. Следующие полгода „благословенные“ отработывают долги. Благородные Сенсенитцы делают все, что можно сделать за деньги. Они жульничают, они крадут, они торгуют собой. Их жадность невероятна! Я приехала к матери посреди Мертвого сезона, и три месяца мне пришлось работать, ухаживая за ягодными лозами на склоне холма Флинк. Это была тяжелая, утомительная работа, а подруга матери, леди Мэйвис, украла все мои деньги. Никто даже ухом не повел. Потом справили обряд Возобновления, и снова начался Живой сезон. Мать снова стала Принцессой Рассвета, и мы жили во дворце Пири-Пири среди цветов и лазурных бассейнов. Сенсенитцы нарядились в роскошные новые костюмы и страстно предавались всевозможным удовольствиям. По ночам играли особую музыку, по словам „благословенных“ выражавшую экстаз отрады и трагедию скорби. Мне эта музыка не нравилась. В ней слишком много напряжения, она действует на нервы. За всем этим фасадом роскоши постоянно чувствовались напряжение, тоска и алчность, как бы они ни пытались их скрывать элегантными позами и пылкостью объятий. Самым странным фестивалем на Мармоне был бал-маскарад – настолько странным, что я перестала доверять глазам и ушам. Я оказалась в толпе сновидений, границы между реальностью и воображением больше не стало».

Вспоминая бал-маскарад, Скирлет поморщилась: «Когда началась Идиллическая мистерия, мне поручили роль обнаженной нимфы, танцующей на лугу. Я спряталась в лесу, но несколько молодых людей за мной погнались».

«И они тебя поймали?»

«Нет! – холодно обронила Скирлет. – Я забралась на дерево и стала хлестать их сломанной веткой. Кажется, одному я заехала сучком в глаз. Сначала они упрашивали меня слезть и порезвиться с ними в траве, но скоро разозлились и стали бросаться комьями земли, ругаясь и обзывая меня извращенкой и девственницей. Потом они куда-то разбрелись».

«Надо полагать, для тебя, с твоими привычками „устричных кексов“, все это было в высшей степени неприятно».

Скирлет взглянула ему в лицо, но Джаро выглядел вполне серьезно и, судя по всему, был искренне обеспокоен ее опасным приключением.

«В разгар Живого сезона, когда у „благословенных“ еще водились деньги, я украла у леди Мэйвис все ее сбережения. Этой суммы хватило на обратный билет до Галлингейла, и я вернулась домой. Не думаю, что отец был рад меня видеть. Я хотела поступить в Эолийскую академию в Гильсте – это частная гимназия для высокородных наследников – но отец сказал, что мы не можем себе позволить такие расходы, и отправил меня в Ланголенскую гимназию, учиться среди „молодых легионеров“ и профанов. И все равно здесь лучше, чем во дворце Пири-Пири. Таким вот образом. Надеюсь, я ответила на твой вопрос: мне не приходится ожидать от матери денежной помощи».

«И ты не собираешься вернуться на Мармон?»

«Это очень маловероятно».

Джаро повернулся, чтобы прислушаться к далеким крикам, доносившимся из-за холма, и спросил Скирлет: «Они, случайно, не тебя зовут?»

«Нет. Это землемер переключается с помощником». Скирлет указала на небольшой черный диск, прикрепленный к свитеру на плече: «Когда нужно будет идти, меня позовут с помощью этой штуки».

«Может быть, они ожидают, что ты станешь им помогать – делать какие-нибудь заметки для землемера, обольщать господина Мильдуна или что-нибудь в этом роде».

Скирлет удивленно подняла брови: «Какая чепуха! Я просто пошла с ними прогуляться – и подумала, что было бы интересно найти твое отшельническое логово».

«Это не логово. И я не отшельник. Я сюда прихожу, потому что здесь тихо, и мне никто не мешает».

«Ага! Ты хочешь, чтобы я ушла?»

«Ну, раз уж ты здесь, можешь оставаться. А кто тебе сказал, где меня найти?»

Скирлет пожала плечами: «Госпожа Виртц беспокоится по твоему поводу. Она не хочет, чтобы ты сбежал в космос. Она не одобряет твою привычку проводить время в одиночестве – по ее мнению, ты мог бы полезнее тратить время на восхождение по лестнице социальной иерархии. Кстати, что у тебя в этом пакете?»

«Я захватил закуски. Здесь хватит на двоих».

«Естественно, я заплачу за все, что съем, – надменно изрекла Скирлет. – Хотя, по-моему, у меня с собой нет никаких денег».

«Ничего, я тебя накормлю бесплатно».

Скирлет не нашлась, что сказать, и она воспользовалась щедростью Джаро без дальнейших замечаний.

Джаро тоже стал предаваться воспоминаниям: «В детстве мне нравилось представлять себе это место, как часть волшебного мира, разделенного на четыре королевства. Каждому королевству было свойственно особенное волшебство. Здесь – столица королевства Далинг, где я был красивым галантным принцем».

«Каким был, таким и остался», – обронила Скирлет. Джаро не понял, пошутила она или нет, но решил продолжать: «Там, в лесу – государство Кораз, владения короля Тамбара Непредсказуемого. На полках у него в гардеробе – тысячи человеческих лиц. Каждый день он бродит по Коразу в новом облике, проталкиваясь через толпу на улицах и прислушиваясь к разгово-

рам на рынке. Как только он слышит крамолу, болтуну отрубает голову на месте. Король Тамбар любит баловаться магией и выучил достаточно заклинаний, чтобы портить жизнь любому неприятелю. У него при дворе кишат интриги, а однажды из Кораза в Далинг приехала принцесса Фланжир. Принц находит ее очаровательной, но подозревает, что ее подослали, чтобы его погубить».

«Она красивая?» – спросила Скирлет.

«Конечно! По сути дела, ты можешь быть принцессой Фланжир, если хочешь».

«Неужели? И в чем будут состоять мои обязанности?»

«Этот вопрос предстоит уточнить. В любом случае, каковы бы ни были твои губительные планы, ты должна влюбиться в принца».

«То есть в принца Джаро?»

«Иногда нет другого выхода, – скромно подтвердил Джаро. – По сути дела, часто под рукой просто нет никакого другого принца».

«И ты тоже должен влюбиться в принцессу Фланжир?»

«Только в том случае, если мне удастся развеять заклинание, из-за которого у всех девушек длинные красные носы. Это одна из проделок Тамбара, разумеется – неудивительно, что его правление не слишком популярно».

Скирлет задумчиво прикоснулась к носу, но ничего не сказала. На некоторое время наступило молчание. Наконец Джаро осторожно спросил: «Ты собираешься поступать в Лицей в следующем году?»

«Еще не знаю».

«Почему?»

«Когда отец продаст ранчо „Желтая птица“, он хочет уехать на год куда-то на другую планету. Если все это получится, в Сассунском Эйри никого не останется, и мне придется вернуться на Мармон».

«И что ты ему на это сказала?»

«Я отказалась. Я хочу жить дома. Он говорит, что не хочет оставлять меня одну в усадьбе со слугами. Будучи „устричным кексом“, я вынуждена придерживаться самых лучших правил. Я спросила: считает ли он самыми лучшими правилами поведения на Мармоне? Он сказал, что это другое дело – за все происходящее на Мармоне несет ответственность моя мать, а он может сэкономить деньги, если в Сассунском Эйри никто не будет жить». Помолчав, Скирлет прибавила упавшим голосом: «Как бы то ни было, на Мармон я не вернусь!»

«Разве у твоего отца нет друзей? Как насчет комитета „Устричных кексов“? Или Академического совета? Обязательно найдется кто-нибудь, кто мог бы тебя приютить. Если бы я мог, я бы сам тебя приютил».

Скирлет вопросительно покосилась на него. «Любопытно!» – пробормотала она себе под нос. Через пару секунд сказала уже громче: «Я думала, тебе не терпится удрать с Галлингейла со скоростью света. Если даже тебя здесь не будет, на кого я смогу положиться?»

Джаро объяснил таким тоном, будто говорил с ребенком: «Я не могу улететь или вообще что-нибудь сделать в этом смысле, пока это не станет практически осуществимо. А это значит, что мне придется набраться терпения и ждать. Но рано или поздно это придется сделать».

Скирлет махнула рукой с легкомысленным раздражением: «Никак не могу понять, почему тебя безумно тянет в космос».

«Когда-нибудь, когда у тебя будет серьезное настроение, я объясню», – терпеливо отозвался Джаро.

«Я не шучу – почему бы не объяснить сегодня?»

Но Джаро не был готов к очередной сессии психоанализа: «Сегодня слишком хорошая погода».

«Объясни по меньшей мере одно: откуда ты знаешь, что тебе нужно сделать? И куда тебе нужно отправиться?»

Джаро пожал плечами: «Это можно будет узнать».

«Каким образом? Ты помнишь какие-то даты, названия мест?»

Джаро уже выболтал больше, чем хотел. Но он продолжал: «Иногда я почти слышу голос моей матери – но не могу разобрать слова. Иногда мне кажется, что я вижу высокого художавого человека в строгом сюртуке и в черной шляпе. У него бледное, жесткое лицо, словно вырезанное из кости. Как только я о нем думаю, меня пробирает дрожь – надо полагать, я его боюсь».

Скирлет сидела, обняв колени: «И ты собираешься найти этого человека?»

Джаро не сдержал нервный смешок: «Кто ищет, тот всегда найдет».

«И что потом?»

«Я еще не думал о последствиях».

Скирлет поднялась на ноги и довольно дружелюбно спросила: «Хочешь знать мое мнение?»

«Не очень».

Скирлет пропустила эти слова мимо ушей: «Совершенно очевидно, что в твоём случае наблюдается запущенный навязчивый невроз, граничащий с помешательством».

«Тебе придется распрощаться с этим диагнозом, – возразил Джаро. – Психиатры объявили, что я в здравом уме. Они даже похвалили меня за устойчивость характера».

«Неважно. Твои так называемые „тайны“ не имеют для них никакого значения. Если ты сбежишь в космос, что ты надеешься там найти? Человека в шляпе? Посмотри фактам в лицо, Джаро! Ты явно стал жертвой навязчивой идеи».

«Неправда! Я вполне уравновешен и ни на чем не помешался».

«Тогда тебе следует вести себя соответственно. Готовься к тому, чтобы получить докторскую степень в Институте, как рекомендуют профессора Фаты! Подумай о весомости и начинай восхождение по социальной лестнице».

Джаро уставился на нее с изумлением. Не могла же она говорить такие вещи всерьез! «Все это прекрасно и замечательно, – сказал он, – но я не хочу этим заниматься. Не хочу быть „зонкером“, „цыпленком-извращенцем“, „палиндромом“ или даже „устричным кексом“».

«Жаль! – с отвращением обронила Скирлет. – Несмотря на все, что сделали Фаты, в глубине души ты все еще инопланетянин! Никто и ничто не вызывает у тебя уважения – ни Фаты, ни „устричные кексы“, никто из преподавателей. Ты даже меня не уважаешь!»

Ухмыляясь, Джаро тоже поднялся на ноги. Наконец все было понятно! «Я знаю, почему ты на меня сердиться!» – заявил он.

«Смехотворно! Почему бы я стала на тебя сердиться?»

«Хочешь, я объясню?»

«Я тебя слушаю».

«Ответ состоит из двух частей. Во-первых, я слишком самодоволен и не замечаю никаких на самом деле важных вещей – например, того, как чудесно быть „устричным кексом“ и в то же время сказочно привлекательной и сообразительной персоной! Но я замечаю эти вещи! Меня поражает персона по имени Скирлет Хутценрайтер и ее достижения! Ее тщеславие удовлетворено!»

«Чепуха! – фыркнула Скирлет. – Я вовсе не тщеславна. В чем состоит вторая часть ответа?»

Джаро колебался: «Это такой секрет, что я могу только прошептать его тебе на ухо».

«Это неразумно. Зачем шептаться?»

«Таковы правила».

«О! Что ж, пожалуйста, – Скирлет слегка наклонила голову, приготовившись выслушать секрет. – Ой! Ты укусил меня за ухо! Так нельзя делать!»

«Нет, – признался Джаро. – Ты права. Я ошибся и приношу извинения. Давай снова попробуем».

Скирлет смотрела на него с сомнением: «Я не уверена, можно ли тебе доверять».

«Конечно, можно! Ничего с твоим ухом не будет. Я не буду в него дуть и не откушу тебе мочку».

Скирлет приняла решение. Она покачала головой: «Сплошная нелепость! Соберись с духом и скажи мне в лицо все, что хочешь сказать».

«Ну хорошо, если ты думаешь, что так лучше. Только закрой глаза».

«Это еще зачем?»

«Чтобы я не смущался».

«Не могу себе представить, для чего нужны такие приготовления», – Скирлет закрыла глаза, и Джаро ее поцеловал. Она поцеловала его в ответ: «Вот так! Теперь у тебя полегчало на душе? Говори, что хотел сказать».

«Лучше я тебя опять поцелую».

«Нет уж, – тяжело дыша, отстранилась Скирлет. – Одного раза хватит».

«Их было два».

«В любом случае, у меня голова кружится. Лучше с этим подождать. Не сейчас».

Из темного диска на плече Скирлет послышался тихий звенящий сигнал. За сигналом последовали чьи-то повелительные указания. Скирлет ответила, поколебалась, взглянув в сторону Джаро, но быстро отвернулась. Изучив топографию, она выбрала маршрут поудобнее, попрощалась с Джаро взмахом руки и стала взбираться по склону.

Джаро провожал ее глазами, пока она не скрылась за гребнем холма, после чего собрал пожитки и вернулся в Приют Сильфид.

3

На следующей неделе Скирлет не приходила в школу три дня. Когда она наконец появилась, у нее явно было отвратительное настроение – в ней не осталось ни следа былой экстравагантной дерзости, побуждавшей ее к такому множеству непредсказуемых достижений. Она игнорировала Джаро и отворачивалась, когда он приближался. Джаро обиделся и вел себя с надменным безразличием, в то же время продолжая украдкой следить за ней. Скирлет, по видимому, ничего не замечала и занималась своими делами, по-прежнему передвигаясь легкими упругими шагами; при этом ее ничем не примечательная, первая попавшаяся под руку одежда чудесным образом превращалась в завораживающее взгляд облачение – потому что это была она, Скирлет Хутценрайтер, и ее стройная маленькая фигура оживляла любую обыденность.

У Джаро были и другие причины для беспокойства. Его бывшие безоблачные отношения с Фатами становились напряженными, в них появилась сдержанность, вызванная главным образом отказом приемных родителей сообщить ему что-либо о его прошлом. Они не намеревались поддерживать безрассудные экспедиции в космос и обещали рассказать ему все, что знают, только после того, как он получит ученую степень. Джаро пытался не придавать слишком большого значения их упрямству, но в душе его остался горький осадок.

Хильер и Альтея замечали эти изменения и успокаивали себя не слишком убедительными рассуждениями о том, что Джаро уже вырос, и что с ним больше нельзя было обращаться, как с маленьким мальчиком.

«Он проводит границы, определяющие его самостоятельность, – с тяжеловесной напыщенностью заявил Хильер. – Такова жизнь».

Альтея была не столь объективна: «Мне все это не нравится! Он слишком быстро меняется, а я привыкла к такому Джаро, каким он был!»

«Что поделаешь? – вздохнул Хильер. – Остается только подталкивать его в правильную сторону советами и разъяснениями».

«Но Джаро только об одном и думает! Он сказал, что летом собирается работать в мастерской космопорта».

Хильер пожал плечами: «Он еще очень молод. Дай ему время, он постепенно разберется в том, что почем в этом мире. В конечном счете здравый смысл возьмет верх».

Мысль о том, что он причиняет Фатам боль, часто вызывала у Джаро угрызения совести. Хильер, несмотря на некоторую сварливость, был добрым, терпеливым и щедрым человеком; Альтея любила Джаро всем сердцем. И все же намерения Джаро были непреклонны, и отчуждение между ним и Фатами не могло исчезнуть, пока он не сделал все, что нужно было сделать. Джаро пытался представить себе, сколько лет пройдет, какие приключения ему придется пережить и какие опасности ему будут угрожать, прежде чем он добьется своей цели. Трудность стоявшей перед ним задачи смущала его. Где-то, в какой-то момент, ему предстояло встретить человека в черной шляпе, с четырехконечными звездами в глазах. И как быть со Скирлет? С драгоценной, безрассудной, горделивой, обворожительной, хорошенькой и пикантной, сладчайшей и обидчивой Скирлет? Чудо из чудес! Он ее поцеловал, и она поцеловала его в ответ! Останутся ли они когда-нибудь снова наедине? Кроме того, существовал еще Тоун Мэйхак, способный вернуться так же внезапно, как исчез. Джаро надеялся, что Мэйхак вернется. Ему нужен был друг.

За два дня до окончания полугодия Скирлет снова перестала приходить в школу и не явилась даже на выпускную церемонию. Причем ее уже назначили представительницей класса – с учетом как ее общественного статуса, так и ее почти идеальной успеваемости. Отсутствие Скирлет вызвало тревогу и переполох; руководство гимназии решило, что ей требовалось

срочно найти замену. Джаро Фата рассматривали как одного из кандидатов, так как у него тоже были очень высокие оценки, а его так называемый «табель гражданственности» оставался безукоризненным. Тем не менее, Джаро был профаном, и его нельзя было ставить в пример классу, полному соискателей весомости, в связи с чем представителем класса в конце концов назначили молодого человека по имени Дилан Андервуд, уже принятого в престижную «Паршивую банду». Джаро все это совершенно не занимало. Во время вечеринки к нему подошла госпожа Виртц – сначала она пожала ему руку, а потом крепко обняла его: «Мне тебя будет очень не хватать, Джаро! В твоём присутствии занятия становились приятнее, несмотря на то, что ты – строптивый отщепенец, не желающий прислушиваться к советам старших. Остается только надеяться, что ты не слишком плохо кончишь».

«Я тоже на это надеюсь. Кстати, что случилось со Скирлет? Почему ее нет?»

Госпожа Виртц печально рассмеялась: «Ее отец – декан Хутценрайтер, „устричный кекс“. При всем при том он человек капризный, как ветер. Он никогда не одобрял тот факт, что Скирлет связана с Ланголенской гимназией, так как здесь ей приходилось якшаться с вульгарным и докучливым простонародьем, теснящимся на нижних ступенях социальной иерархии. Он ни в коем случае не хотел, чтобы она представляла класс на церемонии – вот и все».

«Гм. А что она будет делать дальше? Поступит в Лицей?»

Госпожа Виртц с сомнением покачала головой: «Кто знает? Ходят слухи, что ее отправят в частную Эолийскую академию в Гильсте, на планете Аксельбаррен. Это превосходное, но очень дорогое заведение».

Джаро стойчески принял участие в выпускных церемониях, чрезвычайно смущенный тем обстоятельством, что и госпожа Виртц, и Альтея не удержались от слез. «Никогда! – говорил себе Джаро. – Никогда больше не позволю себе оказаться в таком глупом положении!»

Начались летние каникулы. Уже через несколько дней Джаро, ответивший на телефонный вызов, был не на шутку удивлен тем, что звонила ему Скирлет. Он решил осторожно выбирать слова, пытаясь представить себе, что от него могло потребоваться: «Джаро слушает».

Голос Скирлет звучал резковато и сухо, словно она нервничала: «Чем ты занимаешься?»

«В данный момент практически ничем. А ты?»

«Могу сказать примерно то же самое».

«Где ты была во время выпускной церемонии?»

Тон Скирлет стал еще суше: «Оставалась дома, разумеется. По меньшей мере по этому вопросу я могла согласиться с отцом. Он сказал, что мое превосходство в качестве наследницы „устричного кекса“ изначально подразумевалось, и если бы я согласилась выполнять почетную роль во время церемонии, это выглядело бы показным бахвальством и никак не вязалось бы с моим достоинством. Само собой, он прав».

«Ты ошибаешься. Уважение к себе заключается в том, чтобы не беспокоиться о мнении других и даже не замечать его, каким бы оно ни было».

«Неважно! – отрезала Скирлет. – Все это не имеет значения. Я хотела бы, чтобы ты поскорее сюда пришел, пока отец не вернулся».

«Куда – „сюда“?»

«В Сассунское Эйри, куда еще? Приходи к садовому выходу, со стороны южного газона. Постарайся, чтобы тебя не заметили».

Джаро выполнил инструкции и с некоторым трепетом пробрался по запущенному саду, окружавшему Сассунское Эйри, к указанной Скирлет двери. Она его ждала и сразу провела в кабинет своего отца. Вдоль стен стояли высокие застекленные шкафы, содержавшие всевозможные редкости и антикварные экспонаты – в том числе коллекцию ритуальных кукол. На столе у окна лежали стопки проспектов, брошюр, предложений и прочих документов в аккуратных голубых картонных обложках.

«Здесь мой отец замышляет финансовые авантюры, – язвительно заметила Скирлет. – Вот его учетная ведомость». Она подобрала со стола толстый журнал и показала Джаро первую страницу. Джаро увидел столбцы цифр, напечатанных красным шрифтом. «Печальная картина, – кивнула Скирлет. – Именно по этой причине и созвано совещание клуба „Посредников“».

«Каких посредников? Какое совещание?»

«Посредники совещаются, решая вопросы несправедливости, алчности и злоупотребления полномочиями. В данный момент подробности тебе знать не обязательно».

Джаро направился к выходу: «В таком случае я пойду, а ты можешь сама разобраться в подробностях. По правде говоря, здесь я чувствую себя неудобно».

Скирлет игнорировала его опасения: «Пожалуйста, слушай внимательно. „Посредники“ – клуб избранных; его члены пользуются исключительно высокой репутацией. По сравнению с ними Семпитерналы кажутся неотесанными и бездарными выскочками, хотя мы вынуждены признавать их существование. Наши цели носят вдохновляющий характер. Мы находим величие и красоту в том, что ускользнуло от внимания других, и восстанавливаем справедливость каждый раз, когда замечаем ту или иную несправедливость».

«Превосходно! – одобрил Джаро. – Но тебе не кажется, что выполнение всех этих задач займет очень много времени?»

«Именно так, – невозмутимо продолжала Скирлет. – По этой причине „Посредники“ время от времени вербуют новых соискателей высшего статуса».

«Сколько в этом клубе действительных членов?»

Скирлет нахмурилась, словно что-то подсчитывая в уме: «До сих пор „Посредники“ почти фанатически берегли свою недоступность. По сути дела я – единственная представительница этого клуба. Остальные кандидаты были отвергнуты».

«Гм. Надо полагать, к заявителям предъявляются жесткие требования».

Скирлет пожала плечами: «В какой-то степени. Духовно раскрепощенные лица не исключаются только на этой основе. Кандидат должен быть аккуратным, вежливым и разумным человеком. Кроме того, медлительность, вульгарность и болтливость категорически не допускаются».

Продолжая, Скирлет упомянула о том, что, размышляя о вступительных критериях, она случайно вспомнила о некоем субъекте по имени Джаро, и что поименованный Джаро может, если он того пожелает, подать заявку на регистрацию в клубе «Посредников». «Престиж при этом приобретается автоматически, – прибавила она, – так как кандидатуры утверждаются мной, а я страшно разборчива и других таких нет».

Джаро согласился с тем, что в данном случае ему нечего было терять. Он заявил о желании вступить в клуб «Посредников», и его просьба была немедленно удовлетворена.

Для того, чтобы отпраздновать это событие, Скирлет открыла дверцу серванта, вернулась с бутылкой самого дорогого ликера из коллекции декана Хутценрайтера и налила две маленькие рюмки: «Говорят, этому ликеру больше двухсот лет – когда-то на какой-то мифической планете несколько капель этой настойки, пролитых на алтарь, умилостивляли богов грома и молний».

Скирлет осторожно пригубила темно-красную жидкость и поморщилась: «Крепковато, но пить можно. Так что же, перейдем к повестке дня. Присутствующие „Посредники“ составляют кворум, и мы можем сразу заняться решением вопросов, включенных в повестку дня».

«В чем заключаются эти вопросы?»

«Самая злободневная проблема касается половины членов клуба – то есть меня. Мой отец скоро отправится в грандиозную развлекательную поездку – сначала на планету Канопуса, потом на Древнюю Землю. Его не будет как минимум год, и он всегда путешествует первым классом. Для того, чтобы сэкономить средства, он хочет, чтобы в Сассунском Эйри

больше никто не жил, и решил отдать меня на попечение матери. Я не желаю лететь на Мармон и предпочитаю оставаться дома, даже если это означает, что мне придется поступить в Лицей. Отец сказал, что это невозможно. Я ответила, что в таком случае он мог бы отправить меня в Эолийскую академию в Гильсте. Это весьма просвещенное учебное заведение. Студенты живут в частных апартаментах, куда им подают блюда, приготовленные по заказу. Они изучают предметы, выбранные по своему усмотрению, придерживаясь самостоятельно установленного расписания, причем им предоставляется полная свобода в том, что относится к личным и общественным связям. Здание Академии возвышается на крутом берегу Большого Канджирского моря, а город Гильст – неподалеку. Я объяснила отцу, что была бы рада посещать Эолийскую академию, но он считает, что обучение в ней слишком дорого обойдется, и что настало время моей матери позаботиться о моем дальнейшем образовании. Я возразила, указав на то, что во дворце Пири-Пири меня научат не совсем тому, чему я хотела бы учиться, и что я предпочла бы либо остаться в Сассунском Эйри, либо поступить в Эолийскую академию. Отец разозлился и сказал, что я могу подать заявку в комитет „Устричных кексов“, и мне предоставят возможность так называемого „поднадзорного проживания“ – чрезвычайно непривлекательная перспектива. Основная проблема, разумеется, заключается в недостатке денежных средств, и эту недостачу предстоит восполнить „Посредникам“».

Скирлет снова взяла бутылку: «Еще по рюмке ликера? Он может стимулировать умственную деятельность».

Джаро с удивлением наблюдал за тем, как Скирлет наполняла рюмки: «Ты уже думала над тем, как можно было бы приобрести требуемые денежные средства?»

«Наилучший способ – шантаж! – заявила Скирлет. – Это просто, быстро и не требует особых навыков».

Послышались шаги. Дверь распахнулась: в кабинет зашел декан Хутценрайтер – худощавый человек в щеголеватом костюме из жемчужно-серого материала с серебристым отливом. Бледная кожа была словно туго натянута на угловатые выпуклости его лица, каштановые волосы ниспадали мягким потоком на спину, начинаясь над лысеющим лбом. Казалось, он был в состоянии нервного возбуждения – глаза его бегали по сторонам и наконец сосредоточились на бутылке, которую Скирлет все еще держала над рюмкой Джаро.

«Что здесь происходит? – яростно воскликнул Хутценрайтер. – Вы устроили тут пьянку, насасываясь моим драгоценным „Багонго“?» Он выхватил бутылку из руки Скирлет: «Объясни свое поведение, будь так любезна!»

Джаро галантно выступил вперед и произнес со всей возможной вежливостью: «Сударь, мы были заняты интересной и спокойной беседой. Ваше раздражение совершенно неуместно!»

Челюсть декана Хутценрайтера слегка отвисла, после чего он порывисто воздел руки к потолку: «Если я должен терпеть подобную наглость у себя в доме, мне остается только спать на улице, так будет дешевле!» Декан повернулся к Скирлет: «Кто это такой?»

И снова ответил Джаро: «Сударь, меня зовут Джаро Фат. Мои родители – адъюнкт-профессора Института, в Колледже эстетической философии».

«Фаты? Я их знаю. Они профаны! По-твоему, это дает тебе право вламываться ко мне в дом, просматривать мои бумаги, пить мой лучший ликер и соблазнять мою дочь?»

Джаро начал было протестовать, но декан Хутценрайтер взбесился пуще прежнего: «Ты что, не понимаешь, что сидел в моем любимом кресле? Ступай прочь, вон отсюда! И чтобы никогда сюда не возвращался! Вон отсюда, сию минуту!»

Скирлет устало сказала: «Тебе лучше уйти, пока он на самом деле не разозлился».

Джаро направился к двери. Обернувшись, он поклонился декану и удалился.

Прошла неделя. Скирлет больше не звонила. Однажды вечером в Приют Сильфид заехала Айдора Виртц, чтобы пригласить Альтею помочь в подготовке сельскохозяйственной

выставки. Джаро случайно оказался рядом, поздоровался с госпожой Виртц и, между прочим, спросил ее, как поживает Скирлет. Айдора Виртц удивилась: «Разве ты не слышал? Декан Хутценрайтер счел необходимым закрыть свой дом на лето, в связи с чем он отправил Скирлет в частную школу – а именно, насколько мне известно, в Эолийскую академию в Гильсте, на Аксельбаррене. Это прекрасная школа, и Скирлет должна считать, что ей повезло. Желая ей всего наилучшего – но Ойкумена велика, и мы можем никогда больше ее не увидеть».

«Думаю, мы еще увидимся, – заметил Джаро. – Здесь она – „устричный кекс“, а в любом другом месте – не более чем девушка по фамилии Хутценрайтер».

4

На летних каникулах Джаро работал в мастерской космического порта. Трио Хартунг назначил его помощником механика по имени Гэйнг Нейтцбек, грузного приземистого субъекта с жестким ершиком седых волос, задубевшей от загара и ветра кожей и вечной недоброй усмешкой на лице. Тоун Мэйхак раньше как-то уже познакомил их.

Отведя Джаро в сторону, Хартунг посоветовал: «Пусть тебя не обманывает внешность Гэйнга. Он не такой терпеливый и покладистый, каким кажется».

Джаро с сомнением взглянул на Нейтцбека – по его мнению, тот вовсе не казался ни покладистым, ни терпеливым. Лицо Нейтцбека напоминало трагическую маску мумии с мутно поблескивающими глазами и мясистым вмятым носом, который ломали так неудачно или так часто, что он сначала был свернут в одну сторону, а потом в другую. У Нейтцбека были широкие плечи, грудь колесом, длинные руки, массивные и сильные ноги. Он передвигался, однако, слегка ссутулившись, какими-то рывками и скачками.

Хартунг продолжал: «По правде говоря, Гэйнг – жуткая образина, но он знает о звездах и космосе все, что можно знать. Выполняй его указания и говори с ним только тогда, когда это потребуется – и вы с ним поладите».

Джаро подошел к Нейтцбеку: «Сударь, я готов работать, как только у вас будет время поручить мне работу».

«Хорошо, – ответил Гэйнг. – Я покажу, что нужно сделать».

Джаро обнаружил, что Нейтцбек придерживался следующего подхода: он поручал ему что-либо, после чего уходил и предоставлял Джаро возможность выполнять задание, полагаясь исключительно на себя, а когда задание было выполнено, подвергал результаты тщательной проверке. Такой подход не слишком тревожил Джаро и даже слегка развлекал его, так как он твердо решил добиться совершенства во всем, что он делал в мастерской, и даже превзойти ожидания. Поэтому от Нейтцбека он почти не слышал никаких нареканий, кроме неразборчивого разочарованного ворчания, объяснявшегося по-видимому, тем, что Гэйнг не мог найти основательных причин для выговора. Джаро постепенно перестал волноваться. Он неукоснительно выполнял инструкции и говорил с Нейтцбеком только тогда, когда тот к нему обращался, что очевидно вполне устраивало старого механика. Гэйнг поручал Джаро всю грязную работу, которой сам стремился избежать. Джаро набрасывался на каждое новое поручение с энергией и целеустремленностью, стараясь делать все, что требовалось, эффективно и безукоризненно – хотя бы для того, чтобы Нейтцбеку не к чему было придаться.

По мнению Джаро, к Нейтцбеку невозможно было испытывать неприязнь. Его нельзя было обвинить ни в мелочности, ни в несправедливости, а когда это требовалось, он выкладывался не меньше самого Джаро. Кроме того, Джаро начинал подмечать в характере Нейтцбека особенности, которые механик старался скрывать.

Джаро вскоре понял, что, если он будет прилежно работать и учиться всему, чему Нейтцбек мог или хотел его научить, в конечном счете он станет высококвалифицированным космическим механиком, способным починить практически любой компонент любого звездолета.

Месяца через полтора Джаро встретился в коридоре с Трио Хартунгом. Тот спросил, как идут дела.

«Хорошо», – ответил Джаро.

«И с Гэйнгом у тебя нет никаких проблем?»

Джаро ухмыльнулся: «Я стараюсь его не раздражать. Начинаю понимать, что в каком-то смысле он необыкновенная личность».

Хартунг кивнул: «Можно сказать и так. У него была бурная жизнь, он успел побывать во всех уголках Ойкумены, в Запределье – и кто знает, где еще? Говорят, он работал в МСБР –

учил рекрутов приемам рукопашной схватки – но в конце концов ему надоели дисциплина и необходимость изображать энтузиазм».

«Поразительно! – заметил Джаро. – Не хотел бы столкнуться с ним в темной подворотне после того, как испорчу ему настроение».

«Это маловероятно, – заверил его Хартунг. – Ты ему нравишься. Он говорит, что ты – хороший работник, не отлыниваешь и упрямее его самого. Кроме того, ты не отвлекаешь его пустой болтовней. Со стороны Гэинга на лучшую оценку трудно надеяться. Сам он тебе никогда ничего такого не скажет».

Джаро снова ухмыльнулся: «Рад это слышать от вас».

Хартунг повернулся, чтобы уйти, но остановился: «Кажется, ты говорил, что поступаешь в Лицей?»

«Примерно через месяц».

«Если хочешь, я могу давать тебе работу по вечерам, если твое расписание не помешает».

«Большое спасибо, господин Хартунг!»

Глава 7

1

Первые два года в Лицее Джаро провел относительно спокойно. Выбирая основной учебный план, он сосредоточился на научно-технических дисциплинах и математике. В первом году он выбрал также три факультативных курса, надеясь таким образом порадовать Фатов: элементарную теорию гармонии, общую историю музыки и обучение игре на суаноле. Этот инструмент чем-то походил на древнюю концертину: насос подавал воздух в язычковые трубы, а клавиши открывали и закрывали клапаны труб двух регистров, верхнего и нижнего. Фаты считали суанолу тривиальным, даже несколько вульгарным инструментом, но воздерживались от критики, чтобы поддержать попытки Джаро доставить им удовольствие. Джаро понимал ограниченность своих музыкальных способностей: он играл аккуратно, но сухо и невыразительно; ему не хватало необузданной, внутренне противоречивой страстности, отличающей выдающегося музыканта от посредственного. Даже посредственные навыки, однако, позволяли ему играть в составе небольшого оркестра «Аркадских фигляров» в костюме пастуха-гитана. Их ансамбль время от времени развлекал народ на вечеринках, пикниках и праздничных карнавалах, в том числе на развлекательных речных судах.

Профессора Фаты в целом одобряли достаточно плотное расписание Джаро; оно почти подавало надежду, что в конце концов он привыкнет к мысли о работе в Институте, предпочтительно в Колледже эстетической философии. Надежда эта подрывалась тем обстоятельством, что Джаро, приучившись вставать пораньше, успевал работать четыре часа в день по выходным в мастерской космопорта.

Джаро несколько не удивило то, что его родители выражали недовольство таким положением дел. Хильер подошел к вопросу с поистине профессорским педантизмом: «Время, которое ты тратишь в мастерской, можно было бы использовать более конструктивно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.